

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени М.В. ЛОМОНОСОВА  
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

*На правах рукописи*

**Колот Бурак**

**Балканский кризис 1990-х годов во внешнеполитических  
концепциях США и России (1992–2000)**

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

**ДИССЕРТАЦИЯ**

на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Научный руководитель:  
кандидат исторических наук, доцент  
Сетов Роман Александрович

Москва — 2023

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>ВВЕДЕНИЕ .....</b>	<b>3</b>
<b>ГЛАВА 1. РОЛЬ КОНЦЕПЦИЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ОПЫТ РФ И США.....</b>	<b>33</b>
1.1. От СССР к России: обновление внешнеполитической концепции .	35
1.2. Идея «нового мирового порядка» во внешней политике США на рубеже 1990-х гг.: декларации и практика.....	43
1.3. Адаптация России к постбиполярному миру: Основные внешнеполитические идеи.....	67
<b>ГЛАВА 2. ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ НА БАЛКАНАХ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ США .....</b>	<b>82</b>
2.1. Особое место Югославии в американском стратегическом видении Европы: от Второй мировой войны до конца 1980-х гг.....	84
2.2. Американские оценки положения СФРЮ в период крушения биполярного мира.....	88
2.3. Американские инициативы в югославских событиях 1990-х гг. и их значение.....	94
2.4. «Последний удар Победоносца». Политика США в косовском кризисе .....	108
<b>ГЛАВА 3. БАЛКАНЫ 1990-Х ГГ. ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ, ДЕКЛАРАЦИИ И ПРАКТИКА .....</b>	<b>118</b>
3.1. События в Боснии и Герцеговине в российских внешнеполитических дискуссиях и практика дипломатии.....	118
3.2. «Особые отношения» РФ и Сербии и место косовской проблемы в балканской политике России.....	142
3.3. Дискуссии и оценки итогов косовских событий в российском внешнеполитическом дискурсе.....	157
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....</b>	<b>163</b>
<b>СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ .....</b>	<b>170</b>
<b>БИБЛИОГРАФИЯ.....</b>	<b>173</b>

## Введение

Россия и США – две мировые державы, подчеркивающие свою исключительную роль и предназначение в мире. Оба государства отмечают этот уникальный статус в национальных гимнах, которые используются на важных государственных мероприятиях, таких как, например, инаугурация президента. Каждый гимн возник в уникальное время в истории нации. Для России ее нынешний гимн стал официальным через десять лет после распада Советского Союза и возникновения современного государства. Американский гимн, существующий уже два полных столетия, появился во время войны за независимость США (1775–1783), в которой новая нация победила колониальную державу Великобританию. В целом же оба гимна отражают отношение обеих наций к глобальным и региональным кризисам.

Необходимо внимательно изучить роль обеих стран в урегулировании кризисов, которые произошли в первые 10 лет после окончания Холодной войны. Нет никаких сомнений в том, что он был тернистым. Причины неоднозначности оценок и ошибочных представлений об этом периоде лежат в истории поздней Холодной войны. Правление администрации Р.У. Рейгана, стремившейся к соглашениям о разоружении, характеризуется жесткими действиями и значительным наращиванием военного потенциала.

Формирующаяся новая международная обстановка после окончания Холодной войны оказала сильное влияние на урегулирование югославского кризиса. Распад Югославии как федеративного государства стал результатом длительного процесса и совокупности внутренних и внешних обстоятельств, в том числе и краха коммунизма. Особая роль Югославии на протяжении всего периода Холодной войны, обусловленная военным балансом сил между Востоком и Западом, оказывала большое влияние на югославское государство и его геостратегическое положение, которое обеспечивало преимущества перед другими государствами социалистического блока. В течение почти пятидесяти лет это была арена соперничества с постоянной угрозой прямой конфронтации между Востоком и Западом. Вследствие этого

Югославия обладала ведущим военным потенциалом в Европе (поддерживаемым как Западом, так и Востоком), который впоследствии сильно повлиял на характер войны, армия стала доминирующим политическим фактором в югославском кризисе в начале 1980-х гг. на фоне прогрессирующей дезинтеграции с момента смерти И.Б. Тито.

Потенциал демократической модели развития Югославии и выгоды от ее особого положения на протяжении полувека не обеспечили прочной основы для мирных преобразований и модернизации этой страны. Смена геостратегических приоритетов Запада вскоре стала очевидна. Новый посол США в Белграде Уоррен Циммерманн (1988–1992) прибыл в столицу с сообщением о том, что Югославия утратила свое важное геополитическое значение, которое США придавали ей во время Холодной войны. Мир поднял вопрос о правах человека, особенно в Косово, и ожидает, что Югославия будет соответствовать международным нормам и стандартам.

Крах «реального социализма» уменьшил влияние коммунизма на международные отношения. Безопасность мира была обеспечена благодаря доктрине «сдерживания», сформулированной американским дипломатом Джорджем Кеннаном в 1940-х годах. По его словам, политика сдерживания стала ключом к "миру во всем мире".

Распад некогда жесткой международной структуры оказал большое влияние на геополитическую ситуацию в Европе и во всем мире. Новое соотношение сил сделало возможным воссоединение Германии, но в то же время углубило различия между западными государствами и государствами, входившими в состав бывшего Восточного блока, что привело к нестабильности в регионе. Это изменение также привело к радикальным изменениям в военной структуре.

**Актуальность исследования** заключается в том, что политическая борьба между Соединенными Штатами и Россией, возникшая в ходе боснийского и косовского кризисов в рамках европейской безопасности сразу после окончания Холодной войны, продолжается и в настоящее время.

Необходимо, во-первых, проанализировать дипломатические отношения США и России по вопросам разрешения этнических конфликтов в Европе. Во-вторых, события на Балканах в 1990-е гг. также привели к острым дискуссиям по основным принципам международного права. Таким образом, все вышесказанное свидетельствует, что избранная тема исследования обладает достаточно высокой степенью актуальности.

**Объектом диссертационного исследования** являются возникновение и развитие в 1990-е годы комплекса кризисных явлений на Балканах, которые затрагивали внешнеполитические интересы США и России.

**Предметом диссертационного исследования** является динамика отражения кризисных явлений во внешнеполитических концепциях США и России в указанный период.

**Хронологические рамки исследования** охватывают период с 1992 г. до 1999 г. включительно. За отправную точку изменений в российско-американских отношениях взят период прихода к власти президента России Б.Н. Ельцина и вытекающие из этого изменения в балканских кризисах. Конечной датой является 1999 г. – агрессия стран-членов НАТО против Югославии и Косовский кризис.

**Степень научной разработанности проблемы.** Можно разделить исследования балканской проблематики на несколько групп. Работы, рассмотренные в первой группе, дают оценки общей политической, социологической и экономической структуры Балкан в период после окончания Холодной войны<sup>1</sup>.

В работе «Балканы: национализм, война и великие державы (1804–1999)» одного из ключевых исследователей Юго-Восточной Европы британского журналиста Миши Гленни рассматриваются исторические и географические аспекты, обусловившие демографическую структуру Балкан. Автор приходит к выводу, что в основе событий 1990 г. главным образом

---

<sup>1</sup> Балканы: между прошлым и будущим / Редкол.: А.А. Язькова и др. М., 1995; Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах XX веке / Н.В. Васильева, В.А. Гаврилов, В.А. А. Миркишин / М., 2005.

лежат уходящие глубоко в историю этнические противоречия. Таким образом, автор предостерегает великие державы от этнических войн, которые могут возникнуть между народами региона.

Американский эксперт Сьюзен Л. Вудворд, анализирующая роль Балкан в международной политике, утверждает в своей работе, что проблема Югославии не может рассматриваться вне контекста мировой политики<sup>2</sup>. По мнению Вудворд, одной из главных причин кризиса на Балканах является переход общества от социализма к демократии и рыночной модели экономики. Также, по мнению Вудворд, не последнюю роль сыграло снижение уровня жизни, которое привело к массовым протестам. Автор указывает, что экономическая слабость правительств является наиболее важной причиной возникновения территориальных войн.

Кроме этого, по словам Вудворд, изначально западный мир не мог в полной мере предвидеть динамику кризиса, т. к. Балканы не имели почти никакого весомого политического или экономического значения. По мнению автора, это было главной причиной того, что Европейский Союз не смог предотвратить кризисные события, происходившие до 1995 г.

В период 1990–1995 гг. ситуация, вызванная этническими конфликтами и ростом националистических движений в регионе, была названа в мировой литературе «балканизацией»<sup>3</sup>. Также эта тема широко освещена в российской литературе. Наиболее значимым экспертом по Балканам, чьи работы необходимо отметить, является Е.Ю. Гуськова. Тематика ее научных исследований обширна: история Югославии, история Балканских кризисов

---

<sup>2</sup> Woodward S. *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*. Brookings Institution Press. 1995.

<sup>3</sup> См: Место и роль Балкан в современной Европе и мире // Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / отв. ред. А.А. Язькова. М., 2007. С. 13; Она же. Косовский конфликт в балканском политическом контексте: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. М., 1999; по мнению британского исследователя Т. Галлахера, «балканизация» есть конфликт, выросший из фрагментации политической власти, во многом порожденный действиями великих держав, и прежде всего США, имевших на Балканах свои амбиции и корыстные интересы. Подробнее см.: Gallagher T. *Outcast Europe: The Balkans, 1789–1989. From the Ottomans to Milosevic*. New York. 2001. P. 279.

XX и XXI вв., политическое развитие балканских стран, кризисы и проблемы полиэтнических государств, международная и российская политика на Балканах, взаимоотношения Балкан и НАТО и др. Одной из наиболее значимых работ Гуськовой (написавшей более 500 научных трудов<sup>4</sup>) является «История югославского кризиса (1990–2000)»<sup>5</sup>, в которой рассматривает причины распада Югославии. Она также проанализировала политическую мобильность в Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине и их роль в международной политике. В исследовании автор уделила большое внимание Организации Объединенных Наций, ЕС, ОБСЕ, НАТО и определению роли этих международных организаций в югославском конфликте. Также она изучает косовский кризис преимущественно в контексте балканской истории, не рассматривая косовский вопрос в контексте российской истории.

Одно из важных исследований принадлежит К.В. Никифорову, который анализирует отношения между Россией и Сербией<sup>6</sup>. Тот факт, что автор сыграл активную роль в построении отношений с Сербией, делает его работу еще более ценной. В региональном смысле автор рисует карту Балкан, помогая понять как отношения России с балканскими государствами, так и отношения между самими балканскими государствами.

С.А. Романенко, один из самых авторитетных авторов в российской историографии, использует в своей работе данные, полученные в процессе общения с различными этническими и религиозными общинами во время поездок на Балканы. Это дало автору возможность детально изучить не только современную проблему Югославии, но и историю югославских народов, что подробно изложено в его работе «Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств: Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной

---

<sup>4</sup> Список трудов автора: URL: <http://www.guskova.info/w/trudy.html>

<sup>5</sup> Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. Также важны две работы о нападении на Косово. См: Гуськова Е.Ю. Югославия: необъявленная война. М., Владимир Даль. 2020. 512 с.; Она же. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М., «Индрик». 2013. 310 с.

<sup>6</sup> Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской. М., 1999. 259 с.

Европы в XIX–XX вв.»<sup>7</sup>. В этой работе автор анализирует, как феномен национализма среди югославских народов развивался в истории. Утверждая, что основы разделения были заложены в рамках националистической политики, проводимой, в частности, в Хорватии и Сербии, автор критикует данную причину.

Проблема Югославии в период после окончания Холодной войны подробно анализируется в статье В.К. Волкова «Трагедия Югославии»<sup>8</sup>. Автор рассмотрел проблему в рамках трудностей экономического развития Югославии и проанализировал кризис в сопоставлении с экономической политикой государства в прошлые периоды.

Т.В. Керестеджиянц, который был послом России в Хорватии в 1992–1996 гг., проанализировал историческое развитие Югославии и социологические позиции славян на Балканах в статье «Югославская трагедия» о событиях того периода<sup>9</sup>. В частности, в статье приводится подробная характеристика хорватской армии и ее положения на Балканах. Кроме того, касаясь косовского кризиса, автор критикует, в частности, «ультиматум Рамбуйе» и подготовку Западом соответствующих условий для реализации своих целей в регионе. По мнению автора, эта инициатива претендует на опровержение идеи «гуманитарной помощи», которую Соединенные Штаты выдвинули как в политическом смысле, так и в рамках военных операций, которые они проводили с НАТО.

Еще одно исследование было подготовлено Институтом славяноведения при поддержке Российского гуманитарного научного фонда «Югославия в XX веке: очерки политической истории»<sup>10</sup>, в котором представлены работы наиболее известных российских балканистов. В работе

<sup>7</sup> Романенко С.А. Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств; Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX в. М., 2000. 495 с.

<sup>8</sup> Волков В.К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. № 4. 1994. С. 14.

<sup>9</sup> Керестеджиянц Т.В. Югославская трагедия // Международная жизнь. 2008. <https://interaffairs.ru/jauthor/materialЭЭ/1301>

<sup>10</sup> Югославия в XX веке: очерки политической истории / Под ред. К.В. Никифорова. М., 2011. 887 с.



отражено основание Югославии и изучение той или иной проблемы конкретного периода истории югославских народов в российской историографии.

Оценивая югославский кризис после окончания Холодной войны, Л.В. Тягуненко в статье «Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века. Природа югославского кризиса» обсуждает важность роли НАТО в балканском конфликте<sup>11</sup>. По мнению автора, конфликт с вмешательством НАТО закончился его «позорной и жестокой» победой. Кроме того, автор утверждает, что неэффективность ЕС в регионе еще больше усугубляется растущей мощью НАТО.

Исследования из условной второй группы анализируют события, которые произошли в мировой политической жизни с окончанием Холодной войны. Влияние изменяющейся структуры международной системы на Балканы отражено в работах как зарубежных, так и российских исследователей этого раздела: А.Д. Богатуров<sup>12</sup>, П.А. Цыганков<sup>13</sup>, А.И. Никитин<sup>14</sup>, М.М. Лебедева<sup>15</sup>, Т.А. Шаклеина<sup>16</sup> и др. Среди этой группы работа Т.А. Шаклеиной особенно важна для понимания российско-американских отношений. Отношения между Россией и США являются

---

<sup>11</sup> Тягуненко Л.В. Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века. Природа югославского кризиса. Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 28–45.

<sup>12</sup> Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы... 2007. № 1 /Январь–апрель; Фененко А.В. Балканский кризис и российские внешнеполитические приоритеты // Pro et Contra. 2001. – Осень; Волков В.К. «Новый мировой порядок» и Балканский кризис 90-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 2. URL:

<http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VOLKOV.HTM>

<sup>13</sup> Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебное пособие. М., 2005. 590 с.

<sup>14</sup> Миротворческие операции, парламенты и законодательство. Коллективная монография / Под ред. А.И. Никитина. М., 2004; Никитин А.И. Миротворческие операции: концепции и практики. М., 2000. 188 с.; Он же. Вмешательство в конфликты с применением военной силы // Мир и согласие. 2004. № 19. С. 19–24.

<sup>15</sup> Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Учебное пособие. М., 1999. 270 с.

<sup>16</sup> Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике [Электронный ресурс] / Шаклеина Т.А. М.: Аспект Пресс, 2017. 336 с. -ISBN 978-5-7567-0888-2- Режим доступа: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785756708882.html>; Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США: Итоги первого срока администрации Буша / под ред. Т.А. Шаклеиной. М., 2005.

крупнейшим фактором, влияющим на формирование мирового порядка в XXI в. В этом ключе Шаклеина в работе «Россия и США в современных международных отношениях»<sup>17</sup> рассматривает особенности развития российско-американских отношений и влияние США и России на формирование «Нового мирового порядка». Автор также обстоятельно анализирует глобальную стратегию США и, в частности, политику США в отношении России. Кроме этого, в работе автора представлена важная информация о внешней политике России в 1990-х гг. Таким образом, автор показывает влияние отношений России и США на формирование мирового порядка в XXI в.

Также важны дипломатические отношения между Россией и Соединенными Штатами и урегулирование этих отношений на институциональном уровне. В этих рамках в монографии Батюка В.И. «Трудное партнерство...»<sup>18</sup> рассмотрена история развития двусторонних дипломатических отношений России и США в период после окончания Холодной войны. Кроме этого, в данном исследовании нами был использован материал нескольких статей Батюка В.И., которые помогают проанализировать внешнеполитические концепции стран<sup>19</sup>. Кроме того, Батюк подробно рассмотрел, какой должна быть позиция России по отношению к НАТО и отношения, развивающиеся в этом процессе их взаимодействия, а также оценил попытки России соответствовать мировому уровню в военном направлении<sup>20</sup>. Таким образом, автор также рассмотрел

---

<sup>17</sup> Шаклеина Т.А. Россия и США в современных международных отношениях: монография / Т.А. Шаклеина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022.

<sup>18</sup> Батюк В.И. Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны»: [монография] / Батюк В. И.; Российская акад. наук, Ин-т США и Канады. М.: Прометей. 2008. 212 с.

<sup>19</sup> Батюк. В.И. Режимы в российско-американских отношениях // Политические процессы в современном мире: Стратегические измерения. Вестник РУДН, сер. Политология. № 3. С. 52–56.

<sup>20</sup> Батюк В.И. НАТО и Российская Федерация: Эволюция взаимоотношений // Вестник МГУ. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2020. № 1. С. 3–31; Батюк В.И. США и военная безопасность Европы: эволюция подходов // Контуры глобальных

процесс формирования однополярного мира<sup>21</sup>. Информация о позициях двух стран на Балканах, предоставленная В.И. Батюком, была использована для оценивания региональной политики Соединенных Штатов и России в дополнение к общим отношениям<sup>22</sup>.

Для более глубокого понимания российско-американских отношений, особенно с точки зрения России, необходимо детально изучить концепции внешней политики России. Этот вопрос подробно проработан А.К. Бобровым в монографии «Концептуальные основы внешней политики России»<sup>23</sup>. Он анализирует внешнеполитические стратегии России и изучает ее реакцию на кризисы. Кроме того, он выражает мнение, что глобальные внешнеполитические приоритеты России заключаются во вступлении в международные организации, и предполагает, что тем самым Россия может сохранить свои позиции на постсоветском пространстве. В данном исследовании автор прослеживает развитие внешнеполитического курса России на основе анализа базового доктринального документа.

В третью группу вошли исследования, анализирующие внешнюю политику США в Европе после распада СССР и ту роль, которую США сыграли в отношениях с новообразованными балканскими государствами.

Джона Стейнберга можно считать первым из авторов, которые полагают, что внешняя политика США на Балканах является правильной. В статье «*Blind to Reality on Kosovo*» в журнале *Foreign Affairs* автор говорит о том, что нападение НАТО на Сербию является оправданным<sup>24</sup>. По мнению автора, дипломатические усилия Соединенных Штатов и Европы в 1998–

---

трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 3. 2019. С. 207–220. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-207-220.

<sup>21</sup> Батюк В.И. На пути к биполярному миру // Вестник МГУ. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2020. № 4. С. 228–234.

<sup>22</sup> Батюк В.И. Российско-американский диалог по региональным проблемам в XXI веке: итоги и перспективы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 8. С. 17–32.

<sup>23</sup> Бобров А.К. Концептуальные основы внешней политики России: монография / А.К. Бобров. М.: Аспект Пресс, 2021.

<sup>24</sup> Steinberg J. A Perfect Polemic: Blind to Reality on Kosovo // *The Foreign Affairs*. November–December, 1999. Vol. 78. № 6. P. 128–133.

1999 г. привели к подписанию соглашений в Рамбуйе и таким образом смогли разрешить кризис в регионе, в то время как администрация Белграда не выполнила постановления, принятые на этих переговорах, и поэтому несет ответственность за операцию НАТО. Автор считает, что единственной целью Соединенных Штатов является прекращение этнических конфликтов в Восточной Европе. В качестве аргумента приводится мнение, что возможное бездействие НАТО могло привести к тому, что сербы будут продолжать этнические конфликты и гражданская война никогда не закончится. Кроме того, автор считает, что межгосударственные партнерские отношения, которые находились под контролем администрации США после Холодной войны, могут быть нарушены. Также, по мнению автора, в случае возможного бездействия НАТО Восточная Европа испытает кризис, и в регионе может возникнуть хаос.

Другой автор, В. Берт, в своих работах критикует политику США. Он определяет США как «Reluctant Superpower»<sup>25</sup> и анализирует, как их внутренняя политика отражается на кризисе, разворачивающемся на Балканах. Администрация Вашингтона придерживалась пассивной позиции президента Буша во внешней политике, когда начался кризис. А затем, во время правления президента Клинтона, вопрос урегулирования кризиса был оставлен на усмотрение стран ЕС. По словам автора, такая политическая позиция была основной причиной возникновения гуманитарных проблем в регионе.

Еще один автор, критикующий политику США, Д. Комперт. В статье «Соединенные Штаты и югославские войны» Комперт говорит о том, что США осознавали неизбежность распада Югославии в результате гражданских войн, но попыток остановить их не предпринимали<sup>26</sup>. Также автор убежден, что США использовали бы любую возможность

---

<sup>25</sup> Bert W. Reluctant Superpower: United States's Policy in Bosnia 1991–95. Palgrave Macmillan. 1997. 321 p.

<sup>26</sup> Compert D. The United States and Yugoslavia's Wars // The World and Yugoslavia's Wars / Edited by R. Ullman, Council on Foreign Relations Press. 1996. P. 122–144.

урегулировать конфликты мирным путем, если бы она представилась. Взрыв на городском рынке Маркале в Сараево в феврале 1994 г. является, по мнению исследователя, поворотным моментом в конфликте, т.к. после этого возрастает роль НАТО в регионе. Автор считает, что вектор политики США верный, т.к. бомбардировки позиций боснийских сербов в августе-сентябре 1995 г. были гораздо эффективнее нанесенных ранее точечных авиаударов, которые не достигли существенных результатов.

подавляющее большинство авторов, критикующих европейскую и балканскую политику Соединенных Штатов, считают, что главной целью американского вмешательства является реализация политических амбиций США, а не предотвращение социальных проблем и этнических конфликтов. По словам Д. Гиббса<sup>27</sup>, одного из этих авторов, разделяющих эту точку зрения, главная причина поддержки Соединенными Штатами мусульман заключается в том, что они стремятся к продолжению политических конфликтов в регионе, увеличивая таким образом свое влияние в мировой политике.

В работе «Политика Вашингтона в отношении Косово: последствия и противоречия», подготовленной Институтом Катона и изданной в октябре 1998 г., эксперт по внешней политике Г. Демпси негативно высказывается о направлении политики Б. Клинтона в Косово, называя ее крайне неэффективной, поскольку она несла в себе риски для США вступить в крупномасштабную войну на европейском континенте<sup>28</sup>, а также привести к эскалации конфликта и отсрочить проведение демократических реформ в Югославии.

Исследование, в котором критикуется балканская политика Соединенных Штатов, принадлежит директору Центра по изучению

---

<sup>27</sup> Gibbs D. First Do No Harm: Humanitarian Intervention and the Destruction of Yugoslavia. Vanderbilt University Press, 2009. 327 p.

<sup>28</sup> Dempsey G. Washington's Kosovo Policy: Consequences and Contradictions if Cato Policy Analysis. 1998. № 321.

глобализации М. Чоссудовскому<sup>29</sup>. В частности, автор утверждает, что через МВФ Югославия была экономически разрушена и понесла большие потери в международной торговле. Таким образом, Югославия в федеративной структуре могла быть втянута во внутренние беспорядки. По мнению автора, в результате этого экономического давления хорваты и словенцы, в частности, были поддержаны Соединенными Штатами на пути к независимости, а Югославия была втянута в гражданскую войну.

М. Мандельбаум является наиболее значительным критиком операции в Косово. В статье «Блестящий провал: война НАТО против Югославии»<sup>30</sup> автор утверждает, что вмешательство НАТО не увенчалось успехом, т.к. единственным результатом операции стало большое число погибших. Таким образом, подчеркивает автор, мнение о том, что западные державы-члены с НАТО наводят порядок в кризисных областях во имя человечества, является заблуждением. Кроме того, у Соединенных Штатов не было никаких идеологических оснований для проведения военных операций в этом регионе. Их политические споры с государствами, обладающими ядерным оружием, такими как Россия и Китай, почти закончились после окончания Холодной войны. Поэтому операции на Балканах можно считать провальными для Соединенных Штатов.

Есть также авторы, критикующие США за проблему нарушения прав человека, возникшую в связи с интервенцией США на Балканах. Эти авторы считают, что тяжелые последствия войны нанесли весьма серьезный ущерб мировой политической жизни. Один из таких авторов И. Даалдер осветил политику Б. Клинтона в Боснийском конфликте в работе «На пути в Дейтон: формирование американской политики в Боснии»<sup>31</sup>. По словам автора, у правительства Вашингтона до 1995 г. не было экспертной группы, которая

---

<sup>29</sup> Chossudovsky M. The Globalization of Poverty and the New World Order, Global Research, 2003. 376 p.

<sup>30</sup> Mandelbaum M. A Perfect Failure: NATO's War against Yugoslavia // The Foreign Affairs. September–October, 1999. Vol. 78. 5. P. 2–8.

<sup>31</sup> Daalder I. Getting to Dayton: The Making of America's Bosnian Policy. Brookings Institution Press. 2000. 189 p.

могла бы проанализировать события в Боснии и дать им оценку. Но с экспертными группами, созданными после 1995 г., политическая динамика в регионе была сформирована. Также автор предполагает, что главной причиной вмешательства Клинтона в Боснию является неэффективная политика ЕС по разрешению конфликтов в регионе. Это исследование ограничивается подробным описанием только событий 1995 г.

В другой работе Даалдера, написанной в соавторстве с М. О'Хэнлоном, дана положительная оценка результатам военной интервенции НАТО<sup>32</sup>. Как считают эксперты, вмешательство НАТО было необходимо в связи с тем, что Косовский кризис затягивался. По их мнению, НАТО достигло все свои цели в регионе. Но без использования дипломатии военная победа не могла бы состояться, считает Даалдер.

Отсутствие экспертных оценок, о которых упоминал Даалдер, было восполнено. Перед госсекретарем У. Кристофером была поставлена задача всесторонне изучить историю Дейтонских соглашений. Таким образом, появилось исследование «Дорога в Дейтон. Американская дипломатия и процесс мирного урегулирования в Боснии»<sup>33</sup>, которое могло быть использовано в качестве руководства для будущих дипломатов, направляемых в регион.

В данном исследовании также важное место отведено анализу проблемы Косово. Некоторые из этих исследований рассматривают балканский кризис как проблему мировой политики и критикуют правительство Вашингтона.

В работе «Игра НАТО: комбинируя дипломатию и воздушную силу в косовском кризисе (1998–1999 гг.)»<sup>34</sup> Д. Хенриксен анализирует важность

---

<sup>32</sup> Daalder I., O'Hanlon M. *Winning Ugly: NATO's War to Save Kosovo*. Brookings Institution Press, 2000. 359 p.

<sup>33</sup> *The Secret History of Dayton. US. Diplomacy and Bosnia Peace Process 1995* // National Security Archive Electronic Briefing Book No. 177. ред. Derek Chollet и Bennett Freeman Washington, 1997. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB171/>

<sup>34</sup> Henriksen D. *NATO's Gamble: Combining Diplomacy and Airpower in the Kosovo Crises. 1998–99*. 2007. 304 p.

Косово для НАТО и утверждает, что альянс не стремился к военному вмешательству. По мнению автора, Североатлантический альянс не был готов к участию в косовском кризисе ни в военном отношении, ни идеологически. Но решение о нападении на Косово принял не Брюссель, а Вашингтон. Это свидетельствует о том, что Соединенные Штаты играли ведущую роль в операциях союзных войск. Автор также подверг критике ориентацию США на военную силу в ущерб использованию дипломатии в рамках этих мероприятий.

Американский политолог Элиот А. Коэн в статье «Косово и новый американский способ войны»<sup>35</sup> говорит о том, что по существу интересы Штатов в Косово затронуты не были, а задачей НАТО в действительности являлось окончательное разрушение остатков социализма. Еще одной причиной вторжения альянса он называет стремление США предотвратить другие гражданские войны в регионе.

Профессор политологии Джойс П. Кауфман в книге «НАТО и бывшая Югославия: кризис, конфликт и атлантический альянс»<sup>36</sup>, удостоенной исследовательской стипендии НАТО, рассматривает роль НАТО в Боснийском и Косовском кризисах. Исследование в значительной степени построено по описательному принципу, внимание в основном сосредоточено на хронологическом изложении событий, чем на политическом анализе.

Тема политики США и России на Балканах в российской исторической науке представлена скромнее по сравнению с западной историографией.

Труды В.Н. Виноградова<sup>37</sup>, Ю.П. Давыдова, П.Е. Канделя, М.Л. Ямбаева<sup>38</sup>, различные по жанрам и концептуальным и методологическим подходам, содержат глубокий и разносторонний анализ балканских событий

---

<sup>35</sup> Cohen E. Kosovo and the New American Way War // War Over Kosove: Politics and Strategy in Global /Edited by A. Bacevich, E. Cohen. Columbia University Press. 2001. P. 38–62.

<sup>36</sup> Kaufman J. NATO and the Former Yugoslavia: Crisis, Conflict and the Atlantic Alliance. Rowman & Littlefield Publishers. 2002. 256 p.

<sup>37</sup> Виноградов В.Н. Об исторических корнях «горячих точек» на Балканах // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 3–12.

<sup>38</sup> Ямбаев М.Л. Вооруженный конфликт 2001 г. в Македонии и развитие политической ситуации в стране и регионе // Славяноведение. 2005. № 3. С. 106–111.



1990–2000 гг. В работе коллектива авторов «Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке» дается анализ роли России на Балканах в кризисные моменты истории на протяжении XX в<sup>39</sup>. Сборник «Мир после Косово» составляют материалы конференции в ИЛА РАН, анализирующие события в Косово и их влияние на международные отношения<sup>40</sup>.

Книга «Косово: международные аспекты кризиса»<sup>41</sup>, опубликованная Московским Центром Карнеги, в целом важна, т.к. содержит статьи ученых из разных научных областей. Исследователи рассматривают Косовский кризис как международный конфликт, анализируют его развитие, особенности и возможные последствия. Е. Степанова, один из составителей книги, рассматривает роль США в косовском кризисе.

С.М. Самуйлов в статье «США, НАТО, Россия и боснийский кризис»<sup>42</sup> утверждает, что Соединенные Штаты оказывали давление на Совет Безопасности ООН и использовали его в своих собственных интересах. Автор утверждает, что основная причина балканских кризисов связана с избытком демократических инициатив в регионе. Кроме того, автор утверждает, что Запад по-своему определил этническую карту Балкан и не считает сербов европейской нацией.

К четвертой группе относятся исследования, в которых рассматриваются такие вопросы, как способы создания концепций, определение внешнеполитических интересов, принятие решений и реализация решений правительством. Это позволяет более четко понять содержание концепций внешней политики США и России в Балканском регионе. Важно понять отношение Российской Федерации к балканским кризисам 1990-х гг. Этому вопросу посвящен ряд исследований,

---

<sup>39</sup> Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке // Коллектив авторов. М., 2005. 432 с.

<sup>40</sup> Мир после Косово: Реф. сб. // под ред. Т.Г. Пархалиной. М., 2001. 247 с.

<sup>41</sup> Косово: международные аспекты кризиса // Московский Центр Карнеги. М., 1999. 308 с.

<sup>42</sup> Самуйлов С.М. США, НАТО, Россия и боснийский кризис // США: экономика, политика, идеология, 1995. № 7. С. 16–31.

затрагивающих интересы России в этом регионе<sup>43</sup>. Также анализируются векторы российской внешней политики после окончания Холодной войны<sup>44</sup>.

Исследования, посвященные роли Балкан во внешней политике США: Э.Я. Баталов<sup>45</sup>, О.А. Колобов<sup>46</sup>, П.Е. Смирнов<sup>47</sup>, А.И. Уткин<sup>48</sup> и другие.

**Источники исследования** содержат обширный круг материалов, среди которых важное место занимают зарубежные (в частности англоязычные) документы.

### *1. Официальные документы России*

Официальные документы, привлекаемые для рассмотрения научной проблемы с позиции России, могут быть классифицированы следующим образом: нормативно-правовые акты, приказы, постановления, информационные сообщения президента РФ, правительства, Министерства иностранных дел РФ, Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ<sup>49</sup>, которые содержатся в следующих изданиях: «Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации», «Информационный бюллетень» МИД РФ, «Дипломатический вестник» МИД РФ, «Собрание законодательства РФ». Эти источники свидетельствуют о взглядах России на Балканские кризисы, в том числе Косово.

---

<sup>43</sup> Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; Шмелев Б.А. Россия и югославский кризис // Балканы: между прошлым и будущим. М., 1995; Романенко С.А., Улуян А.А. Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4.

<sup>44</sup> Уткин А.И. Россия и США: региональные проблемы. // США–ЭПИ. 1998. № 10. 6; Бажанов Е.П. Эволюция российской внешней политики (1991–1999). М., 1999; Кулматов К.Н. Актуальные проблемы российской внешней политики. М., 1999; Казанцев Ю.И. Международные отношения и внешняя политика России. Ростов-на-Дону, Новосибирск, 2002.

<sup>45</sup> Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005.

<sup>46</sup> Внешняя политика США: принципы формирования и закономерности реализации: в 2-х т. // под ред. О.А. Колобова. Нижний Новгород, 2008.

<sup>47</sup> Смирнов П.Е. «Марс теснит Венеру». Перестройка союзнических приоритетов США // Международная жизнь. 2003. № 6. С. 53–68.

<sup>48</sup> Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. М., 2000; Уткин А.И. Американская империя. Указ. соч.

<sup>49</sup> Конституция Российской Федерации. М., 2007; Ведомости ФС РФ; Собрание законодательства РФ; Российская газета; Дипломатический вестник; Информационный бюллетень МИД РФ.

Для лучшего понимания политики России на Балканах в 1990-х гг. важны работы, опубликованные под редакцией Е.Ю. Гуськовой<sup>50</sup>. Указанные исследования ценны с точки зрения использования официальных документов<sup>51</sup>. С точки зрения оценки последствий этого кризиса для внутренней политики России не менее важна работа под редакцией Т.А. Шаклеиной и Г.А. Арбатова<sup>52</sup>.

## 2. Официальные документы США

Законодательная источниковая база представлена резолюциями, законопроектами, материалами слушаний обеих палат Конгресса США, аналитическими докладами за 1990–2000 гг.<sup>53</sup> Стоит отметить, что многие законодательные проекты (как например, признание независимости Косово) появлялись за некоторое время до реальных действий администрации.

Кроме этого, документы «Стратегии национальной безопасности» важны для анализа политики США. В документе «A National Security Strategy of Engagement and Enlargement», опубликованном администрацией Клинтона в феврале 1994 г., были прописаны все цели американской политики: глобальные цели, региональные (в Европе) и локальные (Босния)<sup>54</sup>. Согласно этому документу, Соединенные Штаты, целью которых является мировое лидерство, будут избирательно вмешиваться в процессы, происходящие в отдельных государствах в одностороннем порядке (*unilateral initiatives*), если это затрагивает их интересы.

---

<sup>50</sup> Международные организации и кризис на Балканах: Документы. Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова: М., 2000. Т. 1–3; Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1993.

<sup>51</sup> Международные организации и кризис на Балканах: Документы. Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 2000. Т. 1–3; Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1993.

<sup>52</sup> Внешняя политика и безопасность современной России (1991–2002). Хрестоматия в 2 т. / Редкол.: Г.А. Арбатов и др., сост. Т.А. Шаклеина. М., 2002.

<sup>53</sup> Аналогичные документы за 1989 г. выложены на сайте Национального архива США – National Archives and Records Administration (NARA). Congressional Records. The Historical Records of Congress. URL: <http://www.archives.gov/legislative/>

<sup>54</sup> Стратегия национальной безопасности США // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 11. С. 153–159. № 12. С. 116–123; 1995. № 1. С. 122–125; № 2. С. 112–126.

Источниковая база документов исполнительной власти содержит выступления и речи госсекретарей США У. Кристофера, Л. Иглбергера, Дж. Бейкера, М. Олбрайт, К. Райс, К. Пауэлла, их заместителей, доклады руководителей подразделений и служб Госдепартамента, наиболее авторитетные выступления президентов США, касавшиеся внешней политики, информационно-аналитические обзоры. Эти документы опубликованы в официальных сборниках Госдепартамента США «US Department of State Bulletin» (1989) и «US Department of State Dispatch» (1990–1997), а также на его официальном сайте<sup>55</sup>. Сюда же относится подгруппа зарубежных источников: информационные издания государственных органов и организаций<sup>56</sup>.

Материалы, касающиеся президента США,<sup>57</sup> (программные речи, послания к американскому Конгрессу, материалы пресс-конференций) говорят об эволюции взглядов руководства США на процессы, происходившие на Балканах. Многие из них имели ключевое значение. К примеру, в речи, произнесенной на церемонии подписания Вашингтонского соглашения 18 марта 1994 г., Б. Клинтон заявил о вынужденном вмешательстве НАТО в данный конфликт для отражения сербской агрессии<sup>58</sup>.)

### *3. Документы международных организаций*

В этот блок источников вошли документы международных организаций, выступавших с миротворческой миссией во время балканских кризисов: ОБСЕ и ООН.

---

<sup>55</sup> US Department of State Bulletin, 1989; US Department of State Dispatch, 1990–1997; Archive for the US Department of State. 1997–2001.

<sup>56</sup> Информационный бюллетень Государственного департамента США; Новости НАТО; KOSOVO AND МЕТОНИЈА Reality, economy and prejudices Sinisa Ljepojevic Public Company News Agency. TANJUG, 2006.

<sup>57</sup> Подлинные документы опубликованы в электронном виде Службой федеральной регистрации Национального архива США (Office of the Federal Register, NARA). См.: GPO Access. A Service of the U.S. Government Printing Office. Public Papers of the Presidents of the United States.

<sup>58</sup> Clinton W. Bosnia and Croatia: The Challenge of Peace and Reconstruction: US President's Official Opening Statement. 1994.

#### *4. Мемуарная литература.*

Мемуарные источники представлены воспоминаниями и записками политиков, дипломатов, ученых-политологов, журналистов, среди которых наиболее ценными являются воспоминания президента США Б. Клинтона, госсекретарей М. Олбрайт, Дж. Бейкера<sup>59</sup>, американского посла в Югославии У. Циммерманна, лично участвовавшего в разработке внешнеполитической стратегии США в Югославии в 1990-е гг.<sup>60</sup>, командующего войсками НАТО генерала У. Кларка, заместителя госсекретаря США Р. Холбрука<sup>61</sup>. Стоит отметить, что эти воспоминания крайне различны в своих суждениях и выводах по исследуемой проблеме.

Воспоминания Б. Клинтона и М. Олбрайт<sup>62</sup> интересны тем, что в них содержатся, с одной стороны, весьма похожие, с другой – фактически полярные точки зрения по одним и тем же вопросам, поэтому их уместно рассматривать параллельно.

Точно так же некоторые воспоминания в рамках российских источников важны для анализа югославской проблемы. Работа «Президентский марафон: размышления, воспоминания, впечатления»<sup>63</sup> Б.Н. Ельцина и мемуары министра иностранных дел Е.М. Примакова «Годы в большой политике»<sup>64</sup> ценны с точки зрения понимания того, как балканские кризисы, возникшие во время его президентства и вызвавшие кровавые конфликты, воспринимались Россией и каковы были попытки урегулирования этих кризисов.

#### *5. Материалы СМИ.*

---

<sup>59</sup> Baker J. Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace. 1989-1992. New York. 2002.

<sup>60</sup> Zimmermann W. Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers – America's Last Ambassador tells What Happened and Why. N. Y. 3; Toronto. 1996.

<sup>61</sup> Holbrooke R. To End a War. New York. 1999.

<sup>62</sup> Клинтон У. Дж. Моя жизнь. М., 2005; Олбрайт М. Госпожа Госсекретарь: мемуары Мадлен Олбрайт. М., 2004.

<sup>63</sup> Ельцин Б.Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. М., 2000.

<sup>64</sup> Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999; Он же. Россия в мировой политике // Год планеты. М., 1998.

Данный раздел представлен материалами ведущих периодических изданий США: «The Washington» и «The New York Times», а также «The Financial Times», «Spiegel», «The Christian Science Monitor», «The Nation», «The New Yorker», российских газет «Независимая газета», «Российская газета», «Известия», «Завтра», «Московские новости» и электронных СМИ (новостные порталы BBC News, Newsnu.com, Fox News, РИА Новости).

Исследование приведенных источников позволило сформировать ясное представление о формировании, развитии и изменении российской и американской концепций внешней политики в отношении Югославии в 1990-х–2000-х гг.

**Целью диссертационного исследования** является анализ и оценка политических позиций, выдвинутых в российской и американской внешнеполитических концепциях в отношении кризисов, возникших на Балканах.

Указанная цель определяет **задачи**, поставленные в диссертационном исследовании:

1. Проанализировать взаимоотношения России и США после Холодной войны, изучить концепции внешней политики обеих держав в отношении кризисов, возникших в 1990-х гг.
2. Показать специфику и составить периодизацию Балканского кризиса в 1990-е гг.
3. Проследить эволюцию концепции политики США на Балканах в 1990-е гг.
4. Проанализировать концепцию России в отношении к региональным кризисам, ее взаимодействия с учетом позиций США и ЕС.

**Методологическая основа и методы диссертационного исследования.** В начале XXI века общественные науки (к которым в определенном смысле можно отнести и историю) начинают испытывать влияние глобализационных процессов. Современная мировая ситуация

ставит вопрос о необходимости создания новых подходов и методологии исторической науки. Причины, по которым сегодня нужна всеобщая история, очевидны: это беспрецедентное объединение мира с помощью науки и техники, революционное развитие массовых коммуникаций, а также тот факт, что мы больше не можем изолировать себя от событий в любой точке мира<sup>57</sup>.

В центре внимания всеобщей истории находится «изучение взаимодействий между людьми, вовлеченными в крупномасштабные исторические процессы»<sup>65</sup>. В этом смысле, особенно в концепциях внешней политики Соединенных Штатов и России, Балканы были объектом международных отношений, геополитической областью, на которой было сосредоточено внимание всего мира во время югославского кризиса конца XX века – начала XXI века. Они и другие мировые державы действовали, формируя не только внутривосточную повестку дня региона, но и реалии мировой политики своими собственными шагами.

В конце прошлого века получила развитие и глобальная история, которая «предполагает универсальность по форме, глобальность по масштабу и научность по методом»<sup>66</sup>. Как считает Л.П. Репина, глобальная история «опирается на представление о структурной когерентности мирового исторического процесса, с максимальным учетом разнообразия его составляющих и взаимозависимости всех его локальных акторов», и «предмет глобальной истории – именно взаимосвязи, экономические, политические и культурные, между различными странами и цивилизациями»<sup>67</sup>. Распад Югославии и вопросы суверенитета новообразованных государств из локального кризиса переросли в международную проблему. Анализ развития государств на

---

<sup>57</sup> Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., Кругъ. 2011. С. 199.

<sup>65</sup> Там же. С. 249.

<sup>66</sup> Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 79–81.

<sup>67</sup> Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 249.

постъюгославском пространстве позволил дать представление о политике США, России и европейских стран.

Методология – это комплекс применяемых методов и инструментов исследования, а теория – это главным образом гипотезы, частные концептуальные построения и прикладные теории. Согласно другому определению под методологией следует понимать определенный набор, комплекс, систему конкретных принципов и способов организации данной деятельности<sup>68</sup>, под теорией – системное знание о взаимосвязях между предметами, явлениями в определенной области. Основная роль теории заключается в анализе и классификации фактов<sup>69</sup>.

Ведущим методом диссертационного исследования является принцип историзма, служащий «методологическим фундаментом всей области исторического знания в целом»<sup>70</sup>, что не исключает использование смежных политологических методов, позволяющих провести комплексный анализ поставленной проблемы. Данное исследование опирается также на принципы объективности и многофакторного анализа, что позволяет провести изучение исторических явлений в динамике их развития, в контексте взаимосвязи распада СССР и перехода США к «новому мировому порядку» и их деятельности в качестве «суверенной» силы в международной политике, в частности во время югославского кризиса. В связи с этим в данной диссертации также исследуются этапы развития России после распада СССР и реакции США и России на международные кризисы в период после окончания Холодной войны.

Принцип историзма необходим также при рассмотрении эволюции понятия «суверенитет». Также с целью более глубоко раскрыть понятия государства и, в частности, суверенитета, были применены методы анализа и

---

<sup>68</sup> Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., НОФМО. 2002. С. 79.

<sup>69</sup> Бордачев Т.В. Теория международных отношений в XXI веке. М., 2015. С. 10.

<sup>70</sup> Манькин А.С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Введение в теорию международных отношений / Под ред. А.С. Манькина. М., 2001. С. 7.



синтеза<sup>71</sup>. Метод инструментального наблюдения (представленный, в том числе, изучением документов), необходимый также при исследовании истории мысли, осуществляется с помощью непрямого наблюдения за событием и обобщения, позволяющего выявить схожие черты в рассматриваемых объектах для нахождения подобия в остальных характеристиках<sup>72</sup>. Также в данной работе использовался проблемно-хронологический метод при изучении теории внешней политики, т.к. аспекты внешней политики Соединенных Штатов и России, принципы международных отношений и права, региональная политика Штатов на Балканах представляют для нас интерес в рамках поставленной цели в первую очередь. В диссертации применены различные методы исторического исследования, которые используются в процессе изучения истории внешней политики и международных отношений. Историко-генетический метод, дающий возможность проследить свойства и трансформацию изучаемой проблемы в процессе исторического движения, применен при рассмотрении истории мысли<sup>73</sup>. Этот метод схож с методом «исторического изображения», созданным американским ученым К. Данном и также примененным в данной диссертации. Он дает возможность рассмотреть объект исследования историческом движении в различных теориях и концепциях<sup>74</sup>. Использованный историко-динамический метод изучения позволяет проследить последовательность изменений во времени характеристик рассматриваемого понятия и подходов к нему<sup>75</sup>. Следовательно, использование этих методов, направленных в первую очередь на анализ динамики развития, позволит проследить концепцию «суверенной власти», заложенную во внешней политике США в исследуемый период. Это также

---

<sup>71</sup> Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. Т. 1. Государство. М., 2015. С. 31.

<sup>72</sup> Мировая политика и международные отношения / Под ред. Ю.В. Косова. СПб., 2012. С. 47–49.

<sup>73</sup> Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 184.

<sup>74</sup> Dunn K. Historical representations // *Qualitative Methods in International Relations. A pluralist Guide* / Ed. by Klotz A., Prakash D. New York. 2009. P. 79.

<sup>75</sup> Мазур Л.Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург. 2010. С. 433–438.

поможет проанализировать реакцию России в постсоветский период, направленную против США, и ее попытки восстановить утраченное влияние. Таким образом, эти методы дали возможность проанализировать развитие международных отношений и изменения, оказавшие влияние на понятие суверенитета на рубеже XX и XXI вв. Сгруппировать и систематизировать информацию<sup>76</sup>, а также создать исходную фактологическую базу для дальнейшего научного анализа<sup>77</sup> дает возможность примененный в работе историко-описательный метод. Понять сущность того или иного события или процесса в сравнении их со схожими событиями или процессами помогает сравнительно-исторический метод<sup>78</sup>. С помощью вышеназванных методов был произведен анализ международно-правовых документов, имеющих отношение к анализируемым понятиям, сравнить различные трактовки понятия «суверенитет» и охарактеризовать внешнеполитический курс таких сверхдержав, как США и Россия, в поднимаемых вопросах. Кроме того, эти методы позволили выявить уровни и тенденции развития предмета исследования, в частности принципа государственного суверенитета, а также эволюцию внешнеполитического мышления США и России в этом вопросе. Важно отметить, что в ходе сравнительного анализа необходимо выявлять как сходства, так и различия предметов исследования, а сам вопрос о возможности или невозможности сравнения двух объектов, вообще говоря, некорректен, так как, по утверждению российского историка М.Ф. Румянцевой, если такой вопрос возник, значит, сравнение уже началось<sup>79</sup>. Значимость историко-описательного метода особо подчеркивается в работе Богатурова А.Д., Косолапова Н.А. и Хрусталева М.А. «Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений»<sup>80</sup>.

---

<sup>76</sup> Мировая политика и международные отношения / Под ред. Ю.В. Косова. С. 48.

<sup>77</sup> Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. С. 81.

<sup>78</sup> Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. С. 186.

<sup>79</sup> Румянцова М.Ф. Теория истории. М., 2002. С. 221.

<sup>80</sup> Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. С. 81.

Стоит отметить также так называемый метод дебатов (или речей): анализ и сопоставление высказываний государственных лидеров, политиков, дипломатов и других лиц помогает понять причины тех или иных решений, сравнить различные мнения и взгляды на те или иные вопросы<sup>81</sup>. Исходя из этого, мемуары и интервью глав государств, их заместителей, министров иностранных дел, дипломатов помогают в анализе внешнеполитических концепций, изложенных в балканских кризисах. Таким образом, работы историков-специалистов в этой области, таких как К.В. Никифоров<sup>82</sup>, Е.Ю. Гуськова<sup>83</sup>, также имеют особую методологическую ценность для понимания природы югославского кризиса.

Современные процессы развития наук обнаруживают выраженное стремление к интеграции. Как заметил И.Д. Ковальченко, «историческая наука, по сравнению с другими общественно–гуманитарными науками, выступает как наука комплексная, интегральная и имеет дело со всеми общественными явлениями, которые изучаются этими науками»<sup>84</sup>. В данной работе методы как истории, так и политологии используются при исследовании балканских конфликтов в концепциях внешней политики США и России. В настоящем исследовании при анализе исторических источников были также применены и междисциплинарные методы познания – индукция и дедукция. Благодаря им, а также нетрадиционным (специально-исторический, социально-психологический) методам, методам герменевтики и лингвистики удалось отметить недостаточную изученность официальных нормативных документов, регулирующих кризисные ситуации на Балканах. Изучение Дейтонских соглашений и резолюции № 1244 СБ ООН, документов

---

<sup>81</sup> Neumann I. Discourse Analysis // Qualitative Methods in International Relations. A pluralist Guide / Ed. by Klotz A., Prakash D. New York. 2009. P. 62–63.

<sup>82</sup> Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской ...; Никифоров К.В. Боснийский кризис и позиция России: 1992–1995: автореф. дисс. ... д.и.н.: 07.00.03 / Никифоров К.В. М., 2000.

<sup>83</sup> Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001; Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО 1999 года против Югославии. М., 2013.

<sup>84</sup> Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. С. 55.

Контактной группы позволило проанализировать действия внешних игроков относительно ситуации Косово.

По словам М.Ф. Румянцевой, в современных социальных и гуманитарных науках развиваются мощные интеграционные процессы, что обуславливает необходимость соотнесения результатов исследований ученых разных специальностей, а также методов разных научных дисциплин<sup>85</sup>. Так, сама тема диссертации диктует необходимость для данной работы находиться на стыке истории, международного права и политологии. Специфика науки международных отношений<sup>86</sup> заключается в попытке охватить все аспекты международных отношений, но столь масштабная цель не может быть достигнута, кроме как посредством взаимодействия со смежными дисциплинами<sup>87</sup>.

Следовательно, настоящее исследование скорее является историко-политическим, поскольку приобщение к специальным приемам прикладной обработки текстовой информации, которая позволяет не только суммировать некие сведения, но и многократно расширять на их основе представления о предмете научного наблюдения, является очень важной задачей, в том числе не только для историков, но и для специалистов-международников и политологов.

**Научная новизна исследования** состоит в том, что в нем впервые произведен сравнительный анализ внешней политики США и России на Балканах в период с 1992 г. до начала 2000 г. В исследовании отражен анализ проблемы национализма, приведшей к возникновению югославского кризиса, во внешнеполитических концепциях как США, так и России. Исследование отражает важность Балкан для Соединенных Штатов и России как в историческом плане, так и в рамках текущей политики. Рассмотрены и проанализированы история взаимодействия США с Россией, ЕС и международными организациями, причины, обусловившие стратегию

---

<sup>85</sup> Румянцева М.Ф. Теория истории. С. 54.

<sup>86</sup> Бордачев Т.В. Теория международных отношений в XXI веке. С. 7.

<sup>87</sup> Теория международных отношений / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2013. С. 23.

действий США в Югославии, а также обстоятельства и условия, оказавшие влияние на формирование внешнеполитической концепции США в отношении Балкан.

**Теоретическая значимость** исследования заключается в том, что его положения и выводы представляют основные векторы политики «реагирования на кризисы» со стороны США и России в 1990-е годы и обозначают особое место балканских событий во внешнеполитических концепциях обеих держав.

**Практическая значимость** исследования заключается в том, что содержащиеся в нем общие теоретические выводы и фактические данные могут быть использованы для разработки курсов по новейшей истории Балкан, внешней политике России и США. Также данное исследование может быть полезно в области истории дипломатических отношений России и США после окончания холодной войны.

**Основные положения, выносимые на защиту:**

- 1) Политика США в отношении России в течение десятилетия после окончания Холодной войны основывалась на вероятности того, что Россия может быть интегрирована в международную систему, в которой Запад занимает доминирующее положение. Исходя из этого соображения, оба государства (в частности, Россия) переработали свои внешнеполитические концепции в соответствии с новым мировым порядком. Концепция, разработанная в США после Холодной войны, была направлена на достижение мирового лидерства. В этом контексте можно утверждать, что Балканы не были приоритетом для США в глобальной картине установления «нового мирового порядка» в 1990-х г. – в частности, в сравнении с Европой в целом, с «Большим Ближним Востоком» (включающим Ирак и Аравию). США считали, что Югославия способна сохраниться как цельная конфедерация, некое неформализованное содружество, возникшее без насильственного распада, чреватого войнами, или как нечто вроде СНГ, или же как

- результат «цивилизованного развода» в семье с разделом имущества (территорий новых государств).
- 2) В США до середины 1990-х гг. не воспринимали Россию как соперника в балканских делах.
  - 3) В Вашингтоне, особенно в первой половине 1990-х гг., считали, что влияние сильных европейских союзников может предотвратить опасный кризис, и это, безусловно, было в интересах Соединенных Штатов. Однако растущая проблема национализма в Югославии привела к перекройке политической карты Балкан и появлению новых государств. Таким образом, неэффективность ЕС в борьбе с растущими этническими конфликтами стала основной причиной изменения балканской политики США.
  - 4) Еще до полного распада Югославии вопрос интеграции ее частей в НАТО приобретал все большее значение для США вплоть до 2000-х гг. Изменение мирового порядка после Холодной войны и замена республиканца Буша демократом Клинтонем после выборов в 1992 г. привели к изменению политики США в Югославии. Администрация Клинтона использовала НАТО, сыгравшего важную роль в установлении «нового мирового порядка», для усиления своего господства над зарождающимися государствами на Балканах.
  - 5) С падением Восточного блока и окончанием Холодной войны в российской концепции внешней политики также произошли радикальные изменения. Хотя Россия традиционно была на стороне Сербии в решении проблем, возникающих в Югославии, она подчеркнула важность использования полномочий ООН практически на всех международных платформах. При этом Россия либо выступала против военных операций, разрабатываемых США под эгидой ООН, либо участвовала в этих операциях, чтобы не утратить свои международные позиции. Создание и поддержание хороших отношений с Западом, а также необходимость выстраивать новые

отношения со странами постсоветского пространства делали балканскую повестку не приоритетной.

- 6) С ростом националистических движений на Балканах возникли новые государства. Такое развитие событий стало примером для различных этнических групп в России, и эта ситуация глубоко повлияла на отношения между Россией и вновь созданными государствами региона. Новое звучание они приобрели только в связи с ростом сепаратизма в самой России.
- 7) В то же время Балканы оказались, пожалуй, единственным регионом, в котором Россия могла продемонстрировать «остаточный потенциал» великой державы (этот СТАТУС великой державы – как особую роль в мировых делах – она временно утратила). Нигде более (ни в Африке, ни на Ближнем Востоке, ни в Латинской Америке, ни в Центральной Азии) Россия ничего подобного сделать не могла.

**Достоверность** исследования обеспечивается рассмотрением национальных (российских и американских) и международных официальных документов, архивных источников и дипломатической переписки, так как многие из этих документов использовались для объяснения процессов формирования внешнеполитических концепций России и США во время балканских кризисов. Степень достоверности результатов исследования подтверждается комплексным анализом событий и материалов, а также обширной историографической базой и базой источников.

**Апробация результатов исследования.** Диссертация прошла обсуждение на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения работы изложены в 5 научных работах автора общим объемом 6,4 п.л., в том числе 4 публикациях (ВАК) (объемом 4,2 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных

для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности<sup>88</sup>.

---

<sup>88</sup> Колот Б. Векторы политики США на Балканах В 1990-у гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 6. С. 102–115; Он же. Колот Б. Турецко-Российские отношения на Балканах после холодной войны: Общий интерес или конкуренция? // Человеческий капитал. 2021. № 2(146). С. 22–31; Он же. Балканская политика Турции и США в рамках кризисов в Боснии и Косово // Клио. № 10(166). 2020. С. 44–51; Он же. Изменение балканской политики Турции в период правления Партии Справедливости и Развития: Эффект А.Давутоглу // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 2. С. 1–11; Он же. Küresel ve Bölgesel Politikalar Çerçevesinde Güney Kafkasya Devletleri ve Rusya İlişkileri (2000–2015) // Transkafkasya Jeopolitiği veTürkiye. KAREN / Trabzon, 2022. С. 223–244.



## **Глава 1. Роль концепций внешней политики в формировании и реализации политики государства: опыт РФ и США**

В 1991 г. произошли два символических события, которые подчеркнули резкие внешнеполитические изменения в судьбах обеих сверхдержав времен Холодной войны. В начале года президент Джордж Герберт Уокер Буш (Буш-старший) возглавил коалицию из тридцати стран в успешной попытке вытеснить Ирак из Кувейта в войне в Персидском заливе. В конце года президент М.С. Горбачев подал в отставку на фоне распада федерации, известной как Советский Союз. На первый взгляд казалось, что очевидное равенство сил в конце Холодной войны между двумя странами уступило место резкому дисбалансу, который значительно ухудшил положение новой России, в то время как правящие элиты в Соединенных Штатах были убеждены, что Америка каким-то образом «выиграла»<sup>89</sup> Холодную войну. Оба набора представлений и выводов оказались грубыми упрощениями, поскольку Россия набрала значительную силу в течение следующих трех десятилетий, в то время как Соединенные Штаты время от времени боролись за сохранение своего центрального положения в глобальном масштабе. На начальном этапе холодной войны не представлялось каких-либо возможностей для построения конструктивного диалога между СССР и США, а существующие дипломатические отношения между державами, сложившиеся в первой половине XX в., никакой значительной динамики во взаимоотношениях стран не показывали. И только значительно возросший в конце 50-х гг. риск начала ядерной войны вынудил

---

<sup>89</sup> Бывший президент Дж. Буш-старший был первым, кто заявил в официальных документах, что Соединенные Штаты были победителями в Холодной войне. См: George H.W. Bush. State of the Union Address (January 28, 1992) URL: <http://millercenter.org/president/speeches/detail/5531>

державы начать поиски решений конфликта и выработать в дальнейшем устойчивую систему двусторонних отношений<sup>90</sup>.

Анализ этих новых отношений будет производиться в двух направлениях. Во-первых, важно тщательно изучить, по какой причине внешние вызовы, с которыми столкнулись два государства, имели некоторое сходство или, по крайней мере, параллели. С одной стороны, до распада СССР советские лидеры в течение двух лет боролись за устранение политических кризисов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Свергнув свои коммунистические режимы, каждая из этих стран изменила региональный баланс сил, в котором Москва была доминирующим партнером. Реакция М.С. Горбачева была приемлемой, поскольку он признал изменившиеся отношения с ними. С другой стороны, американское руководство решало стратегические проблемы ключевых стран Ближнего Востока, таких как Ирак. Однако реакция США отличалась от реакции Советского Союза, поскольку Америка сопротивлялась изменению статус-кво после вторжения Ирака в Кувейт и, по сути, положила ему конец. Таким образом, Соединенные Штаты и Советский Союз очень по-разному реагировали на изменения, которые представляли страны со средней силой в регионах, имеющих для них большое значение.

Во-вторых, и американским, и российским лидерам необходимо было справиться с серьезными доктринальными вызовами. Центральное место Советского Союза в системе мира заняла новая Россия. Какова будет идентичность нового формирования, которое по-прежнему остается многонациональным? Для Соединенных Штатов насущной потребностью было выработать новое определение своего положения в мире, которое не было бы связано ни с защитой интересов от СССР, ни с пассивностью в отношении «пост-юго-восточноазиатского направления» в мировой политике. В обоих случаях должны появиться новые определения и

---

<sup>90</sup> Батюк В.И. Режимы в российско-американских отношениях // Политические процессы в современном мире: Стратегические измерения. Вестник РУДН, сер. Политология. № 3. С. 54.

доктрины. Для Соединенных Штатов концепция «нового мирового порядка» возникла гораздо быстрее и подразумевала, что победа в войне в Персидском заливе обеспечит становление модели будущего мироустройства, в котором Соединенные Штаты заполнят любой вакуум власти практически в любом регионе мира. В то время сосредоточение внимания на доктрине было общим для лидеров обоих государств, результаты же были очень разными. Для Америки главной мотивацией в формировании внешней политики была военная и политическая мощь, а для России - история и культура. В этих рамках, в то время как Соединенные Штаты демонстрировали репрессивную внешнюю политику, Россия пыталась подчеркнуть свои исторические и культурные связи, особенно в своей непосредственной географии.

### **1.1. От СССР к России: обновление внешнеполитической концепции**

Стремление входящих в состав СССР республик к большей автономии или даже независимости проявилось в то же самое время, когда восточноевропейские государства фактически откололись от восточного блока. В августе 1989 г. во всех прибалтийских республиках прошла мирная акция «Балтийский путь», целью которой было восстановление суверенитета Латвии, Литвы и Эстонии: живая цепь из людей длиной более 600 км протянулась по территории трех стран, соединив Таллин, Ригу и Вильнюс. В частности, участники протестовали против «пакта Молотова–Риббентропа». Многие граждане помнили о досоветских временах и все еще испытывали негодование по поводу включения их стран в империю, в которой доминировали коммунисты. Поэтому неудивительно, что прибалтийские республики первыми фактически разорвали свои связи с Москвой еще летом 1990 г.<sup>91</sup> В то же время перемены происходили и в России: Б.Н. Ельцин

---

<sup>91</sup> Paterson T. G., Clifford J.G., Maddock S.J., Kisatsky D., Hagan K.J. American Foreign Relations. Vol. 2. A History since 1985. Sixth Edition. Boston. Houghton Mifflin Company. 2005. P. 469.

победил на президентских выборах в июне 1991 г. В отличие от Горбачева, Ельцин хотел, чтобы президентские выборы проходили с участием нескольких кандидатов. Эта ситуация содержала отличия от советской системы.

В декабре 1991 г., после создания СНГ, Ельцин объявил о правопреемстве России по отношению к СССР, что означало переход к РФ прав и обязанностей СССР<sup>92</sup>. Вследствие этого Россия сохранила членство во всех международных организациях и при этом взяла на себя обязанности выплачивать значительную часть (61,34 %) долга СССР<sup>93</sup>. Эта фрагментация (распад СССР) привела ко многим проблемам в региональном смысле. Однако масштабы имевших место конфликтов ставили вопрос о будущем ядерного оружия.

Внутренние реформы М.С. Горбачева начались до революций в Восточной Европе. Были подготовлены новые реформы, чтобы удовлетворить потребность в переменах, ощущаемую в Советском Союзе. Перестроечные реформы, которые постепенно открыли советскую экономику для сил свободного рынка, были связаны с внешнеполитическими потребностями. Участие в гражданской войне Афганистане (1979–1989) было настолько дорогостоящим, что внутренние преобразования были необходимы<sup>94</sup>. Однако события в Прибалтийских республиках также имели символическое значение в рамках обновления, и это повлияло на ситуацию в Советском Союзе. Эта часть реформ была сосредоточена на защите свободы выражения мнений, хотя Горбачев, возможно, и не предполагал, что это приведет к более серьезным последствиям. Демократизация была еще одной категорией реформ, но только в условиях сохранения власти коммунистической партии. Очевидно, это стало катализатором глубокого

---

<sup>92</sup> Дипломатический вестник. М., 1992. 15 января. С. 13.

<sup>93</sup> Договор о правопреемстве в отношении государственного долга и активов Союза ССР от 4 декабря 1991 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901777444>

<sup>94</sup> Gorbachev M. Russia Never Wanted a War // New York Times. 20 August 2008.

кризиса в СССР<sup>95</sup>. Наконец, «новое мышление» во внешней политике было неотъемлемой частью пакета реформ М.С. Горбачева, и это изменение было ясно видно в восточноевропейских революциях 1989 г. В конце концов, у М.С. Горбачева уже не было возможности приступить к проведению реформ, поскольку было ясно, что «старая система сломана»<sup>96</sup>. Реализация ранее достигнутых договоренностей и общая внешнеполитическая деятельность Москвы осложнились кризисом экономики СССР и неоднозначными результатами проводимых в стране социально-экономических реформ. Кроме того, в 1990-е гг. Россия получала финансовую помощь от различных международных финансовых организаций (МВФ, БРР и др.), а также от многих развитых стран. К примеру, по программе ядерного разоружения Нанна-Лугара<sup>97</sup> США оказали поддержку государствам, подписавшим Лиссабонский протокол, с целью реализации Соглашения СНВ-1<sup>98</sup>.

Фактически еще до распада СССР, в декабре 1989 г., были предприняты усилия по разработке доктрины, соответствующей этим огромным политическим изменениям. Ее разработка была начата не с нуля, она основывалась на имевшейся тогда концепции. Но это было так же сложно, как изменить менталитет политиков и общественности в отношении политики<sup>99</sup>. В действительности в этом не было ничего нового. Столь частые правки внешнеполитических доктрин<sup>100</sup> Российской Федерации

<sup>95</sup> McCornick J. American Foreign Policy and Process. P. 162.

<sup>96</sup> Snow Donald M. National Security for a New Era: Globalization and Geopolitics. New York. Pearson/Longman. 2004. P. 114.

<sup>97</sup> Один из примеров реализации программы: Соглашение между Российской Федерацией и США относительно безопасных и надёжных перевозок, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия. См.: Дипломатический вестник. 1992. №13–14. С. 13.

<sup>98</sup> Подробнее об этом: Дворкин В. Краткие комментарии к прекращению действий программы Нанна–Лугара// Московский центр Карнеги. 2015. 6 февраля. URL: <https://carnegie.ru/2015/02/06/ru-pub58994>

<sup>99</sup> Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm>

<sup>100</sup> Панов А.Н. Концептуальные основы внешней политики /А.Н.Панов // Внешняя политика России. 1991–2016: [коллективная монография/ Т.А. Шаклеина, А.Н. Панов, А.С. Булатов и др.; отв. ред. Е.М. Кожокин, А.Л. Чечевшиников]; под общ. ред. и с предисл. акад. А.В. Торкунова; МГИМО (ун-т) МИД РФ. М., МГИМО-университет. 2017.

свидетельствуют о том, что страна вынуждена оперативно реагировать на всевозможные изменения в международной обстановке. Поэтому формирование концепции внешней политики РФ происходит фактически ежедневно, в зависимости от ключевых событий, влияющих на международные отношения в целом<sup>101</sup>. Кроме того, еще одним фактором, который не следует игнорировать, является политика Министерства иностранных дел. Например, при Е.М. Примакове внешняя политика России сильно изменилась в сравнении с курсом его предшественников. Мнение С.В. Лаврова ярко об этом свидетельствует: «Е.М. Примаков — автор ключевых положений внешнеполитической доктрины современной России, которые на протяжении уже почти двух десятилетий уверенно прошли проверку временем и сохраняют свою актуальность. Убежден, что такими они останутся и на перспективу. Прежде всего, это независимый, самостоятельный внешнеполитический курс страны, её открытость к сотрудничеству с любым другим государством или группой стран на равноправной, взаимовыгодной основе, при учете интересов друг друга. Принимаемые сегодня всеми, эти постулаты «перекочевывают» из одной редакции концепции внешней политики в другую. Но так было не всегда»<sup>102</sup>.

Проблема направления/создания внешней политики по характерным чертам и идеям в эпоху М.С. Горбачева не отличалась от прежних времен. Изменения в мире глубоко повлияли на динамику развития России во всех сферах жизни и деятельности. Внешнеполитический курс страны был в

---

С.23–72; Неймарк М.А. Эволюция внешнеполитической стратегии России. М., Проспект, 2020. Раздел I: Концепция внешней политики России: этапы обновления; Сергунин А. «Explaining Russian Foreign Policy Behaviour: Theory and Practice», предложившего изучить внешнюю политику России на основе эволюции не только концепций внешней политики, но и стратегий национальной безопасности и военных доктрин. См.: Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior: Theory and Practice (Soviet and Post-Soviet Politics and Society). Ibidem Press. Stuttgart 2016. P. 136.

<sup>101</sup> Бобров А.К. Концептуальные основы внешней политики России: монография. С. 4.

<sup>102</sup> Лавров С.В. Политический тяжеловес // Наш Примаков / ИМЭМО РАН; под ред. Н. И. Ивановой. М., Магистр. 2016. С. 36–37.

шутку назван «Доктриной Фрэнка Синатры»<sup>103</sup>. Советский академик, директор Института США и Канады РАН СССР Г.А. Арбатов призвал обе сверхдержавы следовать внешнеполитической доктрине демократизации, которая позволила бы другим странам, связанным с ними, дышать более свободно. Если бы советские лидеры смогли «обратить вспять милитаризацию жизни», то существовали бы идеальные условия для проведения существенных и значимых внутренних реформ<sup>104</sup>. Однако реформы привели не только к положительным последствиям, поскольку их результаты во многих отношениях усложнили жизнь людей и в итоге привели к росту неравенства, бедности, коррупции и преступности. По мнению некоторых экспертов, даже экономические реформы, контролируемые государством, вряд ли увенчались бы успехом, потому что трудно достичь цели перехода к рыночной экономике с помощью реформ, которые проводятся под давлением<sup>105</sup>.

Сочетание институциональных изменений в Советском Союзе и деятельности в различных республиках привело к утрате власти М.С. Горбачевым и распаду Советского Союза. В марте 1990 г. появился политический институт президентской власти – новая система управления, которая приобрела власть над традиционными политическими институтами и стала частью коммунистической партии. Затем союзные республики начали параллельный процесс создания собственных региональных президентств. Важным было решение России сделать эту должность выборной, и по итогам выборов в июне 1991 г. этот пост занял Б.Н. Ельцин. Несколькими месяцами ранее, в апреле, Горбачев инициировал процесс разработки нового союзного

---

<sup>103</sup> Доктрина Синатры — шутовское название внешнеполитического курса, официально взятого Советским Союзом осенью 1989 года и характеризующегося отказом от удержания любой ценой в сфере своего влияния восточноевропейских и иных зависимых от СССР стран. (Горбачев и «Доктрина Синатры» // Коммерсант. Апрель 2021) URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4769700>

<sup>104</sup> Arbatov A. The Transformation of Russia's Military Doctrine in the after-math of Kosovo and Chechnya // *Russia between East and West: Russian Foreign Policy on the Threshold of the Twenty-First Century*. Gabriel Gorodetsky (ed). London. Frank Cass. 2003. P. 30.

<sup>105</sup> Remington T. *Politics in Russia*. New York. Pearson/Longman. 2004. P. 3–6.

договора с девятью из пятнадцати республик, что явилось последней попыткой сохранить федеративное образование. Это была попытка децентрализации, которая предлагала расширенную автономию в качестве замены независимости республик<sup>106</sup>.

Центральное место в проблеме перестройки позднесоветских институтов и одновременного поддержания рабочих отношений со всеми республиками занимал вопрос о президентстве. Между избранием Горбачева на должность президента СССР в марте 1990 г. и Ельцина на должность президента РФ в июне 1991 г. было существенное различие: Горбачев был избран на руководящий пост Съездом народных депутатов СССР, а Ельцин победил на президентских выборах, получив около 60% голосов пришедших на избирательные участки граждан. Таким образом, Ельцин, в отличие от Горбачева, был избран всенародным голосованием<sup>107</sup>. Должность президента была четко определена в новой конституции, которая наделила ее значительными полномочиями. Президент назначал премьер-министра, исполнял обязанности главнокомандующего вооруженными силами и мог распустить при необходимости Думу. Президент также обладал полномочиями по урегулированию разногласий между Российской Федерацией и республиками, входящими в ее состав. Кроме того, он может отменить действия руководителей республики, если они противоречат федеральным законам или международным обязательствам. Наконец, президент может ввести военное положение и объявить чрезвычайное положение. Усиление президентской власти также создало предпосылки для создания идеологической внешнеполитической доктрины, основанной на российской истории и культуре.

На руководство Советского Союза сильно повлиял августовский государственный переворот, приведший в итоге к свержению центральной

---

<sup>106</sup> Ibid. P. 46.

<sup>107</sup> Huskey E. Presidential Power in Russia. Armonk. New York. 1999. P. 25.



союзной власти и распаду СССР<sup>108</sup>. Позже, в 1993 г., Б.Н. Ельцин, используя свои президентские полномочия, совершил нападение на законодательную власть («Октябрьский путч» 1993 г.), явившееся результатом конституционного кризиса в стране. В итоге был поднят вопрос о пределах президентских полномочий. Новая конституция России, которая была ратифицирована референдумом 12 декабря 1993 г., предоставляла президенту РФ более широкие полномочия, чем действовавшая на момент конфликта<sup>109</sup>. 23.04.1993 г. Б.Н. Ельциным были утверждены документ «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации»<sup>110</sup>, одним из разработчиков которого стал также министр иностранных дел А.В. Козырев. Этот документ стал своеобразным памятником эпохи, отличавшимся рядом исключительных для подобных документов черт<sup>111</sup>.

Годом ранее (в январе 1992 г.<sup>112</sup>) состоялось выступление Ельцина на заседании Совбеза ООН, во время которого президент РФ предложил реорганизовать американский проект СОИ (Стратегической оборонной инициативы), выведя его на международный уровень и включив в него разработки российского ОПК с целью создания системы всеобщей безопасности в космосе и на земле. Также Ельцин предложил создать комплекс мер быстрого реагирования, который позволил бы оперативно отвечать на потенциальные угрозы, возникающие в любой точке мира<sup>113</sup>. По

---

<sup>108</sup> Ibid. P. 24.

<sup>109</sup> Ibid. P. 34.

<sup>110</sup> Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 г./ Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4-х томах / Ред.-сост. Т.А. Шаклеина. Т. IV. Документы. М., МГИМО(У) МИД РФ. Российская ассоциация международных исследований. АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)». 2002. С. 19–50.

<sup>111</sup> Бобров А.К. Концептуальные основы внешней политики России: монография. С. 25.

<sup>112</sup> См. преамбулу и раздел 1 «Концепции внешней политики Российской Федерации» 1992 года // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998). Хрестоматия в двух томах. Т. 2. Документы / Сост. Т.А. Шаклеина. М., МОНФ. 1999. С. 17, 21.

<sup>113</sup> С.В. Лавров подчеркивает, насколько важно выстраивать внешнеполитическую концепцию: «В мире есть разные практики, определяемые национальной традицией. В США есть доктрины Трумэна, Никсона, Монро, не зафиксированные на бумаге. Американцы считали, что существовала доктрина Брежнева. Так они квалифицировали

сути, все эти предложения были предпосылками будущей внешнеполитической концепции России.

Ранее Ельцин направил генсеку ООН Бутрос-Гали специальное послание, в котором излагались основные положения о сокращении стратегического и ядерного вооружения в России. Через две недели министр иностранных дел А.В. Козырев на женеvской конференции по разоружению более подробно разъяснял предложения Ельцина, содержащиеся в послании.

Наконец в феврале 1992 г. была представлена разработанная Верховным Советом РФ новая внешнеполитическая концепция России, которая во многом совпадала с предложениями президента Ельцина. Главными ее положениями стали ориентация на конструктивный диалог с США, ЕС, а также Китаем, Индией и Японией, отход от доминирования военной силы в вопросах внешней политики, формирование конкурентоспособной экономики и др.

К этому моменту различия между избранным президентом Ельциным и политиками советской эпохи становились очевидными. Эта ситуация также указывала на своего рода конфликт мнений в российской государственной структуре. Согласно советскому политическому пониманию, в концепции Верховного Совета акцент делался на взаимодействие с балканскими странами, странами Центральной Европы, а также Азии и Африки. В центре

---

политику Советского Союза по отношению к Восточной Европе и социалистическим странам в других регионах мира. Однако, только закрепив наши цели документально, мы можем перевести лозунг в категорию конкретной стратегии, политики. Ну, например, мы говорим, что хотим жить в безопасном окружении, налаживать добрые отношения с нашими партнерами по СНГ. Но для осуществления этого лозунга необходима продуманная стратегия на каждом направлении, будь то экономика, оборонное сотрудничество или сотрудничество в борьбе с терроризмом. Расписать это просто в уме невозможно: для этого требуются планы, согласованные с нашими партнерами программы, договоры и т.д. В современном мире дипломатии приходится реагировать ежеминутно на происходящее в любой точке мира. Если вы делаете это на основе ясно осознанной политики, в русле тех решений, которые выработаны коллективно в российском руководстве и одобрены президентом, вы можете реагировать ответственно и оперативно. Если таких выверенных, согласованных, отражающих национальный консенсус ориентиров нет, то и реагировать невозможно, это будет сплошная импровизация. Поэтому я все-таки подтверждаю сказанное о необходимости развертывания концепции в стратегические планы и документы». См.: Из интервью С.В. Лаврова, Время новостей 18 мая 2004 г.

внимания новой России также находился и СНГ. С другой стороны, в политике ельцинской эпохи доминировала идея более тесных отношений с Соединенными Штатами и ЕС и «открытия России миру» посредством демократических реформ<sup>114</sup>. Этот процесс продолжался до тех пор, пока Ельцин и его окружение не осознали, что политика, которую они начали проводить в отношениях с США и ЕС, не будет реализована в желаемой степени, и в 1996 году на пост министра иностранных дел был назначен Е.М. Примаков<sup>115</sup>.

## **1.2. Идея «нового мирового порядка» во внешней политике США на рубеже 1990-х гг.: декларации и практика**

У президента Дж. Буша-старшего было широкие возможности разработать новую доктрину в качестве замены «Доктрины сдерживания», которая играла важную роль на протяжении большей части Холодной войны. В начале 1990 г. его послание о состоянии США последовало за последней из восточноевропейских революций. В этой речи он отметил новую реальность: Америка стоит «в центре расширяющегося круга свободы». В условиях, когда советская система боролась с таким количеством внутренних противоречий, было довольно смело заявить, что только Соединенные Штаты могут обеспечить необходимое лидерство в будущем<sup>116</sup>. Уже во время своего президентства Буш с недоверием относился к советскому лидеру Горбачеву. Об этом он говорит в своей биографии следующим образом: «Я постоянно напоминал своим сотрудникам, что Холодная война еще не закончилась, и сомневался, что Горбачев действительно хочет покончить с

---

<sup>114</sup> Батюк В.И. Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны». М., 2008. С. 68.

<sup>115</sup> Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998). Хрестоматия в двух томах. Т. 1. Кн. 1 / Сост. Т.А. Шаклеина. М.: МОНФ. 1999. С. 179–195.

<sup>116</sup> President Bush Makes the Case for War on Iraq. Major Problems in American Foreign Relation. Vol. 2 since 1914. P. 509.

ней»<sup>117</sup>. По существу отношения М.С. Горбачева с предыдущим американским президентом Р. Рейганом были более конструктивными, чем с Бушем-старшим. Дискуссии по вопросу объединения Германии, особенно в 1989 г., ухудшили отношения советского руководства с администрацией Буша-старшего. Новый статус-кво, возникший в Афганистане, также повлиял на эту ситуацию.<sup>118</sup> В ответ на такую реакцию США М.С. Горбачев постарался как можно быстрее завершить предпринятые в рамках перестройки и реформы и приложил усилия для предотвращения возможных разногласий<sup>119</sup>. В начале 1990-х гг., несмотря на критику, многие представители «политического класса» США и России не исключали возможности создания некоего партнерского альянса двух держав. По словам А.В. Козырева, США и западные демократические страны являются друзьями и долгосрочными союзниками новой России<sup>120</sup>. Такие взгляды, конечно, породили в элитах США разные мнения о России. С другой стороны, администрация Буша-старшего начала налаживать более тесные отношения с российской оппозицией. Для того, чтобы обеспечить сохранение Советского Союза, Горбачев решил провести референдум против Ельцина<sup>121</sup>. После этой инициативы администрация США проводила более сдержанную политику по отношению к лидерам российской оппозиции, чтобы не вмешиваться во внутренние политические дела России и поддерживать стабильные отношения с администрацией М.С. Горбачева<sup>122</sup>. Любые беспорядки, которые могут возникнуть в России, могут затронуть и интересы США. В частности, в геостратегическом плане министра обороны США Д. Чейни распад Советского Союза и независимость Украины могли

---

<sup>117</sup> Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М., 2012. С. 539.

<sup>118</sup> Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009. С. 33.

<sup>119</sup> Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М., 2012. С. 539.

<sup>120</sup> Козырев А.В. Преображение. М., Международные отношения. 1994. С. 211.

<sup>121</sup> Декларация о Гос-суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республик от 12 июня 1990 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9038679>

<sup>122</sup> Lundberg K. CIA and the Fall of the Soviet Empire: The Politics of “Getting it Right”. P. 44.

изменить положение США в Европе<sup>123</sup>. В связи с этим Буш-старший записал в своем дневнике от 17 марта 1991 г., что следует поддержать М.С. Горбачева и не допустить беспорядков в России.<sup>124</sup>

Буш-старший не только пересматривал свои отношения с Россией во внешней политике, но и пытался проводить эффективную внутреннюю политику. В сентябре того же года он выступил в обеих палатах Конгресса в преддверии войны в Персидском заливе. Он говорил о появлении «нового мирового порядка», который имел специфические характеристики, прославлял западные ценности, воплощенные в американской конституции, включая защиту прав слабых<sup>125</sup>.

Американский политический аналитик Ч. Краутхаммер в то время определял ситуацию как «однополярный момент», который выдвинул Соединенные Штаты в центр мировой геополитической арены. Все другие потенциально сильные игроки все же играли меньшую роль в мировых делах. Например, Германия находилась в процессе становления новой государственности, Советский Союз распался. Новое правительство России, осознавая свое поражение в Холодной войне, поддержало победителя, как это сделали Германия, Италия и Япония после Второй мировой войны<sup>126</sup>. Важнейшими проблемами нового российского руководства являлись следующие вопросы: вопрос о содействии процессу структурных изменений России в рамках «Плана Маршалла»; вопрос о предотвращении вероятных конфликтов в постсоветский период. Конечно, все это было невозможно<sup>127</sup>. Особенно в вопросе вступления в НАТО следующие слова С. Тэлботт вполне определенно выражают позицию США: Россия никоим образом не может

---

<sup>123</sup> Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009. С. 35–36.

<sup>124</sup> Bush G., Scowcroft D. A World Transformed. New York. 2004. P. 500.

<sup>125</sup> Ibid. P. 550.

<sup>126</sup> О внешней политике Москвы в начале 1990-х гг. см. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссия в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М., Институт США и Канады РАН. 2002. С. 330.

<sup>127</sup> Батюк В.И. Трудное партнерство. С. 68; Сетов Р.А. Современный миропорядок и государственные интересы России. С. 300.

вступить в НАТО или ЕС. «Если и настанет день, когда Россия вступит в НАТО, очевидно, что это будет совершенно другая Россия, другое НАТО и другая Европа»<sup>128</sup>, –говорит он.

Европейский Союз также принял новую поэтапную стратегию, которая была направлена на более тесную внутреннюю интеграцию. Потенциал Китая был огромен, но он в недавнем прошлом пережил события на площади Тяньаньмэнь и еще не был политически силен в своем регионе и за его пределами. Эта нестабильная ситуация, затронувшая ключевых игроков, усилила доминирующую роль Штатов во всех сферах: военной, экономической, технологической, дипломатической, культурной<sup>129</sup>. Существование подобной доктрины в значительной степени зависело от американской мощи, а не от набора идей, но какое-то время она служила заменой «доктрине сдерживания» Кеннана, которую президент Р. Рейган смог возродить в конце Холодной войны, в 1980-х гг.<sup>130</sup>.

Сам президент Буш-старший не был великим провидцем в той степени, в которой им были Франклин Рузвельт или Рональд Рейган. Его сила заключалась в умной тактике, а не в большой стратегии. Он проводил прагматичную и разумную политику, и истинным испытанием для него были результаты его политики, а не идеологическое содержание. Буш назначил госсекретарем Джеймса Бейкера, который проделал отличную работу в качестве руководителя избирательной кампании Буша, однако это работа иного рода, чем создание новой внешнеполитической доктрины. Он и советник по национальной безопасности Brent Scowcroft сосредоточились на «инкрементальной стратегии», и поэтому общим результатом стал другой

---

<sup>128</sup> Тэлботт С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М., Городец. 2003. С. 140.

<sup>129</sup> Krautahmmer C. Unilateralism: The Unipolar Moment Revisited. *American Foreign Policy: The Dynamics of Choice in the 21th Century*. Edited by Bruce W. Jentleson. New York. W.W. Norton and Company. 2007. P. 556–560.

<sup>130</sup> Gaddis J. Lewis. *End of the Cold War: The Unexpected Ronald Reagan*. *American Foreign Policy the Dynamics of Choice in the 21th Century*. Edited by Bruce W. Jentleson. New York. W.W. Norton and Company. 2007. P. 251–253.

доктринальный подход<sup>131</sup>. Нет никаких причин, по которым прагматизм мог бы быть несовместим с большой стратегией, но это, возможно, было причиной его более короткой жизни.

На международной арене были и другие игроки, и эта реальность влияла на ведущую роль Соединенных Штатов. Для многих лидеров, таких как, например, президент Чехословакии Гавел, ОБСЕ была идеальной организацией в качестве посредника в будущих конфликтах<sup>132</sup>. ОБСЕ была продуктом Хельсинкской конференции 1975 г. и включала страны по обе стороны старого «железного занавеса». Если ЕС удалось добиться дальнейшей интеграции своих членов на основе Единого европейского акта 1986 г., то общая внешняя политика и политика безопасности этой организации также могла бы стать центральным «действующим лицом». Кроме того, любые усилия американского лидера по стимулированию новых соглашений с Россией<sup>133</sup> могут сойти на нет, поскольку Россия потратила много времени на внутреннюю организацию после знаменательных событий декабря 1991 г.<sup>134</sup> Американская власть также столкнулась с глобальной проблемой: было трудно достичь консенсуса среди народов Европы в определении точного характера угроз этому континенту. Наконец, внутривластные позиции президента Буша-старшего были ослаблены после окончания Холодной войны и победы в войне в Персидском заливе. Общественность была готова к переориентации внимания на вопросы внутренней политики, и год выборов и предвыборная кампания были уже не за горами<sup>135</sup>.

---

<sup>131</sup> McCormick J. American Foreign Policy and Process. P. 155.

<sup>132</sup> Snow Donald M. National Security for a New Era: Globalization and Geopolitics. P. 118.

<sup>133</sup> Было проведено 27 отдельных заседаний комиссии между США и Советами, но только 8 из них были каким-то образом проведены, и решения были подписаны военными соглашениями. См.: Батюк В.И. Первые пять лет российско-американских отношения // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 4. С. 56–58.

<sup>134</sup> Lieber Robert J. Eagle Without a Cause: Making Foreign Policy Without the Soviet Threat. Eagle Adrift: American Foreign Policy at the End of the Century. New York. Longman. P. 11.

<sup>135</sup> Ibidem.

В течение 1992 г., последнего года правления администрации Буша-старшего, ряд «тестовых случаев» поднял реальные проблемы для реализации «нового мирового порядка». На Гаити свергли избранного лидера Жан-Бертрана Аристида, и США, возможно, сыграли свою роль в этой инициативе. Однако единственной приемлемой тактикой являлись экономические меры, и предпочтительным вариантом было введение торгового эмбарго Организацией Американских Государств. Многие беженцы из Гаити искали убежища в Соединенных Штатах, но их отправили домой. В Сомали длительная засуха привела к большим страданиям населения, но этническое соперничество и борьба между племенными военачальниками осложнили международные усилия по оказанию помощи. Президент Буш-старший направил 28 000 американских военнослужащих в Сомали в декабре 1992 г., но они прибыли не для воплощения американской доктрины<sup>136</sup>. Они прибыли под эгидой ООН и при администрации Клинтона фактически подчинялись командованию ООН<sup>137</sup>. Хотя президенты США принимали схожие решения об участии в международных организациях, понимание внешней политики Буша и Клинтона было разным. В то время как Буш назвал США «гарантом мирового порядка и стабильности», Клинтон хотел изменить международную систему<sup>138</sup>.

Когда начался распад Югославии на отдельные национальные государства в 1991–1992 гг., администрация Буша-старшего сначала не вмешивалась в дискуссии о возможном влиянии этого кризиса на «Новый мировой порядок». Начало гражданской войны в Боснии в 1992 г. привело к американской поддержке санкций ООН и в итоге к созданию «беспилотной зоны» под контролем НАТО<sup>139</sup>. В различных внешнеполитических ситуациях в своей предыдущей дипломатической карьере Буш-старший разделял общее

---

<sup>136</sup> McCornick J. American Foreign Policy and Process. P. 175.

<sup>137</sup> Jentleson B.W. Who, Why, What and How: Debates over Post-Cold War Military Intervention. P. 62.

<sup>138</sup> Schneider W. The New Isolationism. Eagle Adrift: American Foreign Policy at the End of the Century. Edited by Robert J. Lieber. New York. Longman. 1997. P. 29.

<sup>139</sup> McCornick J. American Foreign Policy and Process. P. 174.



представление сменявших друг друга администраций о том, что Югославия во время Холодной войны была своего рода посредником между Востоком и Западом. В конце концов, ее коммунистический лидер Иосип Тито был одним из главных основателей Движения неприсоединения в начале 1960-х гг.. Поскольку Югославия была независима от контроля Москвы в течение четырех десятилетий, американские лидеры, такие как президент Буш-старший, первоначально предпочитали, чтобы она осталась нетронутой после окончания Холодной войны. Однако ситуация была иной, и Запад оставался невосприимчивым к кризисам. Тем не менее, эти кризисы затронули и Запад. Другим фактором было представление США о том, что некоторые западноевропейские страны, такие как Франция и Германия, имеют давние связи с такими этническими группами, как сербы и хорваты. Почему они не вмешались и не приняли меры, чтобы предотвратить страдания? В любом случае это не означало, что «Новый мировой порядок», установленный под руководством США, мог предотвратить кровопролитие в Хорватии и Боснии.

После окончания Холодной войны внешнеполитические доктрины США формировались в значительной степени на основе концепции однополярного мира. Иными словами, одно могущественное государство представляет свою концепцию мироустройства и направляет другие государства к принятию ценностей и принципов, призванных достичь лучшего будущего<sup>140</sup>. Однако государства, возникшие в результате распада бывшей Югославии, не имели возможности сдерживать внутреннюю этническую борьбу. Население Боснии состояло из мусульман, сербов и хорватов. В Хорватии было относительно большое сербское население. Государственные решения не отвечали интересам всех этнических групп населения. Объявить Боснию государством было сложно, так как этнические конфликты в регионе были настолько велики, что было практически невозможно обеспечить системный мир. С другой стороны, в «новом

---

<sup>140</sup> Hutchings R.L. American Diplomacy and the End of the Cold War: An Insider's Account of US Policy in Europe. 1982–1992. Washington. D.C. The Woodrow Wilson Center Press. 1997. P. 148.

мировом порядке» согласованность внутренней политики государств породила структуру, которая показывает, насколько эффективными они могут быть во внешней политике. Но в Боснии была совершенно иная ситуация. Сербский лидер Слободан Милошевич призвал к защите сербских меньшинств в Боснии и Хорватии. Вторжение югославских сербских вооруженных сил в Хорватию и Боснию поставило под угрозу недавно созданную политическую структуру в регионе. Многие страны Запада оказались не готовы к этим кризисам, возникшим после падения коммунизма.

*Глобальная стратегия США и российско-американские отношения после Холодной войны.* Изменение баланса сил в мире после окончания Холодной войны определило для США комплекс различных задач при формировании внешней политики. В частности, распад Советского Союза и радикальные изменения, произошедшие в отдельных регионах мира, привели к тому, что Соединенные Штаты предприняли усилия по укреплению своих позиций в мировой политике и увеличению своей мощи не только в политическом плане, но и в культурном, экономическом, социологическом и технологическом развитии. Появление такой политической системы также вызвало споры по поводу ее определения. По мнению некоторых американских политологов, Соединенные Штаты станут теперь единственной великой державой в мире, но пройдет некоторое время, прежде чем это реализуется полностью<sup>141</sup>. Прежде всего, все государства должны адаптироваться к этому новому мировому порядку и организовать свою политику в соответствии с этим порядком. Но какими бы ни были политические изменения, несмотря на то что у России все еще было ядерное оружие и географический потенциал, распад СССР привел к тому, что США назвали себя победителем в Холодной войне.

Хотя распад Советского Союза предоставил Соединенным Штатам широкие возможности и политическое влияние, трудно сказать, что Штаты

---

<sup>141</sup> Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. Vol. 70/1. 1990. P. 23.

проводили политику, направленную на распад Советского Союза. Уже в процессе Холодной войны отношения США с СССР развивались в большей степени в форме сдерживания Советского Союза и противодействия экспансионистской политике коммунизма<sup>142</sup>.

На примере политики Буша можно увидеть, что Соединенные Штаты не прилагали никаких особых усилий для распада Советского Союза. Например, профессор истории С. Коэн отметил в своем исследовании, что Соединенные Штаты находились в постоянном контакте с Советским Союзом по вопросу о сокращении ядерного оружия. Это партнерство помогло, хотя и косвенно, обеспечить доверие и стабильность в регионе. Кроме того, Коэн выдвигает тезис о том, что США финансово помогли СССР перейти к рыночной экономике и демократии<sup>143</sup>.

В 1995 г. в Вашингтоне был выпущен сборник работ ученых Института стратегических исследований «Стратегическая экспертиза 1995»<sup>144</sup>, в котором обсуждались варианты развития международных отношений, а также вопросы международной безопасности, выдвигались предложения, связанные с внешней политикой США. В этом исследовании, в дополнение к необходимости для Соединенных Штатов рассматривать свои собственные интересы в качестве приоритета в отношении международных конфликтов, была подчеркнута необходимость установления отношений с другими странами в рамках определенных критериев. Кроме того, были рассмотрены вопросы о необходимости оценки форм управления государств в демократических рамках и соответствующего планирования инвестиций.

В целом, если принять во внимание основные принципы внешнеполитической доктрины США, подготовленной внешнеполитической

---

<sup>142</sup> Hunter R. Starting at Zero: U.S. Foreign Policy for the 1990s. URL: [http://mitp-content-server.mit.edu:18180/books/content/sectbyfn?collid=books\\_pres\\_0&id=6953&fn=9780262680745\\_sch\\_0001.pdf](http://mitp-content-server.mit.edu:18180/books/content/sectbyfn?collid=books_pres_0&id=6953&fn=9780262680745_sch_0001.pdf)

<sup>143</sup> Kohen S. American Policy and Russia's Future; Illusion and Realities // The Nation. Vol. 256/13. 1993. P. 468.

<sup>144</sup> Strategic assessment 1995. U.S. security challenges in transition. Washington Institute for National Strategic Studies. 1995. P. 9.

командой президента Клинтона, недвусмысленность упомянутых выше идей становится очевидной. В июле 1994 г. появились общие принципы стратегии национальной безопасности<sup>145</sup>:

- продолжение развития вооруженных сил для реагирования на угрозы и обеспечение безопасности США;
- обеспечение доступа к новым иностранным рынкам и укрепление американской экономики путем развития процесса глобализации;
- продвижение демократии в других странах как способ укрепления американской безопасности. Предполагалось, что основное внимание будет уделено России и странам СНГ.

Отличительной особенностью этой концепции было признание Штатами своей исключительной роли в мире<sup>146</sup>. Также США называют одним из приоритетов своей внешней политики выстраивание отношений с демократической Россией и странами постсоветского пространства.

В «Стратегии» указано, что «нигде успех демократических преобразований не является более важным для Соединенных Штатов, чем в этих странах (а именно, в России и странах СНГ)»<sup>147</sup>.

Как выразился бывший госсекретарь Г. Киссинджер, одной из важнейших задач нового мирового порядка под эгидой Соединенных Штатов является «превращение России в неотъемлемую часть международной системы»<sup>148</sup>. Исходя из этого, понятно, что характер отношений, которые будут установлены между основными субъектами международной политики, еще больше повлияют на позицию Соединенных Штатов после окончания Холодной войны.

В работе «Дипломатия» Г. Киссинджер также отмечает, что после развала СССР для США исчезла глобальная стратегическая угроза, а новые государства сосредотачиваются на национальных интересах. Такая ситуация,

---

<sup>145</sup> A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington D.C. 1994.

<sup>146</sup> Ibid. P. i

<sup>147</sup> Ibid. P. 23.

<sup>148</sup> Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. М., 1997. С. 745.

по его мнению, приведет к росту конфликтов между крупными государствами. Исходя из этого, Киссинджер заявил, что внешняя политика США более эффективна и сильна, чем это было 10 лет назад, но для того, чтобы использовать эту власть, им нужны другие политические деятели. Таким образом, он предполагает, что способность Америки использовать силу для изменения внешнего вида остального мира на самом деле уменьшается<sup>149</sup>.

В дополнение к Киссинджеру некоторые американские дипломаты подчеркнули, что Соединенные Штаты играют видную роль в мире и что новый мировой порядок должен выстраиваться с учетом национальных интересов США.

Таким образом, можно назвать следующие положения внешнеполитической концепции США:

- 1) укрепление глобального авторитета США;
- 2) ориентация на развитие конструктивного партнерства с наиболее влиятельными странами;
- 3) преобразование международных институтов с целью укрепления и развития партнерства;
- 4) развитие демократии во всем мире.

Поддержке экономики России уделяется особое внимание, т.к. Россия рассматривается как один из самых перспективных мировых рынков и важный партнер в будущем<sup>150</sup>.

В дополнение к вышеупомянутой политике Соединенных Штатов агрессивная политика Соединенных Штатов в военном отношении также усилилась в период правления Клинтона, и это стало вопросом национальных интересов. Была разработана концепция «государств-изгоев» (*Rogue State*), которая является одной из выдвинутых концепций, сейчас стала главным аргументом внешней политики США.

---

<sup>149</sup> Там же. С. 737.

<sup>150</sup> Christopher W. America's leadership, America's opportunity // Foreign Policy. 98. 1995. P. 7.

Политика администрации Клинтона в отношении государств-изгоев<sup>151</sup> была обнародована на страницах журнала *Foreign Affairs* в статье советника по национальной безопасности (АНБ) Энтони Лейка, озаглавленной «Противостояние государствам-ответчикам»<sup>152</sup>. Этот способ объявления был застенчивым намеком на знаменитую статью Джорджа Кеннана «Х», в которой на страницах журнала в 1947 году была представлена стратегия сдерживания Советского Союза<sup>153</sup>. Действительно, Лейк провел прямые параллели между идеями Кеннана и решением администрации нацелиться на недружественные государства, предположив, что это было в той же традиции, что и «сдерживание империи вне закона». Формулирование политики Клинтона в отношении государств-изгоев в рамках стратегии сдерживания времен холодной войны было очевидной тактикой, «которая стремилась придать первой ту же легитимность и логику, которые были связаны с подходом Кеннана к холодной войне.

В статье говорилось о «растущей» угрозе, исходящей от Ирана, Ирака, Северной Кореи, Ливии и Кубы, которые считались «неспособными адаптироваться» к эпохе после окончания холодной войны и придерживающимися «агрессивного и вызывающего» поведения. Было признано, что эти государства как единое целое не обладают способностью подорвать «демократический порядок»; однако Лейк предупредил, что у них

---

<sup>151</sup> Например, в книге «Мир Клинтона: переделка американской внешней политики» У.Г. Хайланд охарактеризовал внешнюю политику Клинтона в следующих выражениях: «Клинтон переходил от кризиса к кризису, пытаясь выяснить, что популярно, что было бы эффективным и какой выбор поставил бы наименьший риск для его президентства и особенно для его репутации». Аналогичные критические замечания см.: Haass R. *The Squandered Presidency* // *Foreign Affairs*. Vol.79. № 3. May/June 2000. P. 136–141; Он же. *Fatal Distraction: Bill Clinton's Foreign Policy* // *Foreign Policy*. № 108. Fall 1997. P. 112–123; Mandelbaum M. *Foreign Policy as Social Work* // *Foreign Affairs*. Vol. 75. № 1. January/February 1996. P. 16–33; Moises N. *Clinton's Foreign Policy: A Victim of Globalization* // *Foreign Policy*. № 109. Winter 1997/8. P. 34–46. В противовес таким работам стоит Walt S. *Two Cheers for Clinton's Foreign Policy* // *Foreign Affairs*. Vol. 79. № 2. March/April 2000. P. 63–79.

<sup>152</sup> Lake A. *Confronting Backlash States* // *Foreign Affairs*. Vol. 73. № 2. March/April 1994. P. 51.

<sup>153</sup> Kennan G. *The Sources of Soviet Conduct* // *Foreign Affairs*. Vol. 25. № 4. July 1947. P. 572.

есть потенциал дестабилизировать ключевые регионы мира. Их «непокорное» поведение было представлено как «посягательство» на «основные ценности» семьи наций, которые Америка обязалась защищать в 1990-х годах. По словам Лейка, «особая ответственность» Америки заключалась в разработке соответствующей стратегии борьбы с названными выше «преступниками», которая позволила бы «нейтрализовать, сдержать» и «возможно, в конечном итоге превратить» их в конструктивных членов международного сообщества. В статье рассматриваемые режимы были «предупреждены» о том, что им придется «заплатить цену», если они продолжают сопротивляться США и останутся на «неправильной стороне истории». Фраза «государства-ответчики (*backlash states*)» была быстро заменена альтернативной терминологией «государств-изгоев», но представление о том, что существует основной класс государств, сопротивляющихся процессу глобализации и демократическим тенденциям, стало центральным в дискуссиях о внешней политике в годы правления Клинтона.

Внутренние соображения, безусловно, повлияли на присвоение статуса государства-изгоя, поскольку администрация выразила обеспокоенность тем, что их лидеры удерживали власть с помощью принуждения, демонстрировали общую антипатию к участию населения и подавляли основные права человека, продвигая ‘радикальные идеологии’. Однако плохая репутация в области прав человека или недемократическая форма правления не были основным средством выявления государства-изгоя; если бы это было так, то список был бы значительно длиннее. Вместо этого это было угрожающее внешнее поведение, связанное с «менталитетом осады (*siege mentality*)», который больше всего беспокоил США. Данные о спонсируемом государством терроризме были одним из средств выявления государства-изгоя, поскольку они свидетельствовали о неспособности к конструктивному взаимодействию с внешним миром. Но не меньшую, если не большую, озабоченность вызывало одновременное осуществление

амбициозных и дорогостоящих военных программ, которые вращались вокруг покупки или разработки «оружия массового уничтожения (weapons of mass destruction (WMD))» для защиты своих режимов или продвижения своих целей за рубежом<sup>154</sup>.

Хотя существует мало разъяснений относительно того, что представляет собой доктрина, статья Лейка удовлетворяет нескольким критериям, установленным историком Сесилом Крэббом<sup>155</sup>.

Рассматривая прошлые президентские доктрины, в их формулировке и изложении были выявлены пять общих характеристик<sup>156</sup>, а именно: они отражали традиционные американские идеологические принципы и ощущение того, что США несут ответственность за лидерство (борьба со странами-изгоями была названа «особой ответственностью Америки»); они представляли США как «блестящий пример», которые могли бы обучить другие страны новым политическим принципам и моделям поведения и обратить их к ним (недружественные государства должны были быть «преобразованы» в «конструктивных» членов международного сообщества); они подчеркивали желательность одностороннего подхода США (статья Лейка призывала других «присоединиться» к борьбе с негодьями, но это была единственная сверхдержава, которая возглавила бы «согласованные усилия»); они были вызваны в ответ на конкретный кризис или когда происходили серьезные изменения в международной обстановке, которые привели к риску новых опасностей (трансформационный характер окончания холодной войны послужил контекстом для статьи Лейка); их заявленной целью была защита мира и демократии (враждебные государства стояли на пути продвижения демократии и угрожали ее «базовым ценностям»); и,

---

<sup>154</sup> Lake A. *Confronting Backlash States*. P. 49.

<sup>155</sup> Crabb C., Cowdrey A. *The Doctrines of American Foreign Policy: Their Meaning, Role and Future*. Louisiana State University Press. 1982. Обсуждению ключевых характеристик президентских доктрин США способствует превосходная заключительная глава Крэбба, и для дальнейшей подробной оценки и понимания этих вопросов читатели могут перейти на P. 371–437.

<sup>156</sup> *Ibid.* P. 382.



наконец, они уходили корнями во внутреннюю политику США и были либо средством демонстрации силы и понимания международной обстановки, либо выступали в качестве защиты от заявлений критиков о слабом или бестолковом руководстве (как будет видно, идентификация государств-изгоев в рамках более широкого видения взаимодействия и расширение было реакцией на республиканскую и академическую критику непоследовательной и бесцеремонной внешней политики администрации).

Доктрины часто переплетаются с большой стратегией, но первые, как правило, более ограничены по своему охвату и используются для нацеливания на конкретных врагов США и для обозначения готовности Америки использовать военную силу для защиты своих интересов<sup>157</sup>. Декларативный характер президентских доктрин «предупреждения врагам», которые в случае со странами-изгоями вращались вокруг угрозы семье наций, очевиден в статье Лейка и усиливает интерпретацию, согласно которой это следует считать доктриной Клинтона (с вовлечением и расширением, выступающими в качестве великого видения). Единственным недостатком доктрины, по сравнению с критериями Крэбба, было отсутствие «правового измерения»; подход был в первую очередь субъективным, а не основанным на объективных или правовых основаниях<sup>158</sup>.

По сути, единственным реальным критерием того, должна ли нация быть изгоем или нет, было то, говорят ли об этом политики в Вашингтоне. Этого было достаточно, чтобы относиться к Союзной Республике Югославии как к государству-изгою. Госдепартамент США время от времени называл Югославию «государством-изгоем», поскольку ее лидер Слободан Милошевич был обвинен в нарушении прав граждан своей страны, включая, но не ограничиваясь этим, попытку геноцида в Хорватии и организацию резни в Сребренице в восточной Боснии.

---

<sup>157</sup> Dumbrell J. Was There a Clinton Doctrine? President Clinton's Foreign Policy Reconsidered // *Diplomacy & Statecraft*. Vol.13. № 2. June 2002. P. 47.

<sup>158</sup> Crabb C. *The Doctrines of American Foreign Policy*. P. 374.

Первоначально, по крайней мере, Клинтон, казалось, был полон решимости избежать того, что британский политик Грэм Эванс описал как одержимость американских президентов «разработкой персонализированных заявлений о миссии во внешней политике», которые направлены на «согласование интересов, ценностей и поведения США» и «информирование международного сообщества в целом» и «обеспечение поддержки американского народа»<sup>159</sup>. Предыдущую администрацию Джорджа Буша-старшего критиковали за отсутствие у нее «дальновидности», однако ключевые чиновники, включая Клинтона, похоже, были согласны с более прагматичным подходом к внешней политике, предложенным госсекретарем Буша Ларри Иглбергером. Критикуя стремление концептуализировать внешнюю политику в грандиозных терминах, Иглбергер настаивал на том, что: «Определенная степень “показухи” — это добродетель, а не порок, когда вы имеете дело с миром, находящимся в кризисе и хаосе. ... Дело в том, что еще долгое время мы будем находиться в постреволюционном переходном периоде... В этих обстоятельствах хорошие инстинкты так же бесценны, как и хороший план»<sup>160</sup>.

Дисбалансы в международной политике также влияли на американскую внутреннюю политику и вызывали беспокойство у американской нации. Выдвигались различные концепции, призванные ослабить давление, которое эта ситуация оказывала на администрацию Клинтона. Однако усиления региональных потрясений и лидирующей роли, которую Соединенные Штаты должны были играть в «новом мировом порядке», было достаточно для того, чтобы Соединенные Штаты оставались главным действующим лицом в этих конфликтах.<sup>161</sup> Как выразился директор

---

<sup>159</sup> Evans G. The Vision Thing: In Search of the Clinton Doctrine // *The World Today*. Vol. 53. № 8. August/September 1997. P. 214.

<sup>160</sup> Secretary Larry Eagleburger. Charting the Course: US Foreign Policy in a Time of Transition // Address before the Council on Foreign Relations. Washington D.C. January 7. 1993. Department of State Dispatch. Vol. 4. Issue 2. January 11. 1993.

<sup>161</sup> President Clinton. America must continue to Bear the Responsibility of World Leadership // Remarks at the Freedom House. Washington D.C. October 6. 1995.

по политическому планированию Джеймс Стейнберг: «После распада советской внешней и внутренней империи многие аналитики стремились найти новую наклейку на бампер, которая характеризовала бы международную систему после окончания холодной войны и установила новую парадигму внешней политики США. ... Но какими бы ни были достоинства бесконечных поисков физиками «великой единой теории», мир, с которым мы сталкиваемся сегодня, слишком сложен, чтобы описать его в рамках одной теории или поместить на наклейку на бампере. Наши интересы слишком широки, наши задачи слишком разнообразны. И слишком часто широкие упрощения либо скрывают, либо искажают реальность».<sup>162</sup>

Поиску такого «баланса» препятствовало огромное разнообразие мнений о правильном подходе США в эпоху после окончания холодной войны - дебаты, которые просачивались в администрацию через ведущие внешнеполитические журналы, национальные газеты и аналитические центры. В этом вопросе возникла поляризация между комментаторами, которые демонстрировали эйфорию и оптимизм по окончании холодной войны, и теми, кто видел основания сохранять тревогу и пессимизм по поводу нового мирового порядка. Главными среди представителей первого лагеря были Чарльз Краутхаммер и Фрэнсис Фукуяма, которые говорили соответственно об «однополярном моменте»<sup>163</sup>, когда США должны использовать свою непревзойденную мощь для формирования мировых событий на своих собственных условиях, и о «конце истории»<sup>164</sup>, в котором говорилось о способности Америки построить более однородное и мирное сообщество в отсутствие идеологических разногласий времен холодной войны и предполагаемой победы либерального капитализма. В последнем

---

<sup>162</sup> Steinberg J. Director of Policy Planning, Policy and Principles: The Clinton Administration's Approach', Address to the Foreign Policy Association. New York City. January 24. 1996. Department of State Dispatch. Vol. 7. Issue 6. February 5. 1996.

<sup>163</sup> Krauthammer C. 'The Unipolar Moment'. Foreign Affairs. Vol. 70. № 1 (1990/1991). P. 25.

<sup>164</sup> Fukuyama F. The End of History // The National Interest. Issue 16. Summer 1989. P. 10.

лагере, излучавшем пессимизм, были реалисты, такие как Кеннет Уолтц<sup>165</sup>, утверждавший, что однополярность — это преходящий момент, который вскоре сменится нестабильностью по мере возникновения новых угроз, бросающих вызов США, и комментаторы, такие как Пол Кеннеди, который утверждал, что американская мощь находится в состоянии окончательного упадка из-за «имперского перенапряжения»<sup>166</sup>.

Дальнейшие теории внесли сумятицу в дебаты о типе международной системы, которая должна была возникнуть в 1990-х годах, воплощенные, среди прочего, в конкурирующих понятиях 'демократического мира' и неминуемого 'столкновения цивилизаций'. Последняя идея была сформулирована Сэмюэлем Хантингтоном и предсказывала столкновение между христианским и исламским мирами, ситуацию, которая привела бы к борьбе за власть, которая сделала бы конфликт эндемичным, подобно прошлой борьбе между великими державами<sup>167</sup>. Вызов этому видению хаотической мировой системы был брошен тезисом о демократическом мире, выдвинутым такими мыслителями, как Брюс Рассет и Ларри Даймонд. Их работа опиралась на идею о том, что мир вступил в «демократический момент», когда конфликт между демократиями маловероятен из-за растущей взаимозависимости и взаимного признания легитимности, ситуация, которая сделала почти трюизмом утверждение о том, что, продвигая демократию, вы можете сохранить мир во всем мире<sup>168</sup>.

Нет никаких сомнений в том, что эти конкурирующие интерпретации оказали определенное влияние на администрацию Клинтона и их поиск видения. Роберт Галлуччи, высокопоставленный сотрудник Госдепартамента,

---

<sup>165</sup> Waltz K. The New World Order // Millennium: Journal of International Studies. Vol. 22. № 2. 1993. P. 191.

<sup>166</sup> Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York. Random House. 1987.

<sup>167</sup> Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. Summer 1993. P. 41.

<sup>168</sup> Russett B. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. Princeton: Princeton University Press. 1993; Diamond L. Promoting Democracy // Foreign Policy. № 87. Summer 1992. P. 36.

прокомментировал, что теории, подобные теориям Хантингтона и Рассетта, были «простыми» и «важными», которые легко находили «применение в речах», поскольку их можно было быстро усвоить и перенести из академического мира в общественное достояние. Однако, за исключением тезиса о демократическом мире, полезность вышеприведенных фраз и теорий, как правило, отвергалась в дискурсе элиты или, альтернативно, использовалась в качестве средства демонстрации конкурирующей интерпретации администрацией мира после окончания холодной войны. Следовательно, госсекретарь Кристофер обычно заявлял, что «это не конец истории, а история в ускоренной перематке»<sup>169</sup>, а Лейк утверждал, что «далекая от достижения конца истории» Америка вступила в новую стадию старой битвы между ‘терпимостью’ и ‘репрессиями’ это было ‘не столкновение цивилизаций’<sup>170</sup>. В то время как академические аргументы и теории рассматривались как полезное средство, способствующее возникновению дебатов о международных делах, политики утверждали, что их нелегко воплотить в политические предписания, поскольку они «настолько подвержены карикатурам».

Однако по мере усиления давления на администрацию в 1993 и 1994 годах, после внешнеполитических неудач в Сомали, Гаити, Руанде и Югославии, появился заметный бюрократический акцент на определении приоритетов разработки четкой генеральной стратегии. Хотя критики администрации недооценивали, умышленно или нет, «парадокс однополярности»<sup>171</sup>, из-за которого у политиков было мало

---

<sup>169</sup> Secretary Christopher. Leadership in the Next American Century. Address before the John F Kennedy School of Government. Harvard University. Cambridge. Massachusetts. January 18. 1996. Department of State Dispatch. Vol. 7. Issue 4. January 22. 1996.

<sup>170</sup> Lake A. Assistant to the President for National Security Affairs. The Purpose of American Power. Address to the Council on Foreign Relations. Washington D.C. September 12. 1994. Department of State Dispatch. Vol. 5. Issue 38. September 19. 1994.

<sup>171</sup> Walt S. Two Cheers for Clinton's Foreign Policy // Foreign Affairs. Vol. 79. № 2. March/April 2000. P. 64. Для дальнейшего обсуждения трудностей, с которыми столкнулись политики при осмыслении изменившейся международной обстановки, см: Cox M. US Foreign Policy after the Cold War: Superpower Without a Mission? London. Royal

интеллектуальных ориентиров относительно того, как использовать мощь США, их нападки привели к тому, что администрация предприняла согласованные усилия по написанию «статьи Кеннана для новой эры», которая ‘концептуализировала и отстаивать американские интересы’ в сложном мире. Этот процесс был описан историком Дугласом Бринкли, который назвал его «тотализатором Кеннана»<sup>172</sup>.

Лейк согласовал различные ключевые фразы, выдвинутые официальными лицами Клинтона для объяснения американского плана развития постсоветского мира, прежде чем остановиться на фразе «расширение», которую выдвинул Джереми Рознер, спичрайтер Белого дома.

Идея Рознера развилась из серии информационных материалов, которые он написал для Лейка, и в ней была изложена потребность Америки «консолидировать демократическую базу, помогать поощрять демократию там, где это возможно, сдерживать реакционные режимы, которые выступают против демократии, и преследовать определенные гуманитарные цели»<sup>173</sup>. Концептуально простая, поскольку она стремилась извлечь выгоду из предположения, что «с окончанием холодной войны созрели условия для распространения свободы и демократии», она также вдохновляла на позитивное восприятие международной обстановки, резко контрастируя с альтернативными идеями, такими как столкновение цивилизаций. Несмотря на время, потраченное на разработку концепции, призванной «отразить» новые реалии эпохи после окончания холодной войны, в мышлении администрации было мало нового или революционного. Их идеи в значительной степени заимствованы из «Нового мирового порядка» Буша, хотя и с дополнительным акцентом на продвижение демократии, что отражало критику Клинтона в адрес Буша во время президентской кампании 1992 года. Клинтон обвинила Буша в том, что он не на той стороне перемен,

---

Institution of International Affairs. 1995; Bowen W. and Dunn D. American Security Policy in the 1990s: Beyond Containment. Aldershot. Dartmouth Publishing. 1996.

<sup>172</sup> Brinkley D. Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // Foreign Policy. № 106. Spring 1997. P. 114.

<sup>173</sup> Ibid. P. 114.

поддерживает диктаторов от «Прибалтики до Пекина» и позволяет реалистической перспективе и озабоченности статус-кво перевесить необходимость продвижения «демократических импульсов по всему миру»<sup>174</sup>. Однако, по сути, несмотря на обвинения против Буша, идеи, разработанные Клинтонем, представляли собой скорее ребрендинг, чем переосмысление подхода Рейгана и Буша к национальной безопасности. Сохраняющийся акцент на открытии рынков для торговли США, продвижении демократии и борьбе с государствами-изгоями в ключевых геостратегических регионах мира отражал традиционные проблемы, связанные с разработкой политики.

Хотя Лейк позже возразил бы, что Бринкли «сильно преувеличил» озабоченность администрации подражанием Кеннану, политики действительно предприняли согласованные усилия по продвижению «расширения» летом 1993 года, и это стало краеугольным камнем принятой администрацией в 1994 году стратегии национальной безопасности по вовлечению и расширению<sup>175</sup>. Хотя этому подходу не хватало оригинальности, возможно, из-за сложности эпохи и трудности замены такой символической стратегии, как «сдерживание», он отражал ощущение того, что Америка могла бы использовать свое положение выдающейся международной и военной державы для достижения более идеалистических целей, сосредоточенных на расширении сообщества рыночных демократий. Чиновники Клинтона, по-видимому, полагали, что, в отличие от своих предшественников, они были в состоянии успешно сочетать аспекты «как реализма, так и идеализма», когда они пытались разработать политику в 1990-х годах. Последняя была представлена в процессе вовлечения и расширения благодаря акценту на поддержании стабильности «демократической семьи», в то время как первая вышла на передний план благодаря сосредоточению внимания на борьбе с «региональными

---

<sup>174</sup> Governor Clinton. Remarks to the Los Angeles World Affairs Council. August 13. 1992.

<sup>175</sup> A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. July 1994.

государствами-изгоями», которые угрожали не только «разрушению толерантного общества»<sup>176</sup>, но и ключевым интересам США в регионах Ближнего Востока и Азии.

В исследованиях о том, как будет развиваться внешняя политика США в начале 1990-х годов, главную роль играли США и Россия. Мы видим, что влияние этих двух государств на мировую политику развивается в зависимости от определенных конкретных моделей. Первой и, пожалуй, самой слабой из этих моделей можно назвать «Стратегическое партнерство». Фактически, тот факт, что оба государства имеют конфликты интересов по многим вопросам, на практике приводит к тому, что они не могут развивать стратегическое партнерство ни на какой основе. Во-вторых, «сдержанная конфронтация». С точки зрения внешней политики США, эта модель направлена на минимизацию региональных инициатив России и в критических точках (на Балканах, Северном Кавказе и т.д.). Ее пытались использовать для получения превосходства над Россией. «Вежливое пренебрежение» можно рассматривать как еще одну модель. Учитывая высокую взаимозависимость, маловероятно, что два крупнейших ядерных государства смогут обойтись без двустороннего диалога. Наконец, модель «партнерских отношений» может быть объяснена в большей степени в форме определения внешней политики США в рамках асимметричного партнерства с точки зрения российских исследователей и теоретиков<sup>177</sup>.

События во внешней политике также влияли на внутреннюю политику Соединенных Штатов. Как штабы Демократической партии, так и республиканцы пришли к соглашению о том, что Соединенным Штатам следует укрепить свое место в мировой политике и проводить более активную политику. Демократы заявили, что в отношении постсоветских структур следует прибегнуть к демократическим средствам, в то время как

---

<sup>176</sup> Lake A. The Purpose of American Power. P. 52.

<sup>177</sup> Россия и США после «Холодной Войны» / Отв. ред. В.А. Кременюк. М., 1999; Коновалов А. Как Россия и США «потеряли» друг друга // Мировая экономика и международные отношения. 2000. 7. С. 13.



республиканцы утверждали, что следует играть активную роль в военном смысле, особенно на Балканах и Кавказе. Несмотря на такие различия, оба партийных штаба согласились с тем, что США должны взять на себя ведущую роль в мировой политике и должны жестко ее выполнять. Эта инициатива, конечно, была встречена негативной реакцией во многих частях мира.

Общая мысль российских элит заключалась в том, что США, обладая такой неконтролируемой властью, будут применять санкции против других государств и что это будет иметь разрушительные последствия<sup>178</sup>. Точно так же можно сказать, что однополярный мировой порядок, который также подвергался критике некоторыми американскими учеными, своими результатами сулит политический беспорядок. Основан он на трех основных концепциях. Первая из них – это модель «жесткой гегемонии», суть которой в том, что однополярность гарантирует защиту от насилия и обеспечивает стабильность международной системы. В этой теории роль, которую играют Соединенные Штаты в международных отношениях, построена на идее, что они будут находиться на вершине иерархической структуры, а другие участники обязуются самостоятельно выполнять определенные функции в соответствии со своими интересами и внешней политикой<sup>179</sup>. Другой теорией является «либерально-реалистическая концепция», которую можно рассматривать как более сбалансированный подход к оценке мировой ситуации и возможностей Соединенных Штатов. Согласно этой модели, державам в других частях мира полезно интегрироваться в международную систему, а Соединенным Штатам – разрабатывать свою собственную политику в балансе между этими державами, используя свое уникальное географическое положение.

Что касается нового порядка после окончания Холодной войны, профессор С. Хантингтон отметил, что противоречия культур могут стать

---

<sup>178</sup> Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. М., 2000. С. 266.

<sup>179</sup> Хозин Г.С. Глобализация международных отношений: объективная тенденция или стратегия США // США–Канада. 2000. 1. С. 77.

источником международных конфликтов. По его словам, мир состоит из семи отдельных цивилизаций (православной, Западной, исламской, китайской, японской, индуистской, латиноамериканской и, возможно, африканской). Профессор предположил, что конфликты, происходящие между этими цивилизациями, возникают из-за их географии. По его словам, если бы русские не перестали быть марксистами и не приняли либеральную демократию, отношения между Россией и Западом могли бы снова стать враждебными<sup>180</sup>.

Еще одна модель, которая воплотилась в жизнь в эпоху Б. Клинтона – это «консервативно-либеральная концепция». Это политическое понимание основано на мировом господстве, т.е. гегемонии под руководством сильного лидера<sup>181</sup>. Появление такой модели, безусловно, связано с тем, что после распада СССР у Соединенных Штатов появились беспрецедентные возможности влиять на мировую политику благодаря преимуществу в военном, экономическом, геополитическом, культурном и научном плане. Эта ситуация оказала прямое влияние на внешнюю политику США, и до 2000-х годов решения, которые они принимали в кризисные моменты в мире, выносились с позиции гегемона.

Возможно, образ Соединенных Штатов в начале 1990-х гг. как «доброе Голиафа» является отправной точкой для прояснения доктринальных дилемм Нового мирового порядка<sup>182</sup>. Это был «Голиаф» с точки зрения его военной мощи и вакуума, созданного падением Советского Союза и озабоченностью европейских стран. Однако этот «добрый гигант» не мог контролировать посткоммунистические события и изменения на Ближнем Востоке. В эпоху глобализации государственные и

---

<sup>180</sup> Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>

<sup>181</sup> Шаклеина Т.А. Дискуссии в США по внешней политике // США–Канада. 1999. № 12. С. 29–31.

<sup>182</sup> Mandelbaum M. America as the World's Government: The Case for Goliath. American Foreign Policy: The Dynamics of Choice in the 21st Century. Edited by Bruce W. Jentleson. New York. W.W. Norton and Company. 2007. P. 568.

негосударственные субъекты могут реагировать на действия США и ограничивать их инициативы путем балансирования интересов, отказа от инициатив США, препятствования действиям США. В то же время они могут связываться с официальными лицами США в своих интересах<sup>183</sup>. Такие инициативы также могут помочь решить проблемы, с которыми пытались разобраться новые внешнеполитические концепции, созданные после Холодной войны.

### **1.3. Адаптация России к постбиполярному миру: Основные внешнеполитические идеи**

В разгар неразберихи, которая сопровождала окончание Холодной войны, два государства добились прогресса в повестке дня в области контроля над ядерными вооружениями, которая берет свое начало в начале 1970-х гг.<sup>184</sup> В 1989 г. Буш-старший заявил, что его целью является интеграция быстро меняющегося Советского Союза в «сообщество наций»<sup>185</sup>. Одним из важных незавершенных дел была дипломатия Договора о сокращении стратегических вооружений (СНВ), которая стремилась ограничить ядерный потенциал обеих сторон. Поэтому в июне 1990 г. оба лидера встретились на саммите в Вашингтоне для обсуждения этой глобальной проблемы. Фактически, во время процесса заключения этого

---

<sup>183</sup> Walt S. *Taming American Power: The Problem of American Power. American Foreign Policy: The Dynamics of Choice in the 21st Century.* Edited by Bruce W. Jentleson. New York. W.W. Norton and Company. 2007. P. 571–572.

<sup>184</sup> В.З. Дворкин: «Достигнутый уровень взаимной транспарентности, закрепленный в Договоре СНВ-1, не имеет аналогов во взаимоотношениях стран-союзниц, не говоря уже о других... в области СНВ Россией и США за десятилетия накоплена и закреплена на практике огромная понятийно-юридическая база, содержащая все детали – от терминов, определений и согласованных заявлений до практически отлаженной системы инспекций». Подробнее см.: Дворкин В.З. Ядерное сдерживание: взгляд в будущее // *Pro en Contra*. Т.3. № 4. 1998. С. 46.

<sup>185</sup> McCornick J. *American Foreign Policy and Process*. P. 157.

соглашения в отношениях между США и Советским Союзом не было практически никакой коммуникации и координации<sup>186</sup>.

СНВ-1 будет основываться на застопорившемся прогрессе, достигнутом к настоящему времени по режиму СНВ, который касается оборонительных и наступательных категорий ракет малой и средней дальности. Ограничения на обычное, неядерное, оружие также были очень важной частью обсуждения. Одним из результатов стало подписание в конце 1990 г. Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Это означало, что обе стороны должны вывести и уничтожить обычные военные вооружения, которые они обещали ликвидировать в соглашении 1987 г. В июле 1991 г. Буш-старший и М.С. Горбачев встретились еще раз и договорились оформить детали и процесс СНВ<sup>187</sup>. Этот договор стал известен как СНВ-1, и в результате каждая сторона согласилась сократить количество боеголовок на ракетах большой дальности с 10000 до 6500<sup>188</sup>. После распада СССР в конце 1991 г. Б.Н. Ельцин продолжил линию М.С. Горбачева и встретился с президентом Бушем-старшим в Вашингтоне в июле 1992 г.<sup>189</sup> Прежде всего, в январе 1992 г. Посольство РФ в США опубликовало документ о том, что Россия в полной мере продолжает выполнять свои обязательства по Договору о нераспространении ядерного оружия от 01.07.1968 г., как государство, обладающее ядерным оружием<sup>190</sup>. Затем два государства заложили основу для СНВ-2, цель которого еще большее сокращение количества боеголовок и вооружений<sup>191</sup>. 29 января 1992 г. Б.Н. Ельцин дал подробную информацию о российской политике ограничения и

<sup>186</sup> Кортунов С.В. Контроль за вооружениями и интересы России. М., Московский общественный научный фонд. 1997. С. 33.

<sup>187</sup> McCormick J. American Foreign Policy and Process. P. 166.

<sup>188</sup> Papp D., Loch K.J. and Endicott J. American Foreign Policy: History, Politics and Policy. P. 198.

<sup>189</sup> Государственный визит Президента РФ Б.Н. Ельцина в США 16–18 июля 1992 г.: Сборник документов. М., Международные отношения. 1992. С. 173.

<sup>190</sup> Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 192. О. 82. П. 527. Д. 1. Исх. 8. От 30.01.1992. С. 8.

<sup>191</sup> U.S: Department of State Dispatch. Vol. 3. June 22. 1992. P. 493; Baker J.A. with DeFrank T.M. The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace 1989–1992. New York. 1995. P. 670.

сокращения вооружений в заявлении, опубликованном после визитов в Соединенное Королевство, Соединенные Штаты и Канаду. В частности, он высказал идею о создании международной организации по сокращению ядерного оружия<sup>192</sup>. Примерно четыре месяца спустя в уведомлении, направленном в госдепартамент США, также сообщалось, что Россия ликвидировала все стратегические вооружения, расположенные в Казахстане, в течение семи лет. Руководство России рассчитывало, что эти предприятия приведут к ратификации Договора СНВ-1 в составе РФ, США, Украины, Беларуси и Казахстана в Лиссабоне<sup>193</sup>. К тому времени, когда президент Буш-старший покинул свой пост в январе 1993 г., работа над этим договором была завершена<sup>194</sup>.

Прогресс в соглашениях о ядерном оружии, договорах об обычных вооружениях и объединении Германии продемонстрировал, что Советский Союз/Россия могут работать по интегрированным, а также параллельным путям с Соединенными Штатами. Эти основы общности помогли уменьшить напряжение и неопределенность, вызванные такими видениями, как Новый мировой порядок с американской стороны и советская имплозия с другой.

*Попытки РФ адаптироваться к Новому мировому порядку:* После ратификации Договора о создании СНГ Президент Ельцин сделал все советские институты частью недавно созданной Федерации в 1991 году. Этот сдвиг был замечен и во внешнеполитических ведомствах. После этого все посольства СССР стали посольствами Российской Федерации при МИД.<sup>195</sup> В начале 1992 г. Российская Федерация продолжает свое участие в ОБСЕ, как это было во времена Советского Союза. Кроме того, Хельсинкский акт 1975 г. и другие договоры по безопасности в Европе полностью подотчетны, и

---

<sup>192</sup> Заявление Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина по вопросам сокращения и ограничения вооружений (29.01.1992) // Дипломатический вестник. М., 4–5, 29 Февраля–15 марта 1992.

<sup>193</sup> АВП РФ. Ф. 192. О. 82. П. 527. Д. 1. Исх. 33. От 19.05.1992. С. 30.

<sup>194</sup> McCormick J. American Foreign Policy and Process. P. 172.

<sup>195</sup> АВП РФ. Ф.192. О. 81. П. 517. Д. 1. Исх. 89. От 26.12.1991. С. 27–28. «О переименовании посольства СССР в посольство РФ».

заявлено, что Россия будет действовать в соответствии с положениями этого договора<sup>196</sup>.

01.02.1992 г. РФ и США подписали Кэмп-Дэвидскую декларацию, юридически означавшую окончание Холодной войны. В этом довольно обобщенно составленном документе отмечалось, что державы более не являются соперниками и будут выстраивать взаимоотношения на основе дружбы и партнерства<sup>197</sup>. Через полгода, 17.06.1992 г., в Вашингтоне лидерами двух стран подписывается Хартия российско-американского партнерства и дружбы, характеризующая двустороннее сотрудничество в сферах экономики и глобальной безопасности<sup>198</sup>. Но всего через несколько лет станет очевидно, эти политические шаги окажутся несостоятельными.

Внешиполитическое становление России и адаптация к международной политике в постсоветский период имеет несколько основных аспектов. Первый из этих аспектов — это вопрос о роли России в мировой политике после окончания Холодной войны. Соответственно, попытка сохранить позицию ООН по принципу верховенства раскрывает основную цель этой идеи. Второй аспект — это вопрос противодействия России расширению НАТО и того, как она будет поддерживать многополярность в мировой политике для достижения этой цели.

*Акцент на статусе России как великой державы.* Наиболее выраженным компонентом российского внешнеполитического дискурса в 1990-е и 2000-е гг. был акцент на статусе России как великой державы. Даже в либерально ориентированные времена начала 1990-х годов и далее Россия настаивала на том, что она является великой державой и что внешние акторы должны относиться к ней соответственно.

---

<sup>196</sup> АВП РФ. Ф. 192. О. 82. П. 527. Д. 1. Исх. 1. От 06.01.1992. С. 2–5. «Об участии РФ в Венских переговорах».

<sup>197</sup> Кэмп-Дэвидская декларация Президента Буша-старшего и Президента Б.Н. Ельцина о новых отношениях // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4-х т. / Сост. Т.А. Шаклеина. Т. IV. М. 2002. С. 442.

<sup>198</sup> Хартия российско-американского партнерства и дружбы // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4-х т. / Сост. Т.А. Шаклеина. Т. IV. М. 2002. С. 443–448.

Факторы, ставящие под сомнение статус России как великой державы в 1990-е гг.: распад СССР, сокращение границ государства до границ XVII века, экономический кризис, социальные проблемы, экологические катастрофы<sup>199</sup>, рост уровня коррупции и преступности, а также потеря энергетических ресурсов из-за территориальных потерь. Исходя из исторического опыта, российские политики полагали, что защита границ и достижение региональных целей могут быть возможны только при активном участии в глобальной политике, как это было видно на примере защиты Россией своих христианских союзников в XIX веке, особенно на Балканах, коммунистов между 1917 и 1990 годами и русских, живущих за пределами российского государства<sup>200</sup>. Статус России как великой державы был приобретен с падением Византии в XV веке и становлением ее в качестве центра восточного христианства. В следующий период началась большая борьба с Османской империей<sup>201</sup>. К XX веку против русских выступили западные государства, и борьба продолжалась и в советский период<sup>202</sup>. После Холодной войны она оказалась без зон влияния, защищающих ее статус великой державы, в результате чего ей пришлось бы бросить вызов своим антагонистам в экономической глобализации<sup>203</sup>. Что же тогда составляло суть дискурса о «великой державе»?

Основными аргументами в рамках этого дискурса о «великой державе» были устойчивые позиции России в нескольких основных международных организациях. Членство в Совете Безопасности ООН, ОБСЕ, Совете Европы, а также в «Большой восьмерке», членом которой она является с 1997 г. (хотя никаких обязательных решений принято не было, быть членом этой организации было своего рода престижем), считается важным для

---

<sup>199</sup> Rywkin M. Russia: In Quest of Superpower Status // *American Foreign Policy Interests*. Vol. 30. № 1. 2008. P. 13.

<sup>200</sup> Tsygankov A.P. Russia's Power and Alliances in the 21st Century // *Politics*. Vol. 30. № 1. 2010. P. 44.

<sup>201</sup> Ibidem.

<sup>202</sup> Ibidem.

<sup>203</sup> Ibidem.

российских лиц, принимающих решения, в утверждении России как великой державы<sup>204</sup>. Кроме этого, Россия также участвует в региональных организациях, таких как Совет государств Балтии, Арктический Совет, Черноморское экономическое сотрудничество в европейском контексте, а также участвует в некоторых азиатских организациях, таких как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), и является наблюдателем в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и Организации Исламского сотрудничества<sup>205</sup>. В дополнение к этому Россия пытается расширять свое влияние на постсоветском пространстве. Россия пыталась развивать связи с партнерами на этой территории в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, в которую вошли Россия, Беларусь, Армения, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Задачи организации – коллективная оборона, борьба с терроризмом, сепаратизмом и организованной преступностью и т. д.<sup>206</sup> Следует напомнить, что в стремлении укрепить все виды связей с постсоветскими территориями Россия проявила нежелание сотрудничать с ЕС, отказавшись от предложений Брюсселя о размещении совместных миротворческих подразделений на постсоветском пространстве, например в Молдове<sup>207</sup>.

Помимо членства в основных международных и региональных организациях, вес России придавал ее ядерный потенциал. Акцент на статусе России как ядерной державе был направлен на обеспечение паритета с США и на ликвидацию угрозы применения ядерного оружия путем создания системы отношений, в которой ни один ядерный субъект не имеет

---

<sup>204</sup> Oldberg I. Russia's Great Power Strategy Under Putin and Medvedev // Occasional UI Papers. Swedish Institute of International Affairs. № 1. 2010.

<sup>205</sup> Ibidem.

<sup>206</sup> Ibidem.

<sup>207</sup> Tsygankov A.P. Finding a Civilizational Idea: 'West', 'Eurasia' and 'Euro-East' in Russia's Foreign Policy. P. 387.



превосходства<sup>208</sup>. Важность ядерного потенциала для утверждения России в качестве великой державы становится еще более очевидной, если посмотреть на заявление главы Комитета Государственной Думы по обороне Владимира Комоедова о том, что государственные расходы на ядерное оружие в 2013–2015 гг. превысят 100 миллиардов рублей, а в 2012 г. они составляли около 27 миллиардов рублей<sup>209</sup>.

На экономическом фронте Россия предпринимала и продолжает предпринимать шаги по восстановлению после «потерянного десятилетия» 1990-х гг., чтобы соответствовать статусу великой державы.

Следует признать, что вышеуказанные компоненты, составляющие статус России как великой державы, не являются исчерпывающими и глубоко укоренились во внутреннем и внешнеполитическом мышлении России. Как утверждает Анатолий Решетников из Венского Университета, опираясь на Хопфа, «<...> и в 1955, и в 1999 годах идея ‘великой державы’ <...> действительно укоренилась на уровне популярного дискурса», «<...> существовал явный дискурсивный спрос на статус великой державы России; альтернатива потери этого статуса была совершенно невысказана для населения»<sup>210</sup>. Внутренние корни статуса великой державы неизбежно сопровождаются международным признанием<sup>211</sup>. В таком контексте восстановление и поддержание статуса России как великой державы является долгосрочной темой внутренней и внешней политики, которая выполняет объединяющую функцию как внутри страны, так и за рубежом<sup>212</sup>.

*Привлечение внимания к важности ООН.* Внимание российских политиков к центральной роли ООН после 1991 г. было связано с тем, что

<sup>208</sup> Kislyakov A. Russia to Overhaul Its Nuclear Missile Shield // Russia Beyond the Headlines. Nov 2012. URL:

[https://www.rbth.com/articles/2012/11/01/russia\\_to\\_overhaul\\_its\\_nuclear\\_missile\\_shield\\_19657.html](https://www.rbth.com/articles/2012/11/01/russia_to_overhaul_its_nuclear_missile_shield_19657.html)

<sup>209</sup> Ibidem.

<sup>210</sup> Reshetnikov A. Great projects' Politics in Russia: History's Hardly Victorious End // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. Vol. 19. № 2. 2011. P. 154.

<sup>211</sup> Ibid. P. 154.

<sup>212</sup> Rywkin M. Russia: In Quest of Superpower Status // American Foreign Policy Interests. P. 14.

Россия сосредоточилась на поиске способа заявить, что она по-прежнему является великой державой в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН<sup>213</sup>. Доверие к Совету Безопасности, постоянным членом которого Россия была в эпоху Горбачева, сохранилось и во время президентства Ельцина<sup>214</sup>.

В целом, главной заботой России к концу Холодной войны было сохранение своего постоянного места в Совете Безопасности ООН во время перехода от советского к новому российскому государству. Опасения по поводу того, будет ли она рассматриваться как преемник СССР, оказались напрасными, поскольку Россия сохранила свое место без голосования или каких-либо обсуждений в ООН<sup>215</sup>. Р. Сетов резюмировал место и роль России в системе международных отношений в 1990-е гг. следующим образом: «В идеологическом смысле новая Россия не является продолжением Советского Союза и не противостоит США/Западной Европе. Напротив, новая Россия «унаследовала» международно-правовые обязательства СССР, его основные долги и проблемы, возникшие как в ее внутренней, так и во внешней политике. Это приведет к ее ослаблению в будущем. Учитывая эти обстоятельства, вряд ли можно ожидать желания России вернуть себе свою международную политическую роль, сравнимую с ролью Советского Союза»<sup>216</sup>.

В любом случае ООН была единственным в то время для России местом, где она рассматривалась как равная остальным великим державам<sup>217</sup>. Таким образом, мнение Б.Н. Ельцина о Совете Безопасности ООН как «политическом олимпе современного мира» никого не удивило, такое

---

<sup>213</sup> Panagiouto R.A. The Centrality of the United Nations in Russian Foreign Policy // Journal of Communist Studies and Transition Politics. Vol. 27. № 2. 2011. P. 196.

<sup>214</sup> Ibid. С. 204.

<sup>215</sup> Ibidem.

<sup>216</sup> Сетов Р.А. Современный миропорядок и государственные интересы России. С. 303.

<sup>217</sup> D'Anieri P. Russian Foreign Policy: Continuity, Revolution and the Search for Status. Ryan K. Beasley et al.(eds.). Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior (Washington. CQ Press. 2002). P. 115.

отношение прослеживалось во время войны в Боснии, а затем в Косово<sup>218</sup>. В первые годы существования Россия (как новое государство) действовала в согласии с подходом ООН к конфликту в Боснии, который не исключал вмешательства, если это будет сочтено необходимым. Кроме того, Россия не воспользовалась своим правом вето в отношении исключения Югославии из ООН<sup>219</sup>. Конечно, эту ситуацию можно определить как пример негативного влияния российской администрации на внешнюю политику страны в то время<sup>220</sup>.

Вскоре Россия перешла к более жесткой внешней политике и начала выступать против предложений в ООН об отмене санкций в отношении Боснии – подход, который совпал с выраженной просербской позицией России<sup>221</sup>. Главной претензией России в отношении ООН во время боснийского конфликта, был тот факт, что с Россией не консультировались в процессе принятия решений, а также, что к ней относились не как к равному партнеру. Позднее российская позиция по вопросу роли ООН, особенно в плане иностранного вмешательства, была высказана постоянным представителем России при ООН Сергеем Лавровым в 1998 г.: «Без эффективного и оперативного Совета Безопасности сам процесс урегулирования конфликта стал бы исключительной сферой, в лучшем случае, региональных усилий, а в худшем – односторонних действий без центральной координирующей роли, которую играет Совет Безопасности Организации Объединенных Наций»<sup>222</sup>.

За этим заявлением Лаврова вскоре последовали события в Косово, которые подтвердили озабоченность России по поводу сохранения ООН в центре своей дипломатии и текущих международных переговоров. Однако

---

<sup>218</sup> Panagiouto R.A. The Centrality of the United Nations in Russian Foreign Policy. P. 205.

<sup>219</sup> Ibidem. P. 205.

<sup>220</sup> Сетов Р.А. Современный миропорядок и государственные интересы России. Термины, теории, прогнозы. М., 2010. С. 304.

<sup>221</sup> Там же.

<sup>222</sup> United Nations General Assembly. Official Records. Fifty-third Session. 63rd Plenary Meeting. A/53/PV.63. 19 Nov 1998. P. 206.

решение НАТО бомбить Сербию без резолюции Совета Безопасности убедило российских официальных лиц в том, что Россия находится в стороне, и это может иметь более опасные последствия для российской безопасности. Главный страх в России заключался в следующем: Если НАТО может вмешаться в Косово без каких-либо санкций ООН, то почему бы не вмешаться и в Чечню?<sup>223</sup>.

Принцип центральной роли ООН был не единственной особенностью внешнеполитического курса России, в том числе и во время войн в бывшей Югославии. Россия также подчеркивала важность ОБСЕ как еще одной существенной международной платформы, на которой она стремится высказать свои предложения и найти решение проблем в Боснии и Косово. Как и в случае с ООН, внимание к ОБСЕ также не принесло России ожидаемого результата.

*Противодействие расширению НАТО.* Цели Запада, стоявшие за расширением НАТО после окончания Холодной войны, были многообразны. Считалось, что это будет способствовать распространению демократии в Восточной и Центральной Европе, положит конец разделению между Востоком и Западом, расширит сообщество евроатлантической безопасности на ранее открытые районы, послужит сдерживающим фактором против возможной российской экспансии и поможет сохранить баланс по отношению к России<sup>224</sup>. Первое расширение НАТО, совпавшее с операцией в Косово, произошло в 1999 г., что усилило антизападные настроения и подозрения России. Это означало, что Россия не рассматривается как равноправный партнер в вопросах, касающихся глобальной безопасности. Россию такая позиция не устраивала<sup>225</sup>.

В первой половине 1990-х гг. Россия поддерживала инициативы НАТО, касавшиеся Югославии: признала независимость Словении, Хорватии,

---

<sup>223</sup> D'Anieri P. Russian Foreign Policy: Continuity, Revolution and the Search for Status. P. 115.

<sup>224</sup> Shearman P. Russia and NATO Enlargement: The Case Against. Mike Bowker and Cameron Ross (eds.). Russia After the Cold War (Harlow. London. Longman. 2000). P. 304.

<sup>225</sup> Батюк В.И. НАТО и Российская Федерация: Эволюция взаимоотношений // Вестник МГУ. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. № 1. С. 4. (3–31).

Македонии, Боснии и Герцеговины<sup>226</sup>, отправила в зону конфликта своих миротворцев<sup>227</sup>, также поддержала санкции против Белграда<sup>228</sup> и создание Трибунала по Югославии<sup>229</sup>, одобрила различные планы урегулирования конфликта в Боснии (например, план Оуэна–Вэнса)<sup>230</sup>. Однако отсутствие взаимопонимания с Альянсом по принципиальному для России вопросу его расширения<sup>231</sup>, а также позиция НАТО по поводу операции «Обдуманная сила»<sup>232</sup> 1995 г. против боснийских сербов<sup>233</sup> заставили Россию пересмотреть свой внешнеполитический курс во второй половине 1990-х гг.

Однако, как В.И. Батюк также сообщил в своем исследовании о неадекватности НАТО: «В итоге, как показали события вокруг Косово в 1999 г., европейские союзники Вашингтона столкнулись с немалыми трудностями при мобилизации необходимых для проведения операций вне зоны ответственности НАТО высокопрофессиональных воинских контингентов с соответствующим снабжением, боевым обеспечением и вооружением. Например, у западноевропейцев возникли серьезные проблемы, когда понадобилось найти 30 тыс. солдат для проведения миротворческой операции в Косово (хотя это менее 2% общей численности вооруженных сил

<sup>226</sup> Визит А.В. Козырева в республики бывшей СФРЮ (18–20 и 24–27 мая) // Дипломатический вестник. М., №12. 30 июня. С. 17–18

<sup>227</sup> Адамишин А.Л. Югославская прелюдия // Россия в глобальной политике. 2013. 31 августа. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Yugoslavskaya-prelyudiya-19203>

<sup>228</sup> «К сожалению, югославское руководство не нашло в себе сил для того, чтобы правильно отреагировать на ставший неизбежным процесс распада Югославии. В результате в ряде республик были применены силы Югославской народной армии. Эта трагедия похожа на то, как если бы Россия, скажем, применила Вооруженные Силы бывшего Союза против Белоруссии...» Выступление А.В. Козырева // Дипломатический вестник. М., 1992. № 13–14. С. 38–41.

<sup>229</sup> Брифинг 1 июня 1993 г. (проводил С.В. Ястржембский) // Дипломатический вестник. М., 1993. № 13–14. С. 66

<sup>230</sup> Брифинг 5 февраля 1993 г. (проводил С.В. Ястржембский) // Дипломатический вестник. М., 1993. № 5–6. С. 69

<sup>231</sup> К реализации Дейтонских соглашений // Дипломатический вестник. М., 1996. № 1. С. 18,33.

<sup>232</sup> Выступление Президента РФ Б.Н. Ельцина на специальном торжественном заседании ГА по случаю 50-летия ООН// Дипломатический вестник. М., 1995. № 11. С. 55; Заявление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации о расширении НАТО на Восток, 25 октября 1995 г./ Дипломатический вестник. М., 1995. № 12. С. 24–25

<sup>233</sup> Заявления МИД РФ 31 августа, 5 сентября, 12 сентября 1995 г. // Дипломатический вестник. М., 1995. № 10. С. 59

стран Западной Европы). Как следствие, военно-техническая зависимость европейцев от американцев в 1990-е — начале 2000-х годов не уменьшилась, как на это рассчитывали западноевропейские элиты после окончания «холодной войны», а, напротив, возросла»<sup>234</sup>.

С российской точки зрения, расширение нарушило содержание и дух соглашения 1990 г., которое проложило путь к воссоединению Германии, в результате чего был достигнут консенсус о том, что НАТО не будет расширяться на территорию бывшей Восточной Германии<sup>235</sup>. Эта и последующая волна расширения показали, что Запад не чувствовал себя обязанным следовать достигнутому консенсусу<sup>236</sup>. Не менее важно и то, что российские официальные лица сочли необъяснимым, почему НАТО стремится к расширению, учитывая, что Холодная война закончилась и что Россия больше не является противником<sup>237</sup>.

Хотя расширение НАТО еще больше изолировало Россию, по крайней мере, Основополагающий акт, подписанное между НАТО и Россией в 1997 году, также дало России право голоса в процессе принятия решений НАТО, хотя и без права вето<sup>238</sup>. За первым расширением НАТО последовал короткий период российско-американского сотрудничества сразу после 11 сентября 2001 г. Впоследствии НАТО предложило России создать новый Совет Россия-НАТО. Изменение не было радикальным, Россия могла быть представлена послом<sup>239</sup>, но ей не было предоставлено право вето, российские официальные лица рассматривали это как несущественное изменение, выступали за принятие консенсусных решений, которые все были

---

<sup>234</sup> Батюк В.И. НАТО и Российская Федерация: Эволюция взаимоотношений. С. 9.

<sup>235</sup> D'Anieri P. Russian Foreign Policy: Continuity, Revolution and the Search for Status. P. 113.

<sup>236</sup> Ibidem. P. 114.

<sup>237</sup> Ibidem.

<sup>238</sup> Shearman P. Russia and NATO Enlargement: The Case Against. P. 309.

<sup>239</sup> Buckley M. Russian Foreign Policy and Its Critics // European Security. Vol. 11. № 4. 2002. P. 36.

направлены на одну и ту же цель, т. е. получение права голоса, и настаивали на равенстве в их партнерстве с НАТО<sup>240</sup>.

В более широкой перспективе ожидалась дальнейшие проблемы, связанные с дальнейшим расширением НАТО. Во-первых, как считалось, экспансия может подрвать демократию в России; во-вторых, она может провести разделительную линию XXI века между Востоком и Западом после полувековой Холодной войны; в-третьих, она может подрвать существующий авторитет альянса в силу того, что он принял сразу много членов, и все они являются слабыми и зависимыми государствами; в-четвертых, она может спровоцировать антизападные настроения в России; и в-пятых, это может подтолкнуть российские политические элиты обратиться к Китаю для изучения возможностей укрепления отношений<sup>241</sup>.

*Подчеркивание многополярности в международных отношениях.* Дебаты о многополярности возникли в 1990-х гг., их суть составляла идея о том, что Россия должна возглавить (и фактически возглавила) процесс перехода от однополярного мира, навязанного США, к многополярному. По мнению Джеффри Манкофф, эксперта Центра стратегических и международных исследований (на англ. *CSIS*) по России и Евразии, многополярность просто означала «своего рода концертное соглашение между великими державами, сродни Европейскому концерту девятнадцатого века или идеализированной версии «Четырех полицейских» Франклина Рузвельта»<sup>242</sup>. Войдя в российский политический дискурс в 1990-е гг., этот термин стал чаще применяться в 2000-е гг. в одной из основных внешнеполитических доктрин России.

Многополярность подразумевает состояние, при котором ни один субъект не доминирует в международной политике и экономике и не действует таким образом, чтобы определять существующий порядок в

---

<sup>240</sup> Ibidem.

<sup>241</sup> Shearman P. Russia and NATO Enlargement: The Case Against. P. 311.

<sup>242</sup> Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics (Maryland. Rowman and Littlefield Publishers. 2009). P. 15.

международной политике и экономике. Хотя следствием российской политики многополярности было усиление доминирования США в мире, все же на мировой арене начали появляться новые акторы, такие как Бразилия, Индия, Китай и ЕС, с собственными взглядами на международную систему. Эта ситуация также доказывает правоту России в мировой политике<sup>243</sup>. Во-первых, проводя независимую внешнюю политику, начатую В.В. Путиным, Россия прошла долгий путь, чтобы стать одним из полюсов в многополярном мироустройстве. Несмотря на то что даже в начальный либеральный период в России сохранялось стремление действовать автономно, цель быть включенным в число доминирующих субъектов мировой политики, как в случае с членством в Совете Безопасности ООН, была первостепенной. То же самое можно сказать и о коротком периоде российско-американского сотрудничества после 11 сентября, когда прозвучала резкая критика, особенно со стороны военной элиты, в адрес всестороннего сотрудничества Путина с США и НАТО. Пропаганда многополярности была одним из столпов российской внешней политики после Холодной войны и даже во время кратких периодов тесного сотрудничества с США и остается таковой.

Во-вторых, Россия не только подчеркивала критическую важность многополярности, но и считала необходимым интегрироваться в структуры, в которых США и другие западные акторы являются лидерами. Иными словами, российская многополярная риторика не исключала интеграции с Западом, о чем свидетельствовали ее связи с НАТО и стратегическое партнерство с ЕС<sup>244</sup>. Наконец, многополярный дискурс России тесно связан с ее дискурсом о центральной роли ООН как места, формализующего верховенство основных акторов мирового порядка. Сегодня к числу государств-членов Совета Безопасности добавились новые государства,

---

<sup>243</sup> Jurado E. Russia's Role in a Multipolar World: Between Change and Stability // Foresight. P. 6.

<sup>244</sup> Makayrchev A. Russia in a Multipolar World: Role Identities and 'Cognitive Maps' // Revista CIDOB. D'afers Internacionals. № 96. 2011. P. 16.



обладающие ядерным оружием и политическими и военными полномочиями. Таким образом, на международной арене был создан новый баланс сил<sup>245</sup>.

Постоянный упор Москвы на многополярности позволяет утверждать, что она является одним из основных и долгосрочных принципов внешней политики России. Остается выяснить, в какой степени многополярный мир, к которому стремится Россия, обеспечит стабильность существующего международного порядка.

Вышеупомянутые политические максимы сформировались в меняющихся политических контекстах во время и после конфликтов в бывшей Югославии в ходе эволюции политических течений в России за последние три десятилетия. Возникли ли они как побочные продукты этих кризисов или они уже существовали в политических дискурсах и были вызваны не только кризисами, можно спорить. Следует отметить, что Россия представляет собой очень сильный пример преемственности как в мировой, так и в балканской политике, что требует изучения ее исторического фона.

---

<sup>245</sup> Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Politics. P. 16.

## Глава 2. Отражение событий на Балканах во внешнеполитических концепциях США

История взаимоотношений США и Югославии представляет большой интерес. Невероятным выглядит тот факт, что на протяжении почти полувека США имели тесное сотрудничество с коммунистической Югославией, являясь кредитным донором югославской экономики и решительным сторонником единства и целостности югославского государства. Однако после падения Берлинской стены политика США в отношении Югославии постепенно начала меняться.

Конец Холодной войны и распад Восточного блока поставил перед США задачу создания новой системы международной безопасности и выработки своих внешнеполитических приоритетов. Такая политика диктовалась тем, что теперь уже не существовало такой сильной державы, как Советский Союз, которая могла бы бросить вызов США, что привело к единоличной гегемонии Америки во всем мире. Как заявил Джон Айкенберри, с окончанием Холодной войны был осуществлен переход от биполярной системы к однополярной. Таким образом, гегемония Соединенных Штатов начала ощущаться во всем мире с добавлением их военной мощи в дополнение к их экономическим и культурным отношениям. После победы в Холодной войне внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов в этот период реализовывалась в рамках дискурсов «Нового мирового порядка (*New World Order*)», «Доктрины Клинтона (*Clinton Doctrine*)» и «Превентивной войны и упреждающего удара (*Preventive war and Preemptive strike*)» соответственно.

В конце Холодной войны многие прогнозы были оптимистичными относительно будущего человечества, и стала популярной философская идея «конца истории»<sup>246</sup>. С другой стороны, многие общества переживали многоаспектные кризисы в период после окончания Холодной войны.

---

<sup>246</sup> Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. Penguin. New York. 2020.

Многие аналитики заявили о «возрождении истории»<sup>247</sup> в соответствии со своей реалистичной точкой зрения, чтобы спрогнозировать различные потенциальные проблемы на бывшей арене Холодной войны в Центральной и Восточной Европе.

Ситуация, сложившаяся на Балканах с новым мировым порядком, — это влияние изменений в политическом положении Балкан на европейскую политику как сферу влияния великих держав, помимо таких сложных факторов, как демография и география. Босния и Косово являются стратегически важными регионами, которые в силу своего географического положения образуют узловую точку Балкан. Гуманитарные драмы, пережитые как в Боснии, так и в Косово после окончания Холодной войны, вызвали большие последствия во всем мире.

С другой стороны, косовская проблема – это многоаспектная проблема, имеющая исторические основания. Учитывая расчеты мировых держав на Балканах, косовский вопрос имеет вид, который может напрямую повлиять на стабильность всех Балкан, Кавказа и Ближнего Востока. К сожалению, вмешательство в Косово и последующее провозглашение независимости (многие страны, включая Россию, его не признают) еще не означает, что проблема решена<sup>248</sup>. Соединенные Штаты вмешательством в Косово и показали, что они являются единственной мировой сверхдержавой оказали значительную поддержку Косово в процессе обретения независимости эффективно активизировали евроатлантические институты для обеспечения безопасности Балкан и, следовательно, Европы. Однако, как и в начале косовской проблемы, США были самым важным сторонником решения проблемы Европейским союзом (ЕС) в итоге.

---

<sup>247</sup> Glenny M. *The Rebirth of History: Eastern Europe In the Age Of Democracy* // Penguin, 1993.

<sup>248</sup> Kaplan R.D. *The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post-Cold War*. UK. Vintage Books. 2001.

## 2.1. Особое место Югославии в американском стратегическом видении Европы: от Второй мировой войны до конца 1980-х гг.

Такие понятия, как «свободная торговля, распространение демократии, коллективная безопасность и право на самоопределение», которые США пытались внедрить в мировую политику, имели прямое отношение к «принципам Вильсона». В этом контексте эти принципы непосредственно затрагивали небольшие и многонациональные регионы, такие как Балканы<sup>249</sup>. Чтобы удержать Германию под контролем, предотвратить распространение Русской революции на Балканы и снизить влияние Италии в Восточном Средиземноморье, Великобритания, Франция и Соединенные Штаты поддержали создание единого и сильного славянского государства под руководством Сербии, которое сильно пострадало в Первой мировой войне. Кроме того, Албания, которая была оккупирована сербами и итальянцами во время Первой мировой войны, провозгласила свою независимость при значительной поддержке президента США Вудро Вильсона<sup>250</sup>. Лига Наций также признала суверенитет Албании и приняла ее в качестве полноправного члена<sup>251</sup>. Однако с отклонением Конгрессом Версальского договора Соединенные Штаты<sup>252</sup>, вернувшись к своей традиционной политике «разъединения», отказали от своих политических, но и экономических интересов в регионе. Драматическая история Югославии, начавшаяся с «Королевства сербов, хорватов и словенцев», создание которого также было поддержано президентом Вильсоном и рассматривалось как единственное решение проблемы «балканизации», закончилась кровавым конфликтом.

---

<sup>249</sup> Poilain L., Teleki I. U.S. Policy Towards the Western Balkans // *Western Balkans Policy Review*. Janusz Bugajski, (ed.). CSIS. Washington. 2010. P. 26.

<sup>250</sup> Bogdani M., Loughlin J. *Albania and the European Union: The Tumultuous Journey Towards Integration*, I.B. Tauris. New York. 2007. P. 229.

<sup>251</sup> Jelavich Ch. *The Establishment of the Balkan National States: 1804–1920*. University of Washington Press. 1986. P. 318.

<sup>252</sup> Macmillan M. *Paris 1919: 1919 Paris Barış Konferansı ve Dünyayı Değiştiren Altı Ayın Hikayesi*. (Çev. Belkıs Dişbudak). ODTÜ Yayıncılık. Ankara. 2001. S. 474.

1920-е гг. были периодом относительного мира на Балканах. Югославии удалось выйти из экономического кризиса 1929 г., названного «Великой депрессией», с относительно небольшим ущербом благодаря ее отношениям с Германией<sup>253</sup>. В течение этого периода Соединенные Штаты дистанцировались от того, что происходило в Европе, включая вопрос о членстве в Лиге Наций. Однако Соединенные Штаты (при посредничестве Великобритании) оказали военную и финансовую помощь движению четников<sup>254</sup>.

17 апреля 1941 г. в результате Югославской операции королевство Югославия было оккупировано странами Оси, его правительство свергнуто, а территория Югославии разделена на оккупационные зоны между Германией и ее союзниками. В годы Второй мировой войны на этой территории одновременно действовало несколько подпольных военных организаций: югославские партизаны и четники Дражи Михайловича.

Оба движения имели целью борьбу за освобождение Югославии, однако между этими военными группами существовали серьезные разногласия относительно будущего Югославии: партизаны во главе с Тито стремились к созданию коммунистического государства, в то время как четники Дражи Михайловича желали восстановления монархии.

Существенное различие этих двух национальных движений состояло также в том, что партизанское движение было общенародным, отражало борьбу за целостность Югославии, движение же четников было во многих

---

<sup>253</sup> Serbia // In Encyclopædia Britannica. 18 August 2010. Encyclopædia Britannica Online. URL: <https://www.britannica.com/news/654691/e180b7591aeaaadd8781d820c4052116>

<sup>254</sup> Название, данное националистической и монархической сербской партизанской организации или движению. Оно было основано в 1904 г. с целью сопротивления Османской империи; особенно прославилось во время Второй мировой войны полковником Драголюбом Михайловичем, чтобы поддержать королевское югославское правительство в изгнании и бороться против стран Оси и коллаборационистских хорватских усташей. Четники, которые сражались с нацистами в начале войны, позже переключили свою борьбу на коммунистических партизан и заручились поддержкой нацистов и фашистского правительства Италии. В 1944 г., когда коммунисты были объявлены законным правительством Югославии, они значительно утратили свою власть. См. Tomasevich J. War and Revolution in Yugoslavia (1941–1945): The Chetniks. Stanford University Press. 1975.

отношениях абсолютно просербским. Это обстоятельство способствовало большей народной поддержке Тито и партизан<sup>255</sup>. Со временем четники стали больше бороться с югославскими партизанами, чем с фашистами, и в итоге окончательно стали союзниками немцев в борьбе против Тито.

В этих условиях США начинают выстраивать свою политику в отношении Югославии, оказывая поддержку единственному антифашистскому движению в Югославии и его лидеру Иосипу Броз Тито. Это, безусловно, стало прочной основой для дальнейшего строительства и улучшения отношений между США и Югославией.

Кроме того, Соединенные Штаты, в соответствии с целью «политики сдерживания (*containment policy*)» Советского Союза, придавали значение тому факту, что их союзники Турция и Греция установили хорошие отношения с Югославией в рамках Балканской Антанты<sup>256</sup>. Однако Антанта оставалась неэффективной из-за смерти И.В. Сталина через некоторое время и прихода Н.С. Хрущева к власти в Советском Союзе, напряженности в турецко-греческих отношениях по кипрскому вопросу, важности событий на Ближнем Востоке и того факта, что Югославия появилась в мировой политике как одна из ведущих стран Движения неприсоединения в этот период.

После окончания Второй мировой войны неизбежно сложился новый мировой порядок, в котором некогда мощное немецкое государство теперь не

---

<sup>255</sup> В конце Второй мировой войны югославская партизанская армия освободила большую часть Триеста от нацистской оккупации, в то время как союзные войска полностью положили конец немецкой оккупации. В результате договора с союзными войсками Тито вывел партизанские силы. Состоящий из различных этнических групп, Триест стал независимым государством в 1947 г. под названием Свободный регион Триест и был разделен на два региона. В 1954 г. Свободный регион Триест был распущен. Город Триест, расположенный в регионе «А», присоединился к Италии. Южные части региона «В» и некоторые деревни, расположенные в пределах границ региона «А», присоединились к Югославии. Граница приняла свой окончательный вид благодаря договору Озимо (Озимский договор), подписанному между Италией и Югославией в 1975 г. Граница сегодня проходит между Италией и Словенией. См. Glenda Sluga. Trieste: Ethnicity and the Cold War, 1945–1954 // *Journal of Contemporary History*. 29 (2). 1994. С. 297.

<sup>256</sup> Sampa F. *Spykman's World*, American Diplomacy Publishers. 2006. URL: [http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/0406/sem/sem\\_spykman.html](http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/0406/sem/sem_spykman.html)

существовало, Франция и Великобритания были ослаблены войной, а отношения двух оставшихся мировых держав, СССР и США, превратились в противостояние на всех уровнях: военно-стратегическом, экономическом, культурном. Это привело к разделению Европы на зоны влияния и возникновению, по выражению У. Черчилля, «железного занавеса» – политической изоляции СССР и стран социалистического лагеря от стран Запада. Таким образом, страны Восточной Европы попали в советскую зону влияния. Они должны были установить коммунизм и вступить в Организацию Варшавского договора. Западноевропейские капиталистические страны оказались под влиянием США.

В этих обстоятельствах США получили возможность создавать военные базы в любом значимом регионе мира, стремясь создать конкуренцию военной силе СССР<sup>257</sup>. В результате в конце 1940-х гг. возник военный альянс НАТО. Хотя Югославия, как страна социалистического блока, находилась под влиянием СССР, при этом она смогла сохранить нейтральный статус и не присоединиться ни к НАТО во главе с США, ни к Организации Варшавского договора (ОВД) во главе с СССР<sup>258</sup>. В сложившейся ситуации США стремились использовать Югославию в своих стратегических интересах – как нейтральную территорию между двумя военными блоками с целью закрыть для СССР выход в Средиземное море через Адриатику. Это означало снижение потенциальной военной угрозы со стороны Советского Союза на южной границе Североатлантического альянса.

Вместе с тем США рассчитывали, что Югославия сможет оказать влияние на другие восточноевропейские страны. В частности, они давали понять, что государства, которые осмелятся выступить против Сталина, смогут рассчитывать на поддержку США. Именно по этой причине США

---

<sup>257</sup> Хобсбаум Э. После победы в войне. Соединенные Штаты: все шире и шире. Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2003. № 1/36. С. 97.

<sup>258</sup> Манькин А.С., Степанова Е. Формирование новой системы международных отношений и югославский кризис // На рубеже веков / МГУ им. Ломоносова, Белградский ун-т. 1997. С. 58.

поддерживали Югославию, в основном финансово<sup>259</sup>. Благодаря этому она смогла значительно повысить свой экономический уровень, а также в меньшей степени испытывала влияние политическо-информационной изоляции, чем любая другая восточноевропейская страна.

Значение Югославии в американской внешней политике было столь велико, что США даже закрывали глаза на то, что Югославия была коммунистической страной, и все факты, способные так или иначе повлиять на правление И.Б. Тито, старательно замалчивались. Так, по словам Ренео Лукича и Аллен Джеймс Линч, «в период 1949–1990 гг. правительство США редко упоминало о проблемах, связанных с нарушениями прав человека в Югославии, и тщательно избегало любых комментариев, которые могли бы дестабилизировать правление президента Йосипа Тито»<sup>260</sup>.

В то же время нужно понимать, что подобное взаимодействие с Югославией предпринималось Штатами не ради самой Югославии, а являлось частью внешнеполитической стратегии США в период Холодной войны: если страна рассматривалась США как потенциальный союзник, она не обязательно должна была быть демократическим государством.

## **2.2. Американские оценки положения СФРЮ в период крушения биполярного мира**

Как мы уже отметили, политика США в отношении Югославии объясняется их стратегическими интересами в регионе в период формирования блоков в Европе<sup>261</sup>. По окончании Холодной войны США, оставшись единственной мировой сверхдержавой, теряют к Югославии прежний интерес. Окончание Холодной войны послужило подходящим

---

<sup>259</sup> Lampe J.R., и другие. *Yugoslav-American Economic Relations Since World War II*. Duke University Press. 1990. P. 28.

<sup>260</sup> Lukic R., Lynch A. *Europe from the Balkans to the Urals, The disintegration of Yugoslavia and the Soviet Union*. New York. 1996. Oxford University Press. P. 2303.

<sup>261</sup> Романенко С. Югославский Рубикон // Новое литературное обозрение. 2007. № 1. С. 144.



поводом для смены внешнеполитического курса США в отношении Югославии. Теперь та критика, которая ранее оставалась в тени, была изложена открыто<sup>262</sup>. Например, в 1991 г. в докладе США осуждалось нарушение прав человека в Югославии, особенно в сербском крае Косово. Внешняя политика США, которые после распада СССР стали единственной мировой державой, в отношении Югославии изменяется<sup>263</sup>.

В этот период США столкнулись с т.н. «вакуумом безопасности» в Восточной Европе и предпочли вместо содействия зарождающимся демократическим движениям поддерживать прежние коммунистические режимы. Так было и в случае с Югославией, где США изначально сделали выбор в пользу сотрудничества с премьер-министром Анте Марковичем.

Можно обозначить несколько причин такого направления внешней политики США в отношении Югославии:

1. Ввиду отсутствия иной стратегии внешней политики после падения Берлинской стены продолжали Штаты продолжали прежнюю политику, направленную на сохранение целостности Югославии и поддержку ее экономики.

2. Весомое значение имел отчет ЦРУ<sup>264</sup> от ноября 1990 г., в котором оно опубликовало «Оценку национальной разведки», в которой говорилось, что «югославский эксперимент провалился, что страна распадется» и что «это, вероятно, будет достигнуто этническим насилием и беспорядками, которые могут привести к гражданской войне».

По оценкам ЦРУ, т.н. «югославский эксперимент» скоро завершится, и скорее всего гражданской войной<sup>265</sup>. Однако это означало существенное

---

<sup>262</sup> З. Бжезинский в работе «Великая шахматная доска» заявляет, что Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой после СССР. См: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С.20.

<sup>263</sup> Маныкин А.С., Степанова Е. Формирование новой системы международных отношений и югославский кризис // На рубеже веков / МГУ им. Ломоносова, Белградский ун-т. 1997. С. 58.

<sup>264</sup> «Yugoslavia Transformed» 18 октября 1990.

URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/1990-10-01.pdf>

<sup>265</sup> Там же.

изменение статус-кво в регионе, что на тот момент было не в интересах США.

3. Существует также третий фактор, повлиявший на формирование политики США в отношении Югославии. После выступления сенатора от Канзаса Роберта Доула с инициативой изменить закон о помощи иностранным государствам, помощь национальным меньшинствам на территории Югославии стала увеличиваться. 27 октября 1990 г. соответствующие поправки были приняты Конгрессом США<sup>266</sup>. С этого времени Соединенные Штаты начали вмешиваться во внутренние дела суверенного государства, используя средства экономического давления. По всему видно, что США считают федерализм наиболее оптимальной формой государственного управления. В любом федеративном государстве в той или иной степени существует конфликт между различными уровнями власти. Возможно, определенный круг в США рассматривал происходящее в Югославии именно как разногласия между центральным правительством и правительствами республик. Если так, то это рядовое явление в федеративном государстве, все кризисные ситуации в котором разрешаются договоренностями между самими институтами федерации. Однако события в Югославии были не простой конкуренцией между институтами власти<sup>267</sup>, их противостояние достигло такой степени, что напрямую угрожало целостности государства. Кроме того, нельзя не принимать в расчет и военный фактор, поэтому мы не можем просто расценивать это как типичное явление, происходящее в федеративных государствах.

Таким образом, после падения Берлинской стены ввиду отсутствия у США конкретной стратегии внешней политики в Восточной Европе и, в частности, на Балканах три фактора повлияли на ее формирование: 1)

---

<sup>266</sup> Мировое сообщество и интернационализация Югославского кризиса // Югославия в огне: Документы, факты. Комментарии (1990–1992). Т. 1. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. М., 1992. С. 176; Legislations on Foreign Relations through 1997. US Senate. Washington D.C. April 1998. P. 88.

<sup>267</sup> Larrabee S.F. Long Memories and Short Fuses: Change and Instability in the Balkans // International Security. 1991. 15/3. P. 70.

сохранение целостности Югославии; 2) доклад ЦРУ и 3) положительная оценка федерализма.

21 февраля 1990 г. помощник госсекретаря США по европейским и канадским делам Джеймс Доббинс огласил концепцию американской политики в отношении Югославии, заявив, что усилия США направлены на поддержку 21 февраля 1990 г. помощник госсекретаря США Дж. Доббинс заявил, что США всегда предпринимают меры по защите «демократии, диалога, прав человека, рыночных реформ и единства»<sup>268</sup>. Поэтому политика США со времен Холодной войны остается в этом отношении неизменной<sup>269</sup>. Важность, которую США придавали принципу единства, можно увидеть из визита госсекретаря США Джеймса Бейкера в Белград, состоявшегося 21 июня 1991 г.<sup>270</sup> По словам посла США Уоррена Циммерманна, Бейкер делает акцент на единстве, говоря, что США будут выступать против любых действий, таких как подготовка Словении к провозглашению независимости, потому что это помешает переговорам и диалогу<sup>271</sup>.

Именно поэтому США выбирают сотрудничество с югославским премьер-министром Анте Марковичем, а не с избранными правительствами в Словении и Хорватии. Соответственно, США оказывали поддержку профедеральным элементам, а не просепаратистским элементам в Югославии. Взгляды премьер-министра Марковича идеально вписываются во внешнюю политику США. Маркович ориентировался на опыт ЕС и считал, что проведение рыночных реформ будет способствовать укреплению федерации. Также он был готов идти на уступки и вести переговоры со Словенией и Хорватией о предоставлении республикам большей автономии в составе федерации, но не независимости. Подобные меры, как предполагалось, были призваны предотвратить гражданскую войну, поэтому США поддерживали Марковича.

---

<sup>268</sup> National Security Strategy of the US. Washington D.C.: The White House. August 1991.

<sup>269</sup> Lukic R., Lynch A. Europe from the Balkans to the Urals. P. 310.

<sup>270</sup> Fromkin D. Kosovo Crossing: American Ideals Meet Reality on the Balkan Battlefields. Touchstone Books. New York. 2002. P.152.

<sup>271</sup> Zimmermann W. Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. P. 163.

Таким образом, внешнеполитический курс США в начале 1990-х гг. был направлен на сохранение целостности Югославии<sup>272</sup>. Однако мы считаем возможным усомниться в этом утверждении. Скептицизм возникает из-за события, которое часто воспринимается как один из самых весомых аргументов в пользу приверженности США принципу единства. Речь идет о вышеупомянутом визите Бейкера в Белград 21 июня 1991 г.<sup>273</sup> Во время своего визита он заявил о необходимости сохранения единства страны, отметив, что США осуждают одностороннее провозглашение независимости. Однако это заявление было сделано тогда, когда распад страны был уже фактически предрешен. Такого же мнения придерживается и бывший посол США в Югославии Уоррен Циммерманн. По его словам, визит Дж. Бейкера, возможно, смог бы изменить ситуацию, если бы он был назначен на шесть месяцев раньше<sup>274</sup>. Поэтому именно это вызывает сомнение в искренности США в отношении подлинной поддержки принципа единства и сохранения югославской федерации.

Здесь дилемма будет заключаться в том, сделали ли США это намеренно или для этого существовали объективные обстоятельства и причины. В качестве относительно объективной причины мы можем рассматривать тот факт, что Соединенные Штаты проявили робкий подход к войне. На этой позиции также находится посол Циммерманн, который говорит: «Великая держава должна быть в состоянии справиться с более чем одним кризисом одновременно; на самом деле это сложнее, чем кажется»<sup>275</sup>. Научные данные свидетельствуют о том, что Циммерманн скептически относился к реальным возможностям США одновременно урегулировать несколько кризисов.

---

<sup>272</sup> Baker J. US Foreign Policy Priorities and FY 1991 Budget Request: Prepared Statement before the Snote Foreign Relations Committee. Washington D.C. Feb. 1 // DSD. V. 1. № 1. 1990. Sep. 3.

<sup>273</sup> Gombert D. The US and Yugoslavia Wars. New York. Counsil on Foreign Relations. 1996.

<sup>274</sup> Zimmermann W. Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. P. 165.

<sup>275</sup> Ibidem. P. 166.

Важно отметить, что США хотя и стремились к сохранению единства Югославии, но на определенных условиях: 1) должен соблюдаться принцип демократии и 2) военное невмешательство США. Следовательно, по логике США, единство не выше демократии, потому что, по словам Циммерманна, «единство и демократия были неразделимы. Если единство будет принесено в жертву на алтарь словенского или хорватского демократического самоопределения, это приведет к войне, и демократия, а также единство пострадают»<sup>276</sup>.

Что касается, военного невмешательства, то, по словам Циммерманна, США надеялись, что «<...> ни одна составная часть Югославии не будет серьезно рассматривать вопрос о разделении, так же как <...> не будет рассматриваться вопрос о применении силы для сохранения единства»<sup>277</sup>. Таким образом, для США применение силы для сохранения единства Югославии недопустимо. США понимали, что их военное вмешательство может перерасти в более крупный военный конфликт. Однако этот вариант развития событий был слишком невыгоден для США. По словам Циммерманна, «<...> прежде чем великие державы предпримут наступательные действия, они тщательно обдумают баланс сил и то, как другие государства отреагируют на их действия. Они взвешивают затраты и риск правонарушения по сравнению с вероятными выгодами. Если выгоды не перевешивают риски, они сидят тихо и ждут более благоприятного момента»<sup>278</sup>. США пошли по этому пути: они не вмешивались до тех пор, пока ожидаемая выгода не перевесила риски. Первое вмешательство НАТО, призванное показать, что только оно способно установить мир, произошло в Боснии и Герцеговине. Как видим, США были вовсе не намерены отстаивать целостность Югославии любой ценой. Этот период длится в течение двух лет: с момента падения Берлинской стены в ноябре 1989 г. до создания нового внешнеполитического курса США в октябре 1991 г.

---

<sup>276</sup> Zimmermann W. *Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers*. P. 55.

<sup>277</sup> *Ibidem*. P. 152.

<sup>278</sup> Zimmermann W. *Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers*. P. 276.

### 2.3. Американские инициативы в югославских событиях 1990-х гг. и их значение

Политика «сохранения Югославии, но не любой ценой» предполагала сохранение целостности Югославии как единого государства. Эта первоначальная политика США в отношении Югославии оказалась неэффективной с провозглашением независимости Словении и Хорватии<sup>279</sup> и возникновением на этих территориях вооруженного конфликта, который практически исключил вероятность продолжения диалога. Бывший член Президиума Югославии от Социалистической Республики Македонии Василь Тупурковский отметил: «До начала войны мы могли думать о различных вариантах, даже о том, удастся ли какая-то югославская идея. Но когда пришла война, мне стало ясно, что это конец всему»<sup>280</sup>. Подобное развитие событий заставило США изменить внешнюю политику по отношению к Югославии, в которой разгоралась гражданская война. По оценкам разных авторов, этот новый внешнеполитический курс США можно охарактеризовать как политику «поживем-увидим». Таким образом, по мнению Лукича и Линча, отходя от своего внимания на единство, США приняли выжидательный политический подход на период до принятия новых принципов политики США<sup>281</sup>.

По нашему мнению, говорить о возникновении какой-либо новой внешнеполитической концепции неверно, т.к. политика «поживем-увидим» по существу не отличалась от предшествующей, которая нами условно названа политикой «сохранения Югославии, но не всеми средствами». Такой вывод мы делаем на том основании, что политика «подождем-увидим» (так же как и прежний курс) не отличалась какой-либо дипломатической

---

<sup>279</sup> «Декларация о критериях признания новых государств в Восточной Европе и СССР» // Югославия в огне .... С. 192; «Декларация Югославии» // Югославия в огне .... С. 193.

<sup>280</sup> Bennett C. Yugoslav bloody collapse. Causes, Course and Consequences. New York. University Press. Washington Square. 1996. P. 156.

<sup>281</sup> Lukic R., Lynch A. Europe from the Balkans to the Urals. P. 310.

активностью, поэтому нет достаточных явных причин для их разделения. Также можно сказать, что оба направления американской политики придерживались нейтралитета в отношении Югославии. Известный балканист В.К. Волков, с другой стороны, утверждал, что желание США играть решающую роль в мировой политике, особенно после распада Советского Союза, связано с их поддержкой Словении и Хорватии в обретении независимости. По его словам, «сепаратистские действия Словении и Хорватии были встречены тайным или плохо замаскированным поощрением со стороны различных политических сил, включая американских республиканцев»<sup>282</sup>.

Некоторые ученые могут опровергнуть данную позицию, утверждая, что даже новая политика США во многих отношениях была довольно пассивной, поэтому нельзя утверждать, что политика «поживем - увидим» на самом деле не существовала только потому, что в ее основе лежал элемент пассивности и нейтралитета. Мы согласны с тем, что долгое время США по отношению к Югославии были весьма неактивными, т.к. рассчитывали, что Европа урегулирует кризис своими силами<sup>283</sup>. политика США в отношении югославского вопроса была довольно пассивной. Это период, в течение которого США оставили решение проблемы европейцам. В этом направлении мыслят также Лукич и Линч: «Неуверенные в будущем направлении событий <...> США продемонстрировали, что они по-прежнему готовы следовать, а не лидировать в вопросе региональной нестабильности в Юго-Восточной Европе»<sup>284</sup>. Однако очевидно, что новая политика предполагает в своей основе новую концепцию действий, однако новой стратегии действий в политике «поживем-увидим» не обнаруживается. Хотя мы принимаем тот факт, что между прежней и совершенно новой политикой США был некоторый промежуток времени, но мы не можем согласиться с

---

<sup>282</sup> Волков В.К. Трагедия Югославии. С. 19.

<sup>283</sup> Glenny M. The Balkans: Nationalism, War & the Great Powers. 1804–1999. P. 507.

<sup>284</sup> Lukic R., Lynch A. Europe from the Balkans to the Urals. P. 313.

тем, что этот промежуточный период отличается и имеет свою собственную политику, называемую «поживем-увидим».

Мы считаем началом новой политики США в отношении Югославии октябрь 1991 г. Тогда представитель госдепа Р. Джонсон официально начали проводить новую политику в октябре 1991 г., заявив, что «принципы самоопределения, уважения границ, поддержки демократии, уважения прав человека и уважения международного права теперь лягут в основу нового подхода США к Югославии»<sup>285</sup>. С этой точки зрения можно сказать, что США отошли от принципа уважения границ и приняли принцип самоопределения в своей югославской политике. Это, безусловно, новая политика США в отношении Югославии, которая говорит о том, что США более не стремятся к сохранению целостности Югославии. Однако есть основания утверждать, что США рассчитывали на продолжение существования Югославии (либо ее части) в виде свободной федерации<sup>286</sup>. По словам Циммерманна, «Америка желает полного прекращения военных действий, изменения политической системы и создания совершенно новой Югославии, которая была бы без Словении. Новая Югославия будет свободной конфедерацией из пяти республик. Не будет никаких изменений в республиканских границах, и албанцы в Косово, а также сербы в Хорватии должны получить полную автономию»<sup>287</sup>.

Касательно слов Циммерманна отметим несколько важных моментов:

- 1) позиции США выражены на уровне «желаний», что говорит о весьма сдержанном настрое по данному вопросу;
- 2) выход Словении из состава Югославии и образование «свободной федерации» при сохранении границ создание новой Югославии в форме «свободной» федерации, из состава которой выходит Словения (даже Милошевич был не против этого);

---

<sup>285</sup> Там же.

<sup>286</sup> Woodward S. Yugoslavia: Divide and Fail // The Bulletin of the Atomic Scientists. Nov. 1993. Vol. 49. № 9. P. 26.

<sup>287</sup> Lukic R., Lynch A. Europe from the Balkans to the Urals. P. 314.



3) этнические группы должны получить большую независимость, но при условии сохранения прежних границ<sup>288</sup>. Национальные меньшинства в республиках (в частности, косовские албанцы и сербы в Хорватии) должны получить большую автономию, но остаться в существующих границах.

Таким образом, это было предложение США по мирному урегулированию конфликта в Югославии. При этом США считали, что это проблема европейская и что они не обязаны ничего предпринимать. Именно такое определение позволило США не брать на себя ответственность, когда война в Югославии набирала обороты. По мнению Циммерманна, каждый раз, когда была возможность действовать, США расценивали боснийский конфликт исключительно как европейскую проблему<sup>289</sup>.

Как видим, позиция США по Югославии полностью изменилась: от курса на сохранение целостности Югославии до признания независимости Хорватии, Словении, Македонии и Боснии и Герцеговины. Признание последней может рассматриваться как попытка США предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта. Вероятно, США действительно искренне надеялись, что признание независимости Боснии и Герцеговины<sup>290</sup> сдержит агрессивную сербскую политику в отношении их претензий в Боснии и Герцеговине. Очевидно, это было не так. Война в Боснии и Герцеговине не только не была предотвращена, но и приняла более широкий размах. Признание Боснии и Герцеговины было одним из двух шагов, предпринятых США на этой ранней стадии боснийского конфликта<sup>291</sup>.

В отличие от признания Боснии, которое можно рассматривать как разумный шаг, имевший некоторое оправдание и логику для достижения

---

<sup>288</sup> European Community: Declaration on Yugoslavia and on the Guidelines on the Recognition of New States. Dec 16. 1991.

<sup>289</sup> Zimmermann W. Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. P. 238.

<sup>290</sup> Из заявления Президента США о признании бывших югославских республик // Югославия в огне .... С. 304.

<sup>291</sup> Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000 гг.). М., 2001. С. 253; Энгельгардт Г.Н. Республика Сербская по Дейтонским соглашениям // Славяноведение. М., 1997. № 3. С. 77; Kenar N. Bir Dönemin Perde Arkası Yugoslavya: Yugoslavya Sorununun Ulusal ve Uluslararası Boyutu, Ankara. Palme Yayıncılık. 2005. S. 486.

мира и сдерживания возможной агрессии, другой крупный шаг США был гораздо более спорным. США поддержали президента Боснии А. Изетбеговича в решении отказаться от предложенного в 1992 г. ЕС лиссабонского проекта мирного урегулирования конфликта в Боснии и Герцеговине. По мнению Лукича и Линча, в этом отношении Соединенные Штаты совершили, возможно, самую серьезную ошибку в западной дипломатии, связанную с судьбой Боснии и Герцеговины, поощряя боснийское руководство отклонить поддержанное Европой предложение о создании федеративного боснийского государства в пользу унитарного статуса. Согласно Лиссабонскому договору, ни одна этническая группа в Боснии не претендовала на отделение и аннексию соседних республик. Таким образом, именно этот факт – поддержка США в решении отклонить лиссабонский мирный план – свидетельствует о принципиальной роли США в югославском вопросе. Также может показаться, что США в своей балканской политике оказывали содействие мусульманам, однако после ситуации с лиссабонским договором США долгое время никаких действий в их поддержку не предпринимали, в то время как сербы в Боснии и Герцеговине одерживали в боях одну победу за другой. Таким образом, единственное, чем отличились США, это громкие обвинения в адрес сербов в развязывании войны<sup>292</sup>. В Боснии и Герцеговине они просто дали ответы, как один из госсекретарей США У. Кристофер, согласно которому «у США не было морального обязательства защищать боснийских мусульман, потому что все три стороны разделяли ответственность за ситуацию». В официальной повестке США прослеживается мысль о том, что они не одобряют отказ мусульман подписать мирный план. Представитель

---

<sup>292</sup> Baker J. Helping the New Independent States: Sanctions on Serbia-Montenegro: Secretary's Official Speech. May 24, 1992. Vol. 3. № 22. Tutwiler V. US Ambassador Recalled from Yugoslavia: State Department Spokesman's Official Statement. May 16. 1992. Vol. 3. № 20; Совет Безопасности заявил, что они стоят за этим решением, и приостановил членство Югославии в ОБСЕ. См.: Декларации ОБСЕ по Югославии // Югославия в огне. С. 243; Введение санкций в СРЮ. Резолюция 757 // Международные организации и кризис на Балканах. Т.1–2. С. 26.

госдепартамента Ральф Джонсон заявил: Официальная позиция США заключалась в том, что они не поддерживают решение боснийских мусульман отказаться от мирного урегулирования: по словам Р. Джонсона, «США не смогут остановить югославов от убийства друг друга до тех пор, пока югославы полны решимости сделать это»<sup>293</sup>.

Важно также понимать, что США, по словам Лукича и Линча, квалифицировали боснийский конфликт как региональную междуособную войну. Такой подход позволял им занимать пассивную позицию в отношении боснийской войны. То есть, если война является гражданской, она не несет рисков для международной безопасности и является исключительно внутренней проблемой определенной страны. война определяется как гражданская, то ее не следует рассматривать как угрозу существующему международному порядку в той мере, как это было бы, если бы это была межгосударственная война, и, следовательно, это не американская проблема, а в первую очередь внутренняя проблема конкретного государства.

Логичный вопрос заключается в том, почему США так и не решились действовать. У США просто не было достаточного интереса, чтобы в то время непосредственно включиться в урегулирование боснийского кризиса в одиночку. США понимали, что их односторонние активные действия вызовут протест партнеров по НАТО. Поэтому в результате они не поддержали отмену эмбарго на поставки оружия в БиГ (хотя это могло бы оказать существенное влияние на положение боснийских мусульман, которые, по сравнению с сербами, были плохо вооружены). У. Циммерманн отмечал: «Сам Конгресс был разделен. Главный вопрос состоял в том, следует ли в одностороннем порядке отменить эмбарго на поставки оружия – шаг, решительно поддержанный сенатором Б. Доулом»<sup>294</sup>.

Поскольку США не могли действовать самостоятельно, единственным выходом было использование сил НАТО. Ответ на вопрос, почему альянс

---

<sup>293</sup> Lukic R., Lynch A. Europe from the Balkans to the Urals. P. 315.

<sup>294</sup> Zimmermann W. Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. P. 254.

затягивал с решением вступить в конфликт, предлагает журналист-политолог Э. Понд: причина заключается, с одной стороны, в уважении, которое большинство государств-членов НАТО испытывали к Югославской Народной Армии, предшественники которой – партизаны – воевали с немецко-фашистскими захватчиками в годы Второй мировой войны<sup>295</sup>, с другой же – в нежелании НАТО вводить свои войска в Югославию.

Мы не можем полностью согласиться с тем, что первая названная причина была главной, т. к. уважение, историческая память не играют определяющей роли в мировых процессах. Мы придерживаемся второго довода. Нежелание НАТО вмешиваться можно объяснить также тем, что, согласно концепции организации, это прежде всего оборонный альянс и он никогда раньше не действовал за пределами территорий стран-членов. Такой шаг мог привести к непредсказуемым последствиям.

Однако в какой-то момент США решили действовать военным путем через НАТО<sup>296</sup>. Какова же была причина такого изменения американской политики? Видели ли они в таком действии свои собственные интересы? Администрация президента Буша в то время продолжала политику США, направленную на сохранение целостности Югославии, но позже от нее отказалась. Примечательно, что Буш, изначально не планировавший военного вмешательства в Словению, Хорватию и Боснию и Герцеговину, позднее допускал такую возможность в отношении Косова<sup>297</sup>. «Отступив от края пропасти в Боснии, президент Буш ближе к концу своей администрации сделал неожиданный шаг в отношении Косово. Он направил Милошевичу послание с угрозой силового возмездия, если сербский лидер попытается провести силовую игру в Косово», – говорил У. Циммерманн<sup>298</sup>.

---

<sup>295</sup> Pond E. Endgame in the Balkans regime change, European style. Washington D.C, Brookings Institution Press. 2006. P. 124.

<sup>296</sup> Relating to authorization of multinational action in Bosnia-Herzegovina under Article 42 of the United States Charter. 102nd Congress, 2nd session. S. RES. 300. August 11. 1992.

<sup>297</sup> Baum M.A. How Public Opinion Constrains the Use of Force: The Case of Operation Restore Hope // Presidential Studies Quarterly. 2004. 34/2. P. 203.

<sup>298</sup> Zimmermann W. Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. P. 55.

Сменивший Буша президент Б. Клинтон включил вопрос о значении США в югославской войне в свою предвыборную программу<sup>299</sup>, пообещав принять активное участие в решении конфликта<sup>300</sup>. По словам Лукича и Линча, в первые месяцы своего президентства Клинтон объявил о новой политике США в отношении теперь уже бывшей Югославии.

Новая внешняя политика США, называемая «доктриной Клинтона», предусматривала, что главной задачей Соединенных Штатов является установление демократии и свободной рыночной экономики, соблюдение своих региональных и глобальных обязательств<sup>301</sup>. Однако желательно было не допускать прямого американского военного вмешательства в конфликты, перекладывая ответственность на местные силы и международные организации, оказывая посильную поддержку их усилиям по этому вопросу, но при этом сохраняя баланс сил в Европе и Азии<sup>302</sup>. Согласно этой политике, США будут участвовать в региональных кризисах только вооруженными силами, созданными под эгидой ООН, а ООН будет координировать операции с НАТО. США предпочли, чтобы главную ответственность за региональную безопасность несли сами европейские страны, так как США не хотели играть роль жандарма Европы, но оставляли за собой возможность оказания посильной военной помощи, о чем было сказано выше<sup>303</sup>.

---

<sup>299</sup> Woodward S. America's Bosnia Policy: The Work Ahead // Brookings. 10 July. 1996. URL: <https://www.brookings.edu/research/americas-bosnia-policy-the-work-ahead/>

<sup>300</sup> Таким же образом президент Клинтон, проявляя в этом вопросе особую заинтересованность, сказал: «Несомненно, существует серьезная ответственность за попытку раскола бывшей Югославии. И все мы, все 12 европейских членов Европейского Союза, несем за это равную ответственность». См: Public Papers of Administration of B. Clinton. 22 Apr 1994. P. 751.

<sup>301</sup> A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. 1994. P. 2.

<sup>302</sup> Клинтон Б. Моя Жизнь. Жанр: Альпиа Бизнес Букс, 2005. С. 565; Christopher W. New Steps Toward Conflict Resolution in the Former Yugoslavia // U.S. Department of State Dispatch. Feb. 15. 1993. Vol. 4. P. 81.

<sup>303</sup> Maynes C.W. A Workable Clinton Doctrine // Foreign Policy. 1994. № 93. P. 8; Караганов С. Кто правит миром? Готова ли Россия к международным отношениям в условиях глобализации // Московские новости. 2001. № 6. С. 12.

Поэтому необходимо рассматривать участие США в боснийском кризисе в контексте глобальной и региональной политики Вашингтона<sup>304</sup>. В документе «A National Security Strategy of Engagement and Enlargement», опубликованном администрацией Клинтона в феврале 1994 г., были прописаны все цели американской политики: глобальные цели, региональные (в Европе) и местные (Босния)<sup>305</sup>. Согласно этому документу, Соединенные Штаты, целью которых является глобальное лидерство, будут вмешиваться в избирательные процессы государств (*selective engagement*) и будут не раздумывая действовать в одностороннем порядке (*unilateral initiatives*), если это необходимо для их интересов.<sup>306</sup> Также, «демократическое управление и распространение рыночной экономики», которым Соединенные Штаты уделяли большое внимание, требовали сдерживания угроз американскому народу, их интересам, основанных на вышеназванных ценностях<sup>307</sup>. Учитывая в этом контексте интересы США в Европе, для реализации замыслов США были необходимы: во-первых, создание стабильности и безопасности в Европе, базирующихся на военной силе блока НАТО, во-вторых, свободный выход американского капитала на европейские рынки, и, в-третьих, поддержка демократии и личных свобод граждан, что дало бы возможности развития стран Центральной и Восточной Европы<sup>308</sup>.

В большинстве работ по этому вопросу говорится, что США осознали, что боснийский кризис (и югославский в целом) обладает таким потенциалом, который может поставить под угрозу международный порядок из-за возможных изменений границ в регионе Юго-Восточной Европы. По словам Лукича и Линча, «национальный интерес США состоит в том, чтобы

---

<sup>304</sup> Волков В.К. «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х гг.; Цыганков П.А. Теория международных отношений. С. 268.

<sup>305</sup> Стратегия национальной безопасности США // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 11. С. 153–159; № 12. С. 116–123; 1995. № 1. С. 122–125; № 2. С. 112–126.

<sup>306</sup> Blank S.J, and others. U.S. Policy in the Balkans: A Hobson's Choice. Strategic Studies Institute. U.S. Army War College. 1995. P. 4.

<sup>307</sup> A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. 1994. P. 1–2.

<sup>308</sup> Ibid. P. 26–28.

не допустить превращения региональной нестабильности в более масштабную общеевропейскую проблему, вовлекающую видных партнеров по НАТО Грецию и Турцию в борьбу друг против друга, а также, возможно, и Албанию»<sup>309</sup>. Подобная озабоченность была вполне обоснована: Турция поддерживала боснийских мусульман, Греция – православных сербов. Если не остановить войну в Боснии, она может охватить другие области Югославии. Например, с высокой долей вероятности начало военных действий в Косово может так или иначе коснуться Албании и Македонии, а это, в свою очередь, может спровоцировать на вступление в конфликт Грецию и Болгарию. США были крайне не заинтересованы в таком развитии событий<sup>310</sup>.

Однако интересы США также могут быть направлены на что-то другое. Таким образом, при своем возможном активном и ведущем участии в успешном решении боснийского конфликта США бы подчеркнули свое превосходство над ЕС, оказавшимся бессильным в данной ситуации. США стремились продемонстрировать, что они могут справиться с любыми подобными конфликтами в условиях нового мирового порядка<sup>311</sup> и что изменение границ будет возможно только при их участии. В заявлении по Боснии 10.02.1993 г. госсекретарь У. Кристофер говорил о наличии у США «стратегических проблем», о важности вопроса о признании границ, о необходимости остановить расширение военных действий, а также о том, что Босния является примером того, как «мир будет решать проблемы этнических и религиозных меньшинств в мире после окончания Холодной войны»<sup>312</sup>.

---

<sup>309</sup> Lukic R., Lynch A. Europe from the Balkans to the Urals. P. 315.

<sup>310</sup> Колот Б. Изменение балканской политики Турции в период правления Партии Справедливости и Развития: Эффект А. Давутоглу // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 2. С. 7.

<sup>311</sup> Степанова Е. Политика США в отношении косовского конфликта // Косово: международные аспекты кризиса. М., 1999. С. 165.

<sup>312</sup> Zimmermann W. Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. P. 252.

Еще одной причиной активизации США в боснийском конфликте является наличие этого вопроса в программе президентской кампании Клинтона. США считали сербов зачинщиками конфликта и оказывали на них серьезное политическое и экономическое давление: речь шла о введении жестких санкций против Сербии, отмене эмбарго на поставки оружия в БиГ и о нанесении точечных авиаударов. Но в первые годы своего президентского срока Клинтон этого достичь не смог. Для этого было несколько причин. В первую очередь они кроются в отсутствии поддержки со стороны европейских партнеров, в основном Франции и Великобритании. После этих первоначальных неудач в конце 1993 г. Клинтон в отношении боснийского вопроса просто возвращается к политике Буша, т. е. проблема снова была определена как «европейская», и предполагалось, что европейцы должны продолжать попытки ее решить. Таким образом, при Клинтоне позиция по югославскому кризису была пересмотрена и сводилась к тому, что в регионе отсутствует какая-либо непосредственная угроза интересам США и они не могут предпринимать односторонние шаги для урегулирования кризиса. США делали много громких заявлений, но оставались в целом пассивны. По словам Циммерманна, этому виной были внутривосточные причины: «Что же отвлекло Клинтона от “агрессивного подхода”, которому он следовал на протяжении всей кампании и в первые несколько месяцев своего президентства? Клинтон просто не был в достаточно сильной позиции, чтобы преодолеть противодействие Пентагона обязательству вооруженных сил США в Боснии. Советники Клинтона, сочетание ястребов и голубей, никогда не достигали консенсуса по последовательной линии политики»<sup>313</sup>.

Взрыв на городском рынке Маркале в Сараеве в феврале 1994 г., унесший жизни нескольких десятков человек, имел серьезные последствия, получив широкое освещение в СМИ. НАТО предъявил ультиматум боснийским сербам с требованием вывести свои войска из района Сараево. После этого жизнь в городе на некоторое время вошла в мирное русло.

---

<sup>313</sup> Zimmermann W. *Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers*. P. 252.



НАТО хотел присвоить этот успех себе. Однако, по нашему мнению это событие стало заслугой в том числе и российской дипломатии. Так, У. Циммерманн писал: «Россия внесла значительный вклад и усилила веру в угрозу, предупредив своих сербских друзей, что на этот раз НАТО был серьезным».<sup>314</sup> Циммерманн также сообщил министру иностранных дел РФ А.В. Козыреву, что вопрос о военном вмешательстве снят с рассмотрения.

На первом этапе Соединенные Штаты не принимали непосредственного участия в боснийских событиях, действуя в рамках решений, принятых Советом Безопасности ООН. Одним из таких решений являлась резолюция № 713<sup>315</sup>, которая вводила эмбарго на поставки оружия всем сторонам в Югославии, чтобы предотвратить возможные межэтнические конфликты. Однако, когда югославская народная армия отступила из региона, она передала свое вооружение местным сербским военизированным формированиям, чем заложила основу для возникновения новых конфликтов в регионе<sup>316</sup>. В связи с этим в феврале 1992 г. ООН направила в регион силы безопасности ООН (UNPROFOR/СООНО) для предотвращения возможных конфликтов<sup>317</sup>.

Однако эта инициатива не принесла ожидаемого результата – конфликт продолжался. В целях защиты боснийцев от сербских нападений СБ ООН декретами № 819 и № 824 в 1993 г. создал т.н. «безопасные зоны» в городах Боснии и Герцеговины – Сребреница, Бихач, Сараево, Горажде, Жепи и Тузла<sup>318</sup>. Но несмотря на это тысячи людей погибли в результате нападений, произошедших в июле 1995 г. в Сребренице. Силы ООН не вмешались в этот конфликт<sup>319</sup>. Инцидент привел к изменению политики США в регионе.

---

<sup>314</sup> Ibidem.

<sup>315</sup> S/RES/713: 1991.

<sup>316</sup> Bowker M. The Wars in Yugoslavia: Russia and the International Community // *Europe–Asia Studies*. 1998. 50/7. P. 1249.

<sup>317</sup> S/RES/743: 1992.

<sup>318</sup> Резолюция 816 (1993) // *Документы ООН*. S/RES/816; S/RES/819: 1993.

<sup>319</sup> Glenny M. *The Balkans*. P. 516; Bowker, M. *The Wars in Yugoslavia*. P. 1251.

Ввиду бездействия сил ООН одним из первых действий администрации Клинтона в отношении Боснии явилась отправка частей американской авиации на усиление группировок ООН и НАТО и надзор за беспилотными зонами, созданными для контроля по соблюдению эмбарго<sup>320</sup>. Он также выступал против плана Вэнса-Оуэна, который предполагал создание 10 кантонов для каждой из национальностей, проживающих в Боснии, потому что, по мнению администрации Клинтона, это привело бы к усилению межэтнических конфликтов<sup>321</sup>. Вместо этого вашингтонская администрация предложила политику ООН по отмене эмбарго в отношении Боснии. В рамках права Боснии на самооборону были осуществлены действия сил ООН против позиции сербских войск<sup>322</sup>. Однако предложение США не было принято европейскими странами, и вместо этого было решено придерживаться принятого ранее решения о создании временных безопасных зон<sup>323</sup>.

В июле 1995 г. сербские силы вступили в конфликт со спецназом ООН и снова атаковали Сребреницу. США взяли на себя инициативу в деле ведения войны и активизировали атаки НАТО на позиции сербов<sup>324</sup>. В ходе операции «Обдуманная сила», начавшейся 30 августа 1995 г., войска США сумели отразить атаки сербских войск в течение двух недель<sup>325</sup>.

Европейский Союз взял на себя организацию таких площадок для переговоров, как лиссабонская конференция, лондонская конференция, предлагал также варианты решений (план Вэнса-Оуэна и мирный план Оуэна-Столтенберга), чтобы остановить конфликты сразу после начала кризиса в Югославии, но не смог прийти к какому-либо финальному

---

<sup>320</sup> Banks W.C., Straussman J.D. A New Imperial Presidency? Insights from U.S. Involvement in Bosnia // *Political Science Quarterly*. 1999. 114/2. P. 201.

<sup>321</sup> Christopher W. New Steps toward Conflict Resolution in the Former Yugoslavia State Secretary's Official Opening Statement. Feb 10. 1993. Vol. 4. № 7.

<sup>322</sup> Glenny M. *The Balkans*. P. 509.

<sup>323</sup> To Remove the United States arms embargo of the Government of Bosnia and Herzegovina 103d Congress, 2nd Session. S. Bill 2042. April 11, 1994.

<sup>324</sup> Bowker M. *The Wars in Yugoslavia*. P. 1254.

<sup>325</sup> Clinton W. US Expresses Outrage Over Marketplace Shelling: US President's Official Statement. Feb 5. 1994. Vol. 5. № 7.

решению<sup>326</sup>. Затем контактная группа, состоящая из США, Великобритании, Германии, Франции и России, выработала свой мирный план. Согласно этому плану<sup>327</sup>, территориальная целостность и независимость Боснии будут сохранены и находиться под защитой, причем 51% населения будет принадлежать боснийцам, а 49% сербам<sup>328</sup>. Однако, несмотря на все попытки переговоров, сербская сторона не приняла этот план, и конфликт возобновился.

Американский представитель в Контактной группе Ричард Холбрук получил от Клинтона задание подготовить мирное соглашение между сторонами. Во время переговоров Холбрук посетил города Сараево, Загреб и Белград и пробыл на авиабазе Дейтон в Огайо 21 день, обеспечив заключение мирного соглашения 21 ноября 1995 г.<sup>329</sup>

Естественно, что соглашение рассматривалось как «руководство» для Нового века американской политики на Балканах и в других важных географических регионах, и стратегия заняла свое место в дальнейших планах: «Полное осуществление Дейтонских соглашений является наилучшей надеждой на установление самоподдерживающегося мира в Боснии. Силы под руководством НАТО вносят свой вклад в создание безопасной обстановки в Боснии и оказывают существенную поддержку более широкому прогрессу в осуществлении Дейтонских соглашений. Однако дальнейший прогресс необходим для создания условий, которые позволят продолжить осуществление без значительного международного военного присутствия»<sup>330</sup>.

---

<sup>326</sup> Васильева Н.В., Гаврилов В.А. Балканский тупик? М., 2000. С. 376,

<sup>327</sup> Holbrook R. U.S. Department of State Dispatch. 20 March 1995. 6/12. P. 215.

<sup>328</sup> Anderson S. EU, NATO and CSCE Responses to the Yugoslav Crisis: Testing Europe's New Security Architecture // European Security. Vol. 4. Issue 2. 1995. P. 333.

<sup>329</sup> Дейтонское соглашение // Международные организации и кризис на Балканах. Т. 3. С. 205; до этого соглашения США и ЕС 10 марта 1992 г. опубликовали совместную декларацию и обсудили проблемы в регионе. См: «Декларация США–ЕС признании югославских республик» // Югославия в огне: документы, факты, комментарии (1990–1992). Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., Экспертинформ. 1992. С. 296.

<sup>330</sup> A National Security Strategy for a New Century. The White House. 1999. P. 30.

Однако достигнутые договоренности так и не привели к ожидаемому результату – война продолжалась. Как замечает Циммерманн, внутривосточные разногласия были преодолены в 1996 г. по двум причинам: 1) впереди очередные президентские выборы, но поставленные задачи так и не были решены, 2) поскольку ЕС также не смог изменить ситуацию, США как единственной мировой державе ничего не оставалось, кроме как взять на себя ведущую роль в решении конфликта.

Таким образом, европейский характер боснийской войны не мог больше быть оправданием в ситуации, в которой США будут обвинены средствами массовой информации и общественностью в бездействии.

Два события лета 1995 г. открыли путь для непосредственного применения американской военной силы. Первое событие – это операция «Буря», предпринятая Хорватией против Сербской Краины, результатом которой стало большое количество жертв и изменение баланса сил в Западной Боснии. Другое событие – второй взрыв на рынке Маркале в августе 1995 г. в Сараево, жертвами которого стали 38 человек. После этого НАТО принял решение нанести удары по позициям боснийских сербов, операция продолжалась с 30 августа по 14 сентября.

#### **2.4. «Последний удар Победоносца». Политика США в косовском кризисе**

Косово, получившее статус автономной провинции в составе Сербии в соответствии с Конституцией 1974 г., ничем не отличалось от республик, состоящих в Югославии. Идеологический вакуум, возникший с падением коммунизма, привел к эффективному расцвету национализма на Балканах, особенно в Югославии. Слободан Милошевич заложил основы своего политического подъема на сербском национализме и Косовском вопросе. В

1989 г. Милошевич внес поправки в конституцию, отменил автономию, представленную Косово, и начал политику этнических чисток в Косово<sup>331</sup>.

В июле 1990 г. был распущен парламент Косово. Возникшие в результате этого беспорядки были жестоко подавлены сербами. Косово решило отделиться от Сербии в сентябре 1990 г. Независимость была провозглашена в результате тайного референдума, проведенного в сентябре 1991 г., и в мае 1992 г. Ибрагим Ругова был избран главой государства<sup>332</sup>.

Во время Боснийской войны косовский вопрос был почти забыт, но в Дейтонском соглашении, подписанном после войны, не было упоминания о Косово, несмотря на то что это соглашение рассматривалось как возможность для косовских албанцев. Милошевич, убедивший боснийских сербов согласиться на Дейтонское соглашение, благодаря которому он одновременно сохранил свою власть и предотвратил отделение Косово от территории сербов, рассматривался западными странами как фигура, способная обеспечить стабильность на Балканах. После Дейтонского соглашения, среди значительной части косовских албанцев сформировался консенсус в отношении того, что внимание международного сообщества может быть привлечено только усилением насилия в стране<sup>333</sup>.

По крайней мере, после Дейтонского соглашения, военная активность на Балканах была заменена дипломатическими отношениями<sup>334</sup>. Однако враждебность между народами региона продолжала расти. Кроме того,

---

<sup>331</sup> Гуськова Е.Ю. Албанское национальное движение и идея объединения албанских земель / Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т.1. (1878–1997 гг.). М., 2006. С.14; Bora T. Milliyetçiliğin Provokasyonu. S. 106.

<sup>332</sup> Резолюция Скупщины Республики Косова (22 сентября 1991 г.) пер. И.В. Ануфриевой / Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 1. (1878–1997 гг.). М., 2006. С. 214–215.

<sup>333</sup> Доклад подкомиссии в соответствии с резолюцией. Положение в области прав человека в Косове / Документы ООН. E/CN.4/Sub.2/1996/L.4. 14 августа 1996 г.; Malcolm Noel. Kosovo: A Short History. London, New York. University Press. 1998. P. 353; Emiroğlu Hüseyin. Soğuk Savaş Sonrası Kosova Sorunu. Orient Yayınları. Ankara. 2006. S. 108.

<sup>334</sup> Daalder I.H. Froman M.B. Dayton's Incomplete Peace. P. 107.

некоторые нации, особенно хорваты, были очень обеспокоены расширением США сферы своего влияния в регионе<sup>335</sup>.

Проблемы, возникшие в Югославии с 1991 г., формировались вокруг Боснии и Герцеговины и сербского меньшинства, но продолжала нарастать другая проблема, не выходящая до некоторых пор из тени, – Косово. В 1996 г., когда военные и дипломатические нападения на правительство Югославии еще более усилились со стороны народов, которые хотели своей независимости, косовские албанцы также активизировались<sup>336</sup>. Кроме того, как сказала Олбрайт, поскольку Дейтонское соглашение не распространялось на Косово, оно ничего не изменило в этом регионе. Напротив, это вызвало скептицизм албанцев по отношению к Югославскому правительству<sup>337</sup>.

В 1997 г. Армия освобождения Косово (ОАК) начала прибегать к насилию против сербов. Сербская армия и военизированные формирования отреагировали, конфликт ускорился и был нацелен на мирных жителей<sup>338</sup>. Однако ОАК не добились значительного успеха против обученных и хорошо оснащенных сербских войск<sup>339</sup>. На действия ОАК, которые изначально считались западными странами террористической организацией, Милошевич отреагировал применением непропорционального насилия против гражданского населения, и операции, которые достигли масштабов массовых убийств, как и в случае в Дреницей, позволили ОАК обрести политическую легитимность<sup>340</sup>. Американские дипломаты Ричард Холбрук и Роберт Гелбард провели переговоры с представителями ОАК в июне 1998 г. Эти переговоры были восприняты как свидетельство изменения подхода США к

---

<sup>335</sup> Олбрайт М. Госпожа Госсекретарь. С. 597.

<sup>336</sup> Джуретич В. Развал Югославии. С. 518.

<sup>337</sup> Олбрайт М. Госпожа Госсекретарь. С. 552.

<sup>338</sup> World: Europe Analysis: 'The KLA's Armed Struggle' // BBC News. 21 September 1999. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/453897.stm>

<sup>339</sup> Judah T. Kosovo: War and Revenge, Yale University Press. New Haven and London. 2000. P. 169.

<sup>340</sup> Power S. A Problem From Hell: America and the Age of Genocide. Basic Books. New York. 2002. P. 445.

проблеме Косово<sup>341</sup>. После резни в Дренице, в то время как США хотели вмешаться в проблему с помощью ООН, НАТО готовилась начать интервенцию, даже если она не будет санкционирована<sup>342</sup>. Президент США Б. Клинтон отметил в своих мемуарах: «Последний раунд сербской агрессии стал причиной массового исхода беженцев из Косово и усилил желание косовских албанцев добиться независимости. Эти убийства слишком напоминали первые дни конфликта в Боснии и Герцеговине <...> С тех пор напряженность в Косове все время нарастала и вспыхнула с новой силой после того, как в 1995 г. Босния и Герцеговина добилась независимости. Я был решительно настроен не позволить Косово превратиться в новую Боснию и Герцеговину».<sup>343</sup> Кроме того, перед лицом достижения ОАК такого уровня власти, югославскому правительству не оставалось другого решения, кроме как идти путем конфронтации. По мнению сербского историка Д. Вукомановича, ОАК не вел городскую партизанскую войну, как те же Ирландская республиканская армия (ИРА) но придерживалась латиноамериканской модели партизанщины, используя в качестве базы этнически албанские деревни. В результате неизбежно погибали мирные жители во время операции сербских войск<sup>344</sup>.

Теперь Милошевича считали причиной проблем на Балканах, и для обеспечения безопасности и стабильности в регионе отстранение Милошевича от власти было главной целью США и ее союзников. Идея интервенции в гуманитарных целях была обоснована тем, что могут

---

<sup>341</sup> Вукоманович Д. Косовский кризис. С. 179; Henriksen D. NATO's Gamble: Combining Diplomacy and Airpower in The Kosovo Crisis: 1998–1999. Naval Institute Press. Annapolis. 2007. P. 141–142.

<sup>342</sup> Shwegman C. The Contact Group and Its Impact on the European Institutional Structure. The Institute for Security Studies Western European Union. Occasional Papers: 16. Paris. 2000. P. 12.

<sup>343</sup> Клинтон У. Моя жизнь. М., 2005. С. 952.

<sup>344</sup> Вукоманович Д. Косовский кризис. С. 180.

произошли массовые убийства гражданского населения и связанные с этим миграции или даже региональная война, охватившая Балканы<sup>345</sup>.

Поскольку Косовский кризис становился все более масштабным, возникли три разных мнения об интервенции: сторонники интервенции (США, Англия и Турция), страны, не одобряющие интервенции (Германия, Франция, Греция и Италия), и те, кто были полностью против интервенции (Россия и Китай)<sup>346</sup>. Однако видно, что подход США («первый среди равных») гораздо более эффективен. В октябре 1998 г. было отмечено, что вариант вмешательства в кризис обсуждался во время переговоров между представителем США Ричардом Холбурком и Милошевичем<sup>347</sup>. После этого разговора Милошевич согласился встретиться с представителями НАТО и ОБСЕ<sup>348</sup>.

В результате достигнутого компромисса НАТО предоставило Белграду 96 часов на то, чтобы предпринять конкретные шаги. Администрация Белграда подписала два отдельных соглашения с НАТО и ОБСЕ 15 и 16 октября соответственно. Таким образом, Милошевич согласился на прекращение огня в Косово, возвращение беженцев в свои дома, на въезд в регион миссии наблюдателей в Косове (*Kosova Verification Mission*), которая будет создана ОБСЕ, и на наблюдательный полет над регионом невооруженных самолетов НАТО<sup>349</sup>.

Однако перемирие, достигнутое в октябре 1998 г., привело к тому, что ОАК становились более сильной. В результате Милошевич возобновил операции, и перемирие было фактически прекращено. Массовое убийство в

---

<sup>345</sup> Woodward S. Humanitarian War: a New Consensus, The Politics of Humanitarian Assistance: Debates, Dilemmas, and Dissension. P. 14–16.

<http://www.odi.org.uk/events/docs/3775.pdf>

<sup>346</sup> Колот Б. Балканская политика Турции и США в рамках кризисов в Боснии и Косово // Клио. № 10 (166). 2020. С. 46.

<sup>347</sup> Perlez J. Holbrooke Meets Milosevic on Pullback // The New York Times. 1998. Oct 6.

<sup>348</sup> Степанова Е. Политика США в отношении косовского конфликта. С. 176; Webber M. The Kosovo War: A Recapitulation // International Affairs. 85: 3. Blackwell Publishing Ltd/The Royal Institute of International Affairs. 2009. P. 449.

<sup>349</sup> Johnstone D. Ahmakların Seferi: Yugoslavya, NATO ve Batının Aldatmacaları. (Çev. Emre Ergüven ve Ergin Bulut). İstanbul. 2004. S. 318–320.



деревне Рачак в 15 января 1999 г. было признано совершенным армией или ополченцами. Вновь были выдвинуты обвинения в этнической чистке и геноциде против албанцев. Контактная группа предложила организовать конференцию с целью решения политических проблем. 6–23 февраля и 5–18 марта 1999 г. на конференции, проходившей в замке Рамбуйе близ Парижа, для утверждения о том, что «были использованы все дипломатические средства, но никаких результатов не было получено», администрация Клинтона представила документы, решительно направленные на то, чтобы заставить Сербию отступить<sup>350</sup>.

Бывший госсекретарь США Генри Киссинджер назвал документ Рамбуйе «подстрекательством и предлогом для начала бомбардировок»<sup>351</sup>. Этот документ стал решающим этапом на пути к операции НАТО, стороны были приглашены на конференцию, в то же время НАТО был отдан приказ подготовиться к воздушной операции<sup>352</sup>.

Краткое изложение предлагаемого соглашения для подписания сторонами на конференции в Рамбуйе: 1) вывод югославских сил из Косово; 2) автономия Косово и ее повторное широкое определение; 3) отсутствие в Косово тяжелого вооружения армии; 4) развертывание миротворческих сил СДК (Сил для Косово / на англ.: *KFOR*) в регион с миссией; 5) 3-летний переходный период после проведения референдума. Текст соглашения значительно ограничивал суверенитет сербов и, как и ожидалось, был ими отклонен.

После неудачного завершения конференции в Рамбуйе, 23 марта 1999 г. в Сербском парламенте было принято решение о предоставлении автономии Косово, однако это решение было расценено как шаг по

---

<sup>350</sup> Документы ООН. S/RES/1160 (1998); Bandow Doug. US Policy toward Kosovo: Sowing the Wind in the Balkans, Reaping the Whirlwind in the Caucasus // Mediterranean Quarterly. 2009. P. 16.

<sup>351</sup> Booth K. Kosovo Tragedy: The Human Rights Dimensions, Routledge. New York. 2001. P. 227–228.

<sup>352</sup> Steps NATO Must Take For Airstrike Approval // CCN. October 8. 1998. <http://edition.cnn.com/WORLD/europe/9810/08/kosovo.nato.steps/>

предотвращению возможного военного вмешательства и не было принято во внимание мировым сообществом. На следующий день после принятия решения началась воздушная операция под руководством США и через 78 дней процесс завершился тем, что югославская армия покинула Косово<sup>353</sup>.

При сравнении этих событий с Боснийским кризисом возникает вопрос: почему США подошли к решению проблемы Косово относительно более быстро и решительно? Видно, что в целом США разработали план действия: с одной стороны, цель состояла в том, чтобы обеспечить многосторонность и сотрудничество, с другой стороны, другой целью было доказать необходимость быть лидирующей державой. Следовательно, шаги, предпринятые для решения косовской проблемы, повысят эффективность политики США в Европе и задержат возрождение России, которая по-прежнему остается державой-соперником.

Несмотря на то что Косово и Балканы находятся в сфере влияния ЕС, Боснийский кризис вызвал критику со стороны Европы за то, что *«экономический гигант, но политический карликовый»* ЕС не обладает способностью решать политические проблемы, и было показано, что Косовский кризис не может быть разрешен без интервенции США<sup>354</sup>. Хотя по географическому признаку Косово является небольшим регионом, но имеет важное стратегическое значение для США. Потому что США, которые вмешались в регион во время Боснийской войны, смогут обеспечить выгодное для себя долгосрочное урегулирование в регионе и в связи с Косовским кризисом. Кроме того, албанцы смогли бы вступить в долгосрочные отношения с США ради стремления к идеалу «Великой Албании», поскольку остальные балканские государства большинство из

---

<sup>353</sup> Письмо временного поверенного в делах, постоянного представителя в Югославии при Организации Объединенных Наций от 17 марта 1999 г. на имя Председателя Совета Безопасности / Документы ООН S/1999/292. P.2; García-Orrico D. "Kosovo", Blanca Antonini (Ed.), Design, Implementation and Accountabilities The Cases of Afghanistan, Côte d'Ivoire, Kosovo and Sierra Leone // Security Council Resolutions Under Chapter VII. FRIDE. Madrid. 2009. P. 123.

<sup>354</sup> Kut Ş. Balkanlarda Kimlik ve Egemenlik. Bilgi Üniversitesi Yay. İstanbul. 2005. S. 186.

которых находились под влиянием ЕС и России, стремились помешать албанцам, проживающим в Албании, Сербии и Македонии.

Одним из наиболее важных преимуществ, которые США получили бы от интервенции в Косово, было создание прецедента для будущих гуманитарных интервенций<sup>355</sup>. Такое вмешательство также внесло бы значительный вклад в улучшение имиджа США в исламских странах. Другой важный вклад, который США получают в соответствии со своей стратегией превосходящей страны, заключается в том, что дискуссии о существовании и необходимости НАТО значительно ослабли из-за неспособности проявлять инициативу в отношении общей политики безопасности ЕС в связи с Косовским кризисом.

Военное вмешательство в Косово подвергалось критике за то, что оно не подпадает под 5 и 6 статьи договора НАТО. Очевидно, что не было нападения на страну-член НАТО. Также Косово не находится в зоне действия НАТО. Однако в 50-летнюю годовщину основания организации с новой стратегической концепцией, принятой на саммите в Вашингтоне, такие события, как нарушения прав человека в Евroatлантическом регионе, этнические, религиозные, региональные конфликты и терроризм были охарактеризованы как угрозы. Было принято решение о вмешательстве организации в подобные события<sup>356</sup>. С новой стратегической концепцией область миссии НАТО была значительно расширена, и понятно, что она направлена на обеспечение легитимности такого рода вмешательства. И также оценивается, что это внесенное изменение фактически соответствует высшей государственной политике США.

10 июля 1999 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1244, уполномочивающую ООН создать временную администрацию в Косове и создающую общие рамки для реализации окончательного статуса Косово.

---

<sup>355</sup> Çiftçi K. Soğuk Savaş Sonrasında ABD: 'Rıza'ya Dayalı 'Hegemonya'dan 'İmparatorluk' Düzenine // ZKÜ Sosyal Bilimler Dergisi. Vol. 5. № 10. 2009. S. 209.

<sup>356</sup> Solana J. The Washington Summit: NATO Steps Boldly into the 21st Century // NATO Review. Webedition. №. 1. Spring 1999. Vol. 47. P. 4. <http://www.nato.int/docu/review/1999/9901-01.htm>

Были созданы четыре основных органа, по которым гражданское управление будет осуществляться Миссией ООН в Косове (*United Nations Interim Administration Mission in Kosovo - UNMIK*), структурирование институтов – ОБСЕ, по делам возвращении беженцев Верховным комиссаром ООН и деятельность по реструктуризации – ЕС. Однако в соответствии с резолюцией № 1244, НАТО (СДК) обосновались в Косово, и российские войска, которые высадились в аэропорту Приштины до НАТО, также присоединились к СДК. Это решение показало, что, хотя Косово по закону являлось частью Югославии, фактически управлялось как независимое государство под международным наблюдением.

Важный вопрос, который необходимо рассмотреть: каких результатов добились США после интервенции в Косово? Первый и наиболее важный из них заключается в том, что, несмотря на критику, интервенция в Косово получила поддержку со стороны большей части мира в области прав человека, хотя она и являлась незаконной. В рамках доктрины Клинтона были укреплены лидерские позиции западных стран; с укреплением доверия к НАТО гегемония США была усилена. Возросло желание стран бывшего Восточного блока вступить в НАТО.

Во-вторых, в политическом плане США усилили свое влияние на албанцев так же, как прежде это делали с боснийцами на Балканах. С военной точки зрения военная база «Кэмп-Бондстил» (*Camp Bondsteel*), созданная в Косово, стала крупнейшей военной базой в Европе, что свидетельствует о мощи США в регионе. Кроме того, видно, что США остановились на линии, которую они могут легко использовать в возможных кризисах в Евразии и на Ближнем Востоке.

В-третьих, тот факт, что интервенция в Косово была осуществлена, несмотря на протесты двух членов Совета Безопасности – России и Китая, приобрел важное значение, поскольку она обозначила пределы возможностей этих двух стран. Кроме того, случайный обстрел китайского посольства в

Белграде управляемыми ракетами во время интервенции был оценен как «предупреждение» Китаю.

Следовательно, в свете всех этих соображений становится очевидным: США осуществляют свою стратегию интервенции в Косово в соответствии со стратегией наиболее мощного государства. Однако при этом они стремятся обеспечить как можно большую международную легитимность на основе дискурса о правах человека, а в тех случаях, когда это невозможно, они, не колеблясь, проводят политику, направленную на обеспечение своих национальных интересов, то есть демонстрируют свою силу. Кроме того, вмешательство НАТО позволило повысить эффективность Североатлантического союза и создать прецедент для его использования в возможных будущих операциях. Таким образом, путь, по-видимому, был проложен для использования НАТО вместо структуры, как ООН, где трудно единогласно принять совместную резолюцию.

## **Глава 3. Балканы 1990-х гг. во внешней политике России: возможности, декларации и практика**

### **3.1. События в Боснии и Герцеговине в российских внешнеполитических дискуссиях и практика дипломатии**

Югославский кризис является значительным не только потому, что он произошел почти одновременно с распадом Советского Союза, но и потому, что он стал первым серьезным сложным конфликтом для российской внешней политики после Холодной войны. Когда начался югославский кризис, в новых международных политических условиях Россия столкнулась с многогранным контекстом, требующим осмысления. Экономические трудности, проблемы внутренней безопасности, растущая оппозиция правительству, ухудшение международного статуса, чувство виктимизации и настоятельная необходимость реагирования на кризис на Балканах были одними из наиболее очевидных насущных проблем. В этой запутанной конъюнктуре политика России во время войны в Боснии и Герцеговине прошла через определенные фазы (иногда, не столь отличающиеся друг от друга) которые демонстрировали сотрудничество и нейтральное отношение по сравнению с позицией Запада.

Во время условно начального этапа (1990–1992 гг.) Россия в основном пыталась подчеркнуть свою позицию в Совете Безопасности ООН и встала на сторону Запада, который подчеркивал важность сохранения единой Югославии. Решение поддержать объединенную Югославию должно было дать четкий сигнал Западу о том, что Россия способна и готова двигаться в направлении либерально-демократических государств<sup>357</sup>. С другой стороны, такой подход отнюдь не был удивительным, поскольку последний лидер

---

<sup>357</sup> Nikiforov K. Russian Foreign Policy and the Balkans in the 1990s // *Balkanica*. № 38. 2007. P.231–241; Simic P. Russia and the Conflicts in Former Yugoslavia // *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 1. № 3. September 2001. P.100–101; Волков В.К. Гибнанский Л.Я. Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией // *Вопросы истории*. М., 1988. № 7. С. 21.

СССР М.С. Горбачев в течение длительного времени стремился к тому, чтобы Советский Союз был интегрирован в международное сообщество<sup>358</sup>. То, что Предраг Шимич (Белградский университет) называет «кредитом доверия»<sup>359</sup>, предоставленным западным миром, казалось, действовало на первом этапе войны в Боснии, хотя это было связано с более широким подходом к сближению России с Западом.

В этот период повестка дня российской политики диктовала решение сложных внутренних проблем всех видов. Кроме того, Москва была не в состоянии взять на себя ведущую посредническую роль, что привело к тому, что эту работу оставили в основном европейским коллегам. Разделяя одни и те же взгляды, и Вашингтон, и Москва выступали за сохранение целостности Югославии перед лицом возможного «эффекта домино», то есть распада в восточноевропейских государствах и Советском Союзе<sup>360</sup>.

Однако во внутривосточной сфере фактически наблюдались разнородные тенденции, поскольку к середине 1991 г. конфликт в Словении перерос в полномасштабную войну, а затем перекинулся на Хорватию, когда Хорватия провозгласила независимость в июне 1991 г. В то время как М.С. Горбачев и Буш-старший отправили общее послание миру с довольно универсальными и широкими заявлениями, подчеркивающими права человека и осуждающими насилие, оппозиционные фракции в Кремле поддержали сербов<sup>361</sup>.

Различия во взглядах можно было наблюдать и в сербской политике в разные периоды войны. Как и в примере с Россией, правые и левые политики в Сербии обсуждали решение проблемы с разными политическими

---

<sup>358</sup> Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 162; Bowker M. The War in Yugoslavia. P. 1245–1246.

<sup>359</sup> Simic P. Russia and the Conflicts in Former Yugoslavia. P. 100.

<sup>360</sup> Ibidem. P. 101.

<sup>361</sup> Гуськова Е.Ю., Карасев А.В. Балканская трагедия // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 293; Bowker M. The Wars in Yugoslavia. P. 1247.

ценностями<sup>362</sup>. Те, кто в центре, пытались решить проблему более мирными методами. В этой разделенной среде ожидаемой поддержкой со стороны России стало секретное соглашение о помощи на 2 миллиарда долларов, одобренное министром обороны Дмитрием Язовым. Однако российские элиты предвидели, что проблема неразрешима и что эта помощь ничего не изменит. Потому что и положение России на международной арене в новый период, и ее экономические проблемы были препятствием на пути помощи сербам. Кроме того, раскол в сербской политике ухудшил положение Югославии в этой войне. Вывод, который можно сделать из этой позиции, заключается в том, что Югославия потеряла такого важного партнера, как Россия, чью поддержку она могла бы получить в решении проблем, которые могут возникнуть в будущем<sup>363</sup>.

После этого первым правовым актом, который М.С. Горбачев предпринял с точки зрения отношения к самой войне, была поддержка резолюции ООН № 713 в сентябре 1991 г. (первой резолюции, которая касалась распада Югославии и предусматривала эмбарго на поставки оружия в страну). Еще одна попытка состояла в том, чтобы усадить лидера сербов С. Милошевича и лидера хорватов Ф. Туджмана за стол переговоров для прекращения боевых действий, но она провалилась<sup>364</sup>. По мере того, как заканчивалась Холодная война, снижалось и российское влияние. Хотя Россия была вовлечена в этот процесс настолько, насколько это было возможно, также утверждалось, что Запад пытался уменьшить роль России, в первую очередь используя политические, экономические и социальные проблемы в стране, и поэтому Россия действовала довольно пассивно<sup>365</sup>.

---

<sup>362</sup> Заявление Советского правительства (2 августа 1991 г.) // Югославский кризис и Россия. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. М., 1993. С. 60; Broun A. Russian Foreign Policy towards Central Europe and the Balkans // The Foreign Policy of the Russian Federation. Roger E. Kanet and Alexander Kozhemiakin (eds.). New York. St. Martin's Press. Inc., 1997. P. 62.

<sup>363</sup> Bowker M. The Wars in Yugoslavia. P. 1247.

<sup>364</sup> Заявление МИД СССР (26 июня 1991 г.) // Югославский кризис и Россия. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. М., 1993. С. 56.

<sup>365</sup> Guskova Y. The Role of Russia // America's Intervention in the Balkans, A Collection of Papers Presented at The Lord Byron Foundation's Third Annual Conference Devoted to U.S.



Даже если бы такие аргументы были оправданы, якобы пассивная позиция России не имела отношения только к войне на Балканах, но, по-видимому, преобладала во всех региональных и глобальных подходах России в результате ее общей слабости.

Война в Хорватии и вопрос о независимости отколовшихся республик оставались главными проблемами балканской политики. ЕС, наконец, решил признать декларации о независимости отделившихся республик в соответствии с существенно запутанным переговорным процессом, который продемонстрировал серьезные расхождения между государствами-членами ЕС<sup>366</sup>. Великие европейские государства, такие как Германия, Франция и Англия, пришли к выводу, что процесс распада Югославии стал необратимым, хотя их оппозиция придерживалась иного мнения. Когда Советский Союз распался в декабре того же года, новый лидер Борис Николаевич Ельцин действовал в согласии с политикой, принятой его западными коллегами, и признал Словению и Хорватию в феврале 1992 г.<sup>367</sup> Словесная поддержка активизировалась, когда Москва решила предоставить 1000 военнослужащих в составе Сил Организации Объединенных Наций по охране (СООНО) в Краине для наблюдения за соглашением о прекращении огня, подписанным в январе 1992 г.<sup>368</sup>

Это был исторический момент для России в том смысле, что она участвовала в миротворческой миссии ООН. Значение развертывания было тройственным: оно олицетворяло прозападную позицию России,

---

Policy in Southeast Europe Held in Chicago in March 1997. The Lord Byron Foundation for Balkan Studies. 1997. P. 45.

<sup>366</sup> Хорватия (25 июня 1991 г.) // Югославия в огне. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. М., 1992. С. 265; Из декларации о суверенитете. Словения (2 июля 1990 г.) // Югославия в огне. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. М., 1992. С. 262.

<sup>367</sup> Bowker M. The Wars in Yugoslavia. P. 1248. Боукер отмечает, что первоначальное нежелание ЕС признать декларации о независимости было связано с попыткой не унизить Советский Союз, который также находился на грани распада, а также с признанием членами ЕС необходимости сохранения организационной солидарности и управления внутри организации.

<sup>368</sup> Пресс-конференция Президента РФ Б.Н. Ельцина по завершении заседания Совета Безопасности ООН на высшем уровне (1 февраля 1992 г.) // Внешняя политика России. Сборник документов 1990–1992. М., 1996. С. 224.

подразумевало, что Россия является неизбежным партнером в европейской и балканской безопасности, и, поскольку это было соглашение ООН, оно подтвердило готовность России действовать на основе принципа международной законности<sup>369</sup>.

Хотя «прекращение огня» звучало хорошо, за ним последовала более продолжительная война в Боснии, которая началась в апреле 1992 г. Рассматривая Боснию как искусственную территорию, созданную Тито во время образования Югославии, С. Милошевич и Ф. Туджман планировали соответствующим образом разделить территорию. По мере того, как Босния под руководством А. Изетбеговича продвигалась к независимости, боснийские сербы на соответствующем референдуме выразили свое нежелание жить в государстве, возглавляемом боснийским мусульманским лидером. Вплоть до начала войны А. Изетбеговича до последнего момента цеплялся за надежду, что Запад не допустит никакой горячей войны в Европе, что последующее признание Боснии Западом сдержит любую агрессию, и в связи с этими надеждами он ожидал, что Запад окажет помощь в случае такой агрессии.

События развивались не так. Перед лицом сербской агрессии Запад предпочел назвать войну «гражданской», а не «агрессивной» войной, в которой четко определены агрессор и жертва. Европа была бессильна сначала предотвратить, а затем уже и остановить кризис в Боснии. Хуже того, ООН принятыми резолюциями не смогла предотвратить вооружение боснийских мусульман и боснийских сербов. Так, в восточной части Боснии, недалеко от Сербии, между сторонами произошли очень ожесточенные столкновения. Политическая позиция Запада на протяжении большей части войны, во-первых, давала Милошевичу больше возможностей для продвижения вперед в его планах, а во-вторых, ухудшала и без того плохое положение боснийских мусульман.

---

<sup>369</sup> Там же.

Когда в Боснии разгорелась война, Россия поддержала резолюцию Совета Безопасности ООН № 757 в мае 1992 г., не посоветовавшись с парламентом. В Постановлении предусматривалось следующее:

- 1) не допускать импорта всех товаров из Югославии или любой деятельности их граждан по содействию такому экспорту;
- 2) воспрепятствовать продаже Югославии всех товаров, за исключением гуманитарных нужд;
- 3) не предоставлять Югославии никаких коммерческих, промышленных услуг, средств или финансовых ресурсов;
- 4) аннулирование разрешений на полеты для самолетов, которые должны прибыть или покинуть Югославию, за исключением гуманитарных соображений;
- 5) запретить техническое обслуживание или проектирование воздушных судов в Югославии или эксплуатируемых ею;
- 6) сократить численность дипломатического и консульского персонала в Югославии;
- 7) ограничить участие в спортивных мероприятиях в стране;
- 8) приостановить научно-технические и культурные обмены и визиты<sup>370</sup>.

Таким образом, по мере принятия новых международных и местных резолюций (например, об исключении Югославии из ООН в сентябре 1992 г.) расхождение в российской политике в отношении Югославии будут нарастать<sup>371</sup>. Как и ожидалось, Б.Н. Ельцин и министр иностранных дел А.В. Козырев подверглись резкой критике со стороны оппозиционных групп и были обвинены в беспрекословном следовании военной политике США<sup>372</sup>.

---

<sup>370</sup> United Nations Security Council Resolution 757, URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/012/64/PDF/NR001264.pdf?OpenElement>

<sup>371</sup> Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 552.

<sup>372</sup> Гуськова Е.Ю. Андрей Козырев – очень нужная Западу фигура // Свободная мысль. № 6. М., 2021; За выступление Козырева в Совете Безопасности; См. Выступление министра иностранных дел А.В. Козырева на заседании Совета СБСЕ в Праге (30 января 1992 г.) // Внешняя политика России. Сборник документов 1990–1992. М., 1996. С. 197.

Фактически в декабре 1992 г. в Верховном Совете прозвучал призыв отложить вышеупомянутые санкции против Югославии. Также А.В. Козырев заявил, что любая резолюция ООН, предусматривающая военное вмешательство, должна распространяться не только на сербов, но и на другие воюющие стороны<sup>373</sup>. Однако эти попытки российской стороны не были обязывающими.

Вторая фаза началась примерно в конце 1992 г., когда просербская позиция стала все более и более заметной под давлением депутатов против Б.Н. Ельцина и А.В. Козырева<sup>374</sup>. Признавая эту тенденцию, Белград занимался многогранной лоббистской деятельностью в различных кругах. Теперь все приняло другой оборот: не только Москва пыталась повлиять на Белград, но и Белград пытался повлиять на Москву в своих собственных целях<sup>375</sup>. Как ожидаемый результат таких отношений, А.В. Козырев стал более восприимчив к Белграду. Б.Н. Ельцин и его политическое окружение подвергались давлению во время войны в Боснии, и критика в их адрес действительно была предвестником более всеобъемлющей критики. Можно сказать, что в прозападных фракциях даже были аргументы в пользу того, что на самом деле никто не интересовался национальными интересами Сербии, а использовал войну в качестве политического инструмента для давления на администрацию<sup>376</sup>.

---

<sup>373</sup> Yarıcı M. *Rus Dış Politikasını Oluşturan İç Etkenler*. Ankara. USAK. 2010. S. 285.

<sup>374</sup> Гуськова Е.Ю. Противостояние Думы и МИД РФ по Югославии (1994 г.) // Научно-аналитический журнал *Обозреватель – Observer*. № 2. М., 2022.

<sup>375</sup> Романенко С.А., Улунян А.А. Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла // *Pro et contra*. Осень 2001. № 4. С. 48; Брифинг 28 апреля 1992 г. (проводил С.В. Ястржембский) // *Дипломатический вестник*. М., 1992. 11. С. 35; Simic P. *Russia and the Conflicts in Former Yugoslavia*. P. 102.

<sup>376</sup> Козырев А.В. Демократическая внешняя политика и ее приоритеты // *Югославский кризис и Россия*. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. М., 1993. С. 348. Также А.В. Козырев обратился к оппозиционерам: «России надо идти не назад к политике торможения, а вперед – к тому, чтобы резолюции в Совете Безопасности ООН о мерах в отношении нарушителей мира и прав человека выдвигались не тремя державами – США, Англией и Францией – как сейчас, а четырьмя великими демократическими державами».

Первым примечательным событием стал «План Вэнса-Оуэна» (англ. *Wance–Owen plan*)<sup>377</sup>, предложенный ЕС и ООН в январе 1993 г.<sup>378</sup> План предусматривал разделение Боснии на кантоны по этническому признаку. Президент США Билл Клинтон отказался утвердить план, который также был одобрен Москвой, из-за возможных конфликтов на границах. Таким образом, план, не получивший поддержки США, не был реализован. Вместо этого США выступали за стратегию «поднять (санкции) и нанести удар», которая предусматривала отмену эмбарго на поставки оружия и нанесение авиаударов. По мере того, как разгорались дебаты по «Плану Вэнса-Оуэна», в западных СМИ время от времени появлялись сообщения о том, что Запад возлагает надежды на российско-сербские контакты для осуществления западных политических планов<sup>379</sup>. Но с точки зрения Москвы, Запад больше не состоял из различных центров силы; политические разногласия между США и ЕС были очевидны. Об этом заявил президент России Б.Н. Ельцин: «Российская Федерация не будет покровительствовать тем, кто противопоставляет себя мировому сообществу... В нынешних условиях особенно необходимо единство постоянных членов Совета Безопасности, ЕС, всех миролюбивых государств и международных организаций»<sup>380</sup>.

В апреле 1993 г. Москва воздержалась от голосования в Совете Безопасности ООН по вопросу о введении дополнительных торговых ограничений в отношении Белграда. Однако позже США отказались от более жестких санкций ради того, чтобы не ослаблять позиции Б.Н. Ельцина перед его соперниками на родине. Действительно, когда Б.Н. Ельцин одержал победу на референдуме в 1993 г. по поправкам к конституции, он принял

<sup>377</sup> Atiyas N.B. *Mediating Regional Conflicts and Negotiating Flexibility: Peace Efforts in Bosnia-Herzegovina* // *Annals of American Academy of Political and Social Science*. Vol. 542. *Flexibility in International Negotiation and Mediation*. November 1995. P. 193.

<sup>378</sup> Документ ООН. S/1997/126. П.104.

<sup>379</sup> Пресс-конференция специального представителя Президента РФ В.И. Чуркина (19 апреля 1993 г.) // *Дипломатический вестник*. М., 1992. 9–10. С. 24; Bowker M. *The Wars in Yugoslavia*. P. 1250; Bowker M. *Russian Policy Toward Central and Eastern Europe*. Peter Shearman (ed). *Russian Foreign Policy Since 1990*. Boulder: Westview Press. 1995. P. 87–88.

<sup>380</sup> Из заявления Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (9 марта 1993 г.) // *Югославский кризис и Россия*. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. М., 1993. С. 182.

более критический тон в отношении сербов, в первую очередь, осудив отказ сербов от «Плана Вэнса-Оуэна». Это должно было сопровождаться поддержкой Запада в прекращении войны и в то же время отказом от применения силы НАТО против сербов<sup>381</sup>. Такой подход был обусловлен не готовностью защищать сербов в случае нападения, а скорее осознанием того, что Россия не способна и не желает в военном отношении вмешиваться на стороне сербов, подразумевая, что она не хочет ухудшать свои отношения с США или ЕС из-за Боснии.

К концу 1993 г. Москва заняла более просербскую позицию, в первую очередь, из-за того, что декабрьские выборы 1993 г. вернули многих сторонников жесткой линии на ключевые посты в Министерстве обороны и Совете Безопасности<sup>382</sup>. Война разворачивалась ожесточенно, делая перспективы мира минимальными. ООН осуществила так называемую стратегию «безопасного района» с целью защиты гражданского населения от сербов в городах Сребреница, Сараево, Зепа, Горажде, Бихач и Тузла, но в итоге потерпела неудачу, поскольку последующие осады сербов и этническая чистка продолжались до конца войны.

Стратегия безопасного района, основанная на гуманитарных соображениях, вскоре превратилась в политический вопрос, которым можно злоупотреблять. Россия категорически возражала против применения силы ООН и НАТО против сербов, которые напали на безопасные районы. Наиболее ярко это проявилось во взрыве на сараевском рынке Маркале, в результате которого погибли 68 человек, после чего НАТО направило сербам ультиматум, в котором говорилось, что авиаудары начнутся, если сербы не отведут свое тяжелое вооружение в 20 км от Сараево или не передадут его

---

<sup>381</sup> Совместная пресс-конференция президентов России и США (3 января 1993 г.) // Внешняя политика России. Сборник документов 1993. Кн 1. М., 2000. С. 27; Yarıcı M. Rus Dış Politikasını Oluşturan İç Etkenler. S. 285–286; Arbatov A. Russia's Foreign Policy Alternatives // International Security. Vol. 18. № 2. Autumn 1993. P. 19.

<sup>382</sup> Там же. Помимо «смены рук» в принятии решений в России, некоторые внешние факторы также сыграли важную роль в том, что Россия заняла жесткую позицию по Боснии: США и ЕС остались на разделенных позициях, что укрепило позиции боснийских сербов и заставило Россию проводить более активную политику в отношении Боснии.

силам ООН. Кроме того, российский МИД потребовал срочной трехсторонней встречи для обсуждения текущей ситуации<sup>383</sup>.

Ответ России был двояким: Б.Н. Ельцин заявил премьер-министру Великобритании Джону Мейджору, что Россия не позволит закончить войну без своего участия, а бывший заместитель министра иностранных дел Виталий Чуркин был немедленно отправлен в Боснию, провел встречи с С. Милошевичем и бывшим президентом Республики Сербской Радованом Караджичем и каким-то образом убедил сербов отступить. Этот дипломатический шаг был дополнен также военным: Москва развернула два российских батальона, несущих службу в СООНО, между противоборствующими сторонами для наблюдения за отступлением<sup>384</sup>. Независимо от того, символичным был этот военный шаг или нет, дипломатический шаг уже показал, что частично просербская тенденция Москвы усиливается. Принимая во внимание то, как это приветствовалось российской политической элитой, общественностью и средствами массовой информации, это было воспринято как значительный успех и действительно стало первым ключом к будущему одностороннему подходу Москвы в поддержке сербов.

Тем не менее, этот напористый тон не продлился долго, как показали нападения сербов в Горажде в апреле 1994 г., вызвавшие бомбардировки НАТО. Ответ России был вполне определенным: А.В. Козырев заявил, что принятие таких решений без России было большой ошибкой и риском<sup>385</sup>, Б.Н. Ельцин был не менее резок, утверждая, что воздушные удары НАТО

---

<sup>383</sup> Пресс-конференция В.И. Чуркина (17 мая 1993 г.) // Дипломатический вестник. М., 1993. 11. С. 18.

<sup>384</sup> Пресс-конференция специального представителя Президента РФ В.И. Чуркина (19 апреля 1993 г.) // Дипломатический вестник. М., 1992. С.24; Broun A. Russian Foreign Policy towards Central Europe and the Balkans. P. 62.

<sup>385</sup> Совместная пресс-конференция министра иностр. дел А.В. Козырева и государственного секретаря США У. Кристофера (22 октября 1993 г.) // Внешняя политика России. Сборник документов 1993. М., 2000. Кн. 2. С. 421; Broun A. Russian Foreign Policy towards Central Europe and the Balkans. P. 62.

могут означать вечную войну в регионе<sup>386</sup>. Москва также решила отложить участие России в инициативах НАТО по программе «Партнерство во имя мира (*Partnership for Peace Program (PfP)*)»<sup>387</sup>. Теперь Россия чувствовала себя униженной двумя фактами: несмотря на ее посреднические усилия она не имеет большого влияния на сербов, которые продолжали обстреливать Горажде, и она ничего не могла сделать, чтобы предотвратить воздушные удары НАТО, решение о которых было принято без каких-либо переговоров с Москвой<sup>388</sup>.

Как раз в тот момент, когда российская дипломатия, можно сказать, достигла дна, она вновь вернулась в Международную контактную группу. Согласно плану, Мусульманско-хорватской федерации и сербам будет предложено 51/49 процента территории в Боснии и Герцеговине. План был представлен сторонам по принципу «либо так, либо никак (*a take-it-or-leave-it*)», без каких-либо консультаций или уведомлений<sup>389</sup>. Мирный план Контактной группы был отвергнут Р. Караджичем, но поддержан С. Милошевичем, что, возможно, было значимым событием с точки зрения демонстрации раскола между Белградом и боснийскими сербами, который привел к разрыву экономических связей между ними в августе 1994 г.<sup>390</sup> Точно так же Москва заморозила отношения с боснийскими сербами и объявила, что единственным партнером по диалогу России теперь является С. Милошевич. Между тем Россия провела различие между боснийскими сербами и администрацией С. Милошевича в Белграде. Сомнительно,

---

<sup>386</sup> Совместная российско-польская декларация (25 августа 2001 г.) // Внешняя политика России. Сборник документов 1993. М., 2000. Кн. 2. С. 169; Bowker M. *The Wars in Yugoslavia*. P. 1252.

<sup>387</sup> Гуськова Е.Ю. Балканский кризис и безопасность России // Российское аналитическое обозрение. 1996. № 3. С. 24; Yarıcı M. *Rus Dış Politikasını Oluşturan İç Etkenler*. P. 289.

<sup>388</sup> Bowker M. *Russian Policy Toward Central and Eastern Europe*. P. 88.

<sup>389</sup> Гуськова Е.Ю. Урегулирование на Балканах (мирные планы 1991–1995). М., 1998. С. 36.

<sup>390</sup> Письмо от 16 мая 1993 г. на имя Председателя Совета Безопасности // Межорганизации и кризис на Балканах: документы. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. М., 2000. Т. 2. С. 315; Schwegmann C. *The Contact Group and Its Impact on the European Institutional Structure* (Paris: Institut d'Etudes de Sécurité-Union de l'Europe Occidentale. 2000), <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/occ016.pdf> P. 5.



существовало ли подобное восприятие со стороны ЕС и США, поскольку последующие авиаудары НАТО в Сараево в августе 1994 г. не сигнализировали об изменении позиции НАТО в отношении сербской агрессии.<sup>391</sup>

К тому времени прошло почти три месяца с тех пор, как военные ООН были взяты в заложники сербами. Основной орган, которому было поручено обеспечивать миротворческую деятельность для гражданского населения, не смог даже защитить себя и привел, возможно, к худшему эпизоду войны в Сребренице в начале июля 1995 г. Это вызвало переговоры в Лондоне в июле 1995 г. о будущих перспективах развертывания войск ООН в Боснии. Полный вывод войск был невозможен, поэтому было решено передислоцировать войска в разные районы<sup>392</sup>. Россия не возражала, США были готовы действовать более односторонне.

Этническая чистка в Сребренице стала второй по величине резней после Второй мировой войны, когда около 8300 мужчин призывного возраста вместе с женщинами и детьми были убиты сербами под руководством боснийского сербского генерала Ратко Младича. После этого НАТО, наконец, приступило к полномасштабным воздушным бомбардировкам в августе и сентябре 1995 г.<sup>393</sup> С точки зрения России, бомбардировки НАТО были геноцидом<sup>394</sup> и вызвали резкую реакцию со стороны Б.Н. Ельцина, который заявил, что если такие военные действия продолжатся, то «дело дойдет до чего-то более горячего»<sup>395</sup>. Жесткая критика Москвы не принесла желаемого результата; напротив, НАТО под руководством США

---

<sup>391</sup> Bowker M. *The Wars in Yugoslavia*. P. 1253.

<sup>392</sup> *Ibidem*. P. 1254.

<sup>393</sup> Резолюция 943 (23 сентября 1994 г.) // Меж-организации и кризис на Балканах: документы. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. М., 2000. Т.1. С. 471; Никифоров К.В. Боснийский кризис и позиция России. С. 118.

<sup>394</sup> Заявление представителя МИД РФ (12 ноября 1994 г.) // Дипломатический вестник. М., 1994. № 17. С. 47; ИТАР-ТАСС. Информационная лента. М., 1994. 21 ноября. Кроме того, этот вопрос обсуждался и опротестовывался в Думе. См: Постановление ГД (1 декабря 1994 г.) // Ведомости Федерального Собрания РФ. М., 1994. № 15. С. 947.

<sup>395</sup> *Rossiiskie Vesti*. 9 September 1995; Broun A. *Russian Foreign Policy towards Central Europe and the Balkans*. P. 62.

продвигалось вперед, дополнив военные действия дипломатией, что в итоге привело к подписанию соглашения в Дейтоне в ноябре 1995 г.<sup>396</sup>

Дейтонское мирное соглашение учредило новую Боснию и Герцеговину, признав ее суверенитет, разделив ее на два политических образования – Боснийско-Хорватскую Федерацию и Республику Сербскую, а также район Брчко, объявив Сараево столицей Боснийско-Хорватской Федерации и назначив IFOR (*Implementation Force*), занимающиеся миростроительством/сохранением присутствия НАТО. Несмотря на разногласия, наблюдавшиеся до сих пор, Россия была готова участвовать в осуществлении мирного соглашения, заключив сделку и согласившись участвовать в IFOR, хотя она подчеркнула, что ее войска действовали под командованием IFOR, а не под командованием НАТО<sup>397</sup>.

Хотя российские политические действия в основном носили нестабильный характер на протяжении всей войны, Россия демонстрировала сотрудничество во время переговоров по Дейтонским соглашениям. Почему и как это стало возможным, зависело от нескольких факторов. Во-первых, хотя она критиковала односторонние действия США и удары НАТО, она понимала, что США полны решимости действовать, в то время как влияние России на Балканах уменьшилось. Более конкретно, Москва видела, что операции НАТО достигли поставленных целей – вытеснить боснийских сербов на выделенную территорию и заставить их вывести свое тяжелое вооружение из Сараево и его окрестностей<sup>398</sup>. Таким образом, действительность положений Дейтонского соглашения приобрела форму, прямо пропорциональную силе, которую могло использовать НАТО.<sup>399</sup> Эта

---

<sup>396</sup> Заседания Генеральной Ассамблеи по случаю 50-й годовщины ООН (22 октября 1995 г.) // Внешняя политика России. Сборник документов 1995. М., 2000. С. 415.

<sup>397</sup> Bowker M. The Wars in Yugoslavia. P. 1255; Broun A. Russian Foreign Policy towards Central Europe and the Balkans. P. 63.

<sup>398</sup> Thorun C. Explaining Change in Russian Foreign Policy – The Role of Ideas in Post-Soviet Russian's Conduct towards the West. New York. Palgrave Macmillan. 2009. P. 105.

<sup>399</sup> Абрамов А.В. Подходы к урегулированию этнополитических и этноконфессиональных конфликтов на постъюгославском пространстве: дисс. ... к.п. н. 23.00.02 / Абрамов А.В. М., 2006. С. 138.

ситуация, конечно, также готовила условия для того, чтобы НАТО обосновалось в регионе в военном отношении и установило подход к управлению в рамках своих собственных критериев.<sup>400</sup> Также, как отметил К.В. Никифоров, Запад пытался использовать российские войска как средство давления на сербов<sup>401</sup>. Во-вторых, Москва пришла к выводу, что ее влияние уже ослабело. Особым эпизодом в этом отношении стало приглашение Б.Н. Ельциным С. Милошевича и Ф. Туджмана в Москву в августе 1995 г. для обсуждения хода войны и возможных решений<sup>402</sup>. Присутствовал только С. Милошевич, потому что Ф. Туджман отклонил приглашение (хотя сначала согласился). В-третьих, она надеялась создать образ сотрудничества с расчетом на то, что сможет заявить, что Дейтонские соглашения является также продуктом и российского дипломатического и политического успеха<sup>403</sup>. Без сомнения, ни США, ни ЕС не согласились бы с таким заявлением. Несмотря на то что роль, которую сыграла Россия, была важной, она не была решающей<sup>404</sup>. В этом контексте военное участие России на протяжении всего конфликта должно быть подробно рассмотрено, поскольку Россия придает ему большое значение.

Российская позиция по вопросу международного/гуманитарного вмешательства после окончания Холодной войны проявилась в ходе голосования в Совете Безопасности ООН по ряду кризисов в Сомали, Руанде, Боснии и Косово. Что касается войны в Боснии, то Россия стала соавтором резолюции Совета Безопасности ООН № 770 от 13 августа 1992 г., которая обеспечила законную основу для предполагаемого международного вмешательства в Боснию почти через четыре месяца после начала войны. Одним из наиболее важных его условий было принятие государствами

---

<sup>400</sup> Волков В.К. Дейтонское соглашение в действии: надежды и сомнения // Обозреватель. 1997. № 5–6. С. 44.

<sup>401</sup> Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербкой. С. 163.

<sup>402</sup> Брифинг 8 августа 1995 г. (проводил М.В. Демушин) // Дипломатический вестник. М., 1995. № 8. С. 58.

<sup>403</sup> Thorun C. Explaining Change in Russian Foreign Policy. P. 106.

<sup>404</sup> Dizdarevic F. La Bosnie-Herzégovine: Situation e Perspectives // Politique Etrangère. № 1. 1994. P. 172.

необходимых мер для обеспечения доставки гуманитарной помощи в Сараево и в другие районы Боснии<sup>405</sup>.

Параллельно с таким подходом российская точка зрения также основывалась на идее, что она поддерживает не только попытки других субъектов оказать гуманитарную помощь Боснии, но и, возможно, прибегает ко всем методам для реализации таких гуманитарных целей. Главным мотивом<sup>406</sup> Москвы было доказать международному сообществу, что она разделяет позицию основных игроков, которая определяла условия для оправданного и законного вмешательства: если «1) внутренние беспорядки угрожают региональной или международной безопасности, 2) происходят массовые нарушения прав человека, 3) ключевая роль в командовании и контроле за таким вмешательством находится в руках ООН, и 4) все международные и неправительственные организации, которые обеспечивают доставку гуманитарной помощи, координируют свою деятельность с ООН и действуют в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН»<sup>407</sup>.

На таком правовом фоне Россия сначала участвовала в деятельности СООНО, а затем в IFOR (*Implementation Force*)<sup>408</sup> в Боснии с 1992 по 1995 гг. Наиболее существенной характеристикой этих миротворческих усилий с российской точки зрения было то, что Россия принимала участие в этих миротворческих проектах совместно с США, когда память о Холодной войне была еще свежа. С российской точки зрения, совместное миротворчество России и США продемонстрировало определенные факторы, которые придали ему уникальный характер:

---

<sup>405</sup> Yermolaev M. Mazing V. *Russia's Peacekeeping Policy: The Balkan Experience*. Virginia Center for Naval Studies. 1999. P. 44.

<sup>406</sup> Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. Москва, 1993. С. 116.

<sup>407</sup> Там же. С. 116.

<sup>408</sup> Voorhoeva J. *Bosnia and European Security: The Interests at Stake* // *The RUSI Journal*. Vol. 141. № 3. 1993. P. 1–4.

1) США и Россия имели уникальный и важный опыт в области борьбы с повстанцами, конфликтов низкой интенсивности и, в последнее время, миротворчества;

2) эти две страны проводят самые крупные и сложные специальные операции, воздушно-десантные/аэромобильные и другие мобильные силы;

3) будучи двумя самыми мощными военными державами в мире, эти две страны могут задействовать большую военную мощь противоборствующих сил практически на любом театре военных действий по всему миру;

4) поскольку эти две страны являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, их политический вес делает их уникально значимыми практически в любой организации и санкционировании большинства операций по поддержанию мира;

5) наконец, эти две страны не только обладают крупнейшими военными учреждениями, но и обладают наиболее важными сложными и разнообразными организациями военного анализа и планирования: военными академиями, научно-исследовательскими институтами, аналитическими центрами и, что самое главное, эти страны обладают на сегодняшний день крупнейшими разведывательными сообществами в мире<sup>409</sup>.

В этом контексте Россия впервые присоединилась к многонациональным миротворческим подразделениям СООНО<sup>410</sup> под командованием ООН в 1992 г. В самом начале один пехотный батальон, получивший название «Русбат-1», был направлен в Вуковар, Осиек в Хорватии, недалеко от сербскохорватской границы (в секторе ООН

---

<sup>409</sup> Примаков Е.М. Выступление в общей дискуссии на 52-й сессии ГА ООН (23 сентября 1997 г., Нью-Йорк) // Дипломатический вестник. М., 1997. № 10. С. 32; Raevsky A., Vorob'ev I.N. Russian Approaches to Peacekeeping Operations. United Nations Institute for Disarmament and Research. Research Paper № 28. New York and Geneva. United Nations. 1994. P. 75–76.

<sup>410</sup> Никифоров К.В. Боснийский кризис и позиция России. С. 75; UNPROFOR was established for peacekeeping when conflict broke out in Croatia, with the UN Security Council Resolution № 743. in February 1992. With US Resolution № 758, its mission area was enlarged to cover Bosnia-Herzegovina: См.: Yermolaev M., Mazing V. Russia's Peacekeeping Policy: The Balkan Experience. P. 41.

«Восток»), в числе 900 солдат. Эта пехота служила во время разъединения сербов и хорватов в январе 1994 г., после чего к ней были добавлены дополнительные 1500 военнослужащих. Через месяц часть этой пехоты была развернута в Сараево, когда война шла полным ходом. После второго усиления он был преобразован в «Русбат-2»<sup>411</sup>.

Когда фактическое состояние войны было прекращено Дейтонским миром, Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1031, учредившую новые многонациональные миротворческие силы (формирование в 60 000 человек (*IFOR*)). Это была военная операция после крупнейшего этнического конфликта в Восточной Европе, за которой последовало еще одно решение Совета Безопасности ООН, изменившее мандат многонациональных сил по поддержанию мира в Боснии 20 декабря 1996 г. Хотя основные задачи были сохранены, численность персонала и ресурсов была сокращена. *IFOR* был переименован в «*SFOR (Stabilisation Force)*», которые теперь насчитывали примерно с 34 000 военнослужащих, 1400 из которых были русскими<sup>412</sup>.

Россия видела свое участие в международных силах выгодным в ряде аспектов. Во-первых, с политической точки зрения, Россия получит поддержку дружественных субъектов, что послужит ее цели укрепления своего имиджа после окончания Холодной войны<sup>413</sup>. Во-вторых, считалось, что закупка военной техники и вооружения для поддержания мира принесет заметную пользу военно-промышленному комплексу (ВПК). В-третьих, гражданская помощь, оказанная российскими солдатами местному населению, были сочтены полезными для создания положительного имиджа России в регионе<sup>414</sup>.

С другой стороны, российское участие в регионе также может рассматриваться как средство для России утвердить свое влияние и после

---

<sup>411</sup> Никифоров К.В. Боснийский кризис и позиция России. С. 75.

<sup>412</sup> Yermolaev M., Mazing V. Russia's Peacekeeping Policy: The Balkan Experience. P. 41.

<sup>413</sup> Примаков Е.М. Постиндустриальная эпоха: вызов российским политикам // Мировая экономика и международные отношения. М., 2001. № 3. С. 45.

<sup>414</sup> Выступление Е.М. Примакова на встрече с коллективом МГИМО // Дипломатический вестник. М., 1996. № 7. С. 66.

окончания Холодной войны, что может быть приравнено к имперским устремлениям Советского Союза. Такое предположение может привести к подозрениям и утрате доверия не только со стороны региональных, но и глобальных субъектов. Не менее важно и то, что гибель солдат была постоянным риском, что было еще одним соображением. Тем не менее ожидаемые выгоды от участия перевешивали риски<sup>415</sup>.

Хотя США проявили готовность к участию России в миротворческой миссии в Боснии, этот процесс не был лишен проблем. По сообщениям, у российских войск были некоторые проблемы с американскими военнослужащими, поскольку, по мнению бывших военных, российско-американские действия в Боснии не проводились «на основе равноправного партнерства»<sup>416</sup>.

Более важным было то, что имело бы возможные последствия для внутренней безопасности России. Известно, что российские военные высказывали подозрения относительно возможности НАТО получить мандат ООН и развернуть миротворческие подразделения (как в Боснии) в возможных кризисных точках в России<sup>417</sup>. Хотя это и не выражалось открыто, главной российской заботой были беспорядки в Чечне. В этом отношении российский подход был твердо основан на том, что боснийский пример не должен автоматически применяться к России. Именно поэтому некоторые фракции в российских вооруженных силах прямо заявляли о необходимости соответствующей правовой базы, четко определяющей мандаты ООН, связанные с НАТО<sup>418</sup>. Это свидетельствовало о проблеме, в какой степени Россия видела ООН в качестве центральной в миротворческой организации в теории и на практике, в то время как сотрудничество с НАТО было в пределах. Если бы был установлен предел, то это означало бы, что «операции, проводимые с участием США и России, будут проходить лишь в

---

<sup>415</sup> Yermolaev M., Mazing V. *Russia's Peacekeeping Policy: The Balkan Experience*. P. 62.

<sup>416</sup> Ibid. P. 65.

<sup>417</sup> Примаков Е.М. *Россия в мировой политике // Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения*. М., 1998. С. 167

<sup>418</sup> Yermolaev M., Mazing V. *Russia's Peacekeeping Policy: The Balkan Experience*. P. 66.

ограниченных рамках»<sup>419</sup>. В таком «ограниченном» контексте Россия считает, что «миротворческие операции могли бы стать подходящей средой для начальных этапов развития более широкого партнерства между Россией и Соединенными Штатами»<sup>420</sup> и повысить взаимное доверие.

По большому счету, участие России в международном миротворчестве в Боснии, казалось, обозначало множество проблем: 1) Россия по-прежнему стремилась представить образ великой державы, 2) она неоднократно подчеркивала центральную роль ООН как миротворца из-за своего постоянного места в Совете Безопасности, 3) она придерживалась мнения, что российское участие было одной из главных причин успешного выполнения миссий<sup>421</sup>, и 4) Россия воспринималась сербами как давний союзник, в то же время она избегала односторонних усилий (основанных на таком восприятии «традиционного союзника»), которые заставили бы русских восприниматься боснийскими мусульманами как беспристрастные<sup>422</sup>.

Каковы бы ни были мнения относительно участия России в войне в Боснии – за или против – процесс уже начался, в результате чего Россия будет более решительно заявлять о себе в будущих конфликтах. Однако для этого потребуется некоторое время, по крайней мере до 1999 г.

Освещение в российских СМИ и общественное мнение<sup>423</sup> о событиях в Боснии и Герцеговине: большинство оценок участия России в войне в Боснии были даны на государственном уровне и отражали тенденции официального уровня принятия решений. Однако во всех случаях конфликтов общественное мнение и освещение в средствах массовой информации

---

<sup>419</sup> Raevsky A., Vorob'ev I.N. Russian Approaches to Peacekeeping Operation. P. 80.

<sup>420</sup> Примаков Е.М. Выступление на Юбилейных чтениях, посвященных 200-летию канцлера А.М. Горчакова // Международная жизнь. М., 1998. № 5. С. 7.

<sup>421</sup> Yermolaev M., Mazing V. Russia's Peacekeeping Policy: The Balkan Experience. P. 66-67.

<sup>422</sup> Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 216; Raevsky A., Vorob'ev I.N. Russian Approaches to Peacekeeping Operation. P. 81.

<sup>423</sup> Motyl A.J., Ruble R.B, Shevtsova L. Russia's Engagement with the West: Transformation and Integration in the Twenty-First Century. New York. M.E. Sharpe. 2005. P. 88.



требуют не меньшего внимания, поскольку они способствуют лучшему пониманию различных аспектов конфликтов.

В этом контексте исследование политолога Зои Клименко 2002 года весьма полезно для понимания спектра реакций российских СМИ на войну в Боснии, в котором указаны демократические, центристские и консервативные группы (последняя включает как националистические, так и коммунистические фракции)<sup>424</sup>. Демократические фракции отражали свое мнение в основном в «Известиях» и «Новом времени». Как отмечает Клименко, эта фракция критиковала сербов за то, что они делают российские дипломатические усилия неэффективными, утверждала, что Россия должна отказаться от роли «постоянного защитника сербов» и, соответственно, не должна противостоять международным и региональным акторам из-за сербов. В новостях и статьях, появившихся в вышеупомянутых печатных СМИ, в основном говорилось, что война была результатом попыток сербов захватить определенные части территории в Хорватии и Боснии, где проживало много сербов, и что признание новых республик было обязательным для решения конфликта<sup>425</sup>.

По словам Клименко, позиция второй группы, центристов, нашла отражение в «Независимой газете», «Комсомольской правде» и «Московских новостях». Аргументы в этих средствах массовой информации отражали умеренную критику российской политики в отношении бывшей СФРЮ, призывая к объективному и равноудаленному подходу ко всем, кто участвовал в войне. Главная проблема здесь, возможно, заключалась в том, что усиление давления на сербов (включая санкции) приведет к маргинализации сербов, приведет к их большему сплочению вокруг флага и больше ориентирует их на С. Милошевича. Такая политика могла бы также

---

<sup>424</sup> Klimenko Z.V. Russian Public Opinion and the Yugoslav Crisis – Parallels Between the Beginning and the End of the Twentieth Century // Russian Politics and Law. Vol. 40. № 4. July–August 2002. P. 33.

<sup>425</sup> Ibid. P. 33.

расширить возможности русских националистических партий и их электората<sup>426</sup>.

В классификации Клименко подход третьей фракции (левые и националисты), которую можно назвать «консерваторами», нашел отражение в таких изданиях, как «Правда» и «Советская Россия», а также «Литературная Россия» и «Русский вестник», которые склонялись к сербской позиции, высказывали свою критику официальной российской политики в отношении войны<sup>427</sup>. Новостные статьи и мнения в вышеупомянутых печатных СМИ выступали против санкций, введенных в отношении Югославии, в основном возлагали равную вину на хорватскую и мусульманскую стороны и заявляли о необходимости восстановления отношений с Сербией в интересах России<sup>428</sup>.

Если это широко освещалось в средствах массовой информации, то как же тогда развивалось российское общественное мнение по вопросу о войне в Боснии? Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимы данные опроса. Однако проблема в том, что в России во время войны проводилось не так много опросов, посвященных войне в Боснии, и те, которые проводились, в основном были сосредоточены только на внутренних проблемах, отношениях с ближним зарубежьем или расширении НАТО<sup>429</sup>.

Хотя было проведено всего несколько опросов, известно, что российские СМИ ежедневно предоставляли российской общественности информацию о войне, как уже говорилось выше, в то время как то же самое вряд ли можно сказать о визуальных средствах массовой информации, т. е. телевидении, которое обеспечивало меньшее освещение войны, часто поддерживая политику правительства. В таких обстоятельствах общественный интерес к Боснии оказался довольно низким, и он был

---

<sup>426</sup> Ibid. P. 33–34.

<sup>427</sup> Ibid. P. 34.

<sup>428</sup> Eribo F. Russian Newspaper Coverage of Somalia and The Former Yugoslavia // A Journal of Opinion. Vol. 22. № 1. Winter–Spring 1994. P. 30–34.

<sup>429</sup> Shiraev E., Terria D. Russian Decision-Making Regarding Bosnia: Indifferent Public and Feuding Elites. 2003 <http://www.ericshiraev.com/resources/Shiraev-Terrio.pdf> P. 6.

сформирован взглядами элиты, которые появились в средствах массовой информации<sup>430</sup>.

Что касается самих обследований, то результаты были разными. Опрос 1994 г., проведенный Центром международных социологических исследований, показал, что 77 % респондентов заявили, что они против любых авиаударов, в то время как более двух третей ответили, что в случае их проведения авиаудары будут означать нападение на Россию. Это был тот период, когда российская официальная позиция начала приобретать более просербский тон по сравнению с предыдущими фазами войны, как утверждается в соответствующих разделах. Таким образом, можно утверждать, что официальные политические линии в начале 1994 г. оказали влияние на общественное мнение о войне. Усиление просербского отношения также было связано с чувством неудовлетворенности российской общественности по отношению к администрации Б.Н. Ельцина, особенно после событий 1993 г.

Напротив, более ранний опрос, проведенный «Ромиром»<sup>431</sup> в 1992 г., показал, что 46% респондентов заявили, что российские войска должны быть направлены в ближнее зарубежье, если российская безопасность находится под угрозой, в то время как 40% заявили, что никаких военных действий предпринимать не следует, а 14% не выразили никакого мнения на этот счет<sup>432</sup>. Любая оценка результатов этого опроса должна предупредить нас о том, что война все еще находилась на начальной стадии и официальная российская политика соответствовала контурам западной политики в то время. Во-вторых, то, что средний респондент воспринимал как «ближнее зарубежье», возможно, не включало Балканы, а только территории бывшего Советского Союза и конфликты, которые вспыхнули там недавно в то же

---

<sup>430</sup> Ibid. P. 7.

<sup>431</sup> «Ромир» – крупнейший частный исследовательский холдинг, ориентированный на всестороннее изучение современного человека при помощи инновационных методов и технологий.

<sup>432</sup> Shiraev E., Terrio D. Russian Decision-Making Regarding Bosnia: Indifferent Public and Feuding Elites. С. 8.

время. Конфликты между Азербайджаном и Арменией, Абхазией и Грузией, Южной Осетией и Грузией, а также в Чечне<sup>433</sup>, возможно, должны были иметь разные коннотации в коллективном восприятии России, если сравнивать их с войной в Боснии. Очевидно, что конфликты побудили российскую общественность уделять приоритетное внимание конфликтам, вспыхивающим в непосредственной близости от них, создавая угрозу для русских, живущих там, и российских солдат. В-третьих, для 40 %, которые были против каких-либо военных действий, главной угрозой для России, возможно, была гибель российских солдат, а улучшение благосостояния было приоритетом.

Как показывают Эрик Шираев и Деоне Террио, третий опрос, проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения, выявил еще одну тенденцию в общественном мнении. Опрос проводился в середине 1995 г., то есть, когда война приближалась к концу, и в нем было много вопросов, непосредственно связанных с войной в Боснии<sup>434</sup>. Например, на вопрос, какую сторону поддерживает респондент, 28 % ответили, что не поддерживают ни одну из сторон, 21 % заявили, что сочувствуют сербам, и 1 % поддерживает мусульман и хорватов<sup>435</sup>.

По большому счету российские СМИ регулярно предоставляли информацию о войне в Боснии, и все же общественное мнение не так сильно интересовалось войной, поскольку внутренние проблемы перевешивали большинство внешнеполитических вопросов. Фракции, которые были заинтересованы в войне, были небольшой заинтересованной группой, включающей политическую элиту – «за» и «против» официальной политики России на Балканах – интеллектуалов, журналистов, высокопоставленных военных чиновников, духовенство, писателей и т. д.<sup>436</sup>

---

<sup>433</sup> Ibid.

<sup>434</sup> Baev P.K. Russian Perceptions of States Failure and Russia's Involvement with Fragile States // Canadian Foreign Policy Journal. № 2. 2006. P. 167–179.

<sup>435</sup> Shiraev E., Terria D. Russian Decision-Making Regarding Bosnia: Indifferent Public and Feuding Elites. P. 8.

<sup>436</sup> Ibid.

В ретроспективе всестороннее исследование роли общественного мнения в формировании внешней политики было проведено еще в 1950 г. Габриэлем Алмондом в попытке понять отношение американского общества к послевоенным дебатам «изоляциялизм против интернационализма»<sup>437</sup>. Г. Алмонд наблюдал разделение между небольшой «внимательной публикой» и большой «массовой публикой»: первые демонстрировали четкие и стабильные взгляды на вопросы внешней политики, в то время как взгляды последних были довольно изменчивыми, часто податливыми, а в худшем случае и вовсе равнодушными<sup>438</sup>. Можно сказать, что замечание о низком уровне российского общественного интереса соответствует аргументу Г. Алмонда в том, что касается вышеупомянутых разногласий в общественном мнении по поводу войны в Боснии.

Как объясняет Пирс Робинсон, в многочисленных работах по анализу внешней политики изучалась роль средств массовой информации в формировании внешней политики с помощью таких концепций, как индексация, определение повестки дня, прайминг и фрейминг, которые формируют способ подачи новостей<sup>439</sup>. Индексация означает следование за политической элитой и предполагает близость к ним. Формирование повестки дня предполагает процесс, при котором средства массовой информации уделяют особое внимание определенным вопросам политики и меньше освещают другие. Прайминг относится к усилиям по подготовке и ориентации общественности на определенные вопросы с верой в то, что они могут оценить права и ошибки своего руководства. Наконец, фрейминг относится к способу, который, по мнению средств массовой информации, оказывает влияние на общественное мнение по данному вопросу<sup>440</sup>. Отсюда можно сделать вывод, что демократические, центристские и консервативные

---

<sup>437</sup> Ibid. P. 13.

<sup>438</sup> Robinson P. The Role of Media and Public Opinion. Steve Smith, Amelia Hadfield and Tim Dunne (eds.). Foreign Policy, Theories, Actors and Cases. New York. Oxford University Press. 2008. P. 139.

<sup>439</sup> Ibid.

<sup>440</sup> Ibid. P. 143.

издания в России в основном были адресованы небольшим группам меньшинств. Таким образом, они могли использовать журналистику для критики политики правительства в отношении войны в рамках своих собственных представлений. Можно утверждать, что, хотя российские СМИ достаточно освещали войну, общественное внимание ограничивалось лишь небольшой группой людей. Это, в свою очередь, означает, что влияние общественного мнения на процесс формирования внешней политики России в лучшем случае было минимальным, а в худшем – отсутствовало. Останется ли политика военного времени, освещение в средствах массовой информации и общественное мнение неизменными, будет проверено на примере войны-близнеца в Косово к концу десятилетия.

### **3.2. «Особые отношения» РФ и Сербии и место косовской проблемы в балканской политике России**

Боевые действия в Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговине происходили относительно последовательно в течение нескольких лет, которые были окончательно прекращены с принятием Дейтонского соглашения в 1995 г. Позиция России по отношению к войнам в бывшей Югославии эволюционировала, пройдя несколько этапов, как было показано выше. Однако кризис в Косово, развернувшийся к 1998 г., стал еще одним вызовом для России, т.к. поставил ее перед непростым выбором: будет ли она оказывать безоговорочную поддержку сербской стороне, действовать совместно с западноевропейскими и американскими субъектами или выберет промежуточную позицию<sup>441</sup>.

Как заявил Питер Рассел, следует с самого начала упомянуть, что причина, по которой Косово было исключено из Дейтонского мира, заключалась не в том, что не было известно о кризисном потенциале в

---

<sup>441</sup> Колот Б. Турецко-российские отношения на Балканах после Холодной войны: Общий интерес или конкуренция? // Человеческий капитал. 2021. № 2 (146). С. 27.

Косово<sup>442</sup>. Международное сообщество было прекрасно осведомлено о том, что происходит в Косово, и наличие нескольких фактов сделало исключение Косово из Дейтонского мира еще более парадоксальным.

В дополнение к этому международное сообщество должно было безоговорочно одобрить тот факт, что для сербов и албанцев в Косово, строго говоря, не существовало равенства в вооружениях, поскольку в то время как первые имели полный доступ к оружию ЮНА, последние были его лишены и, более того, практиковали пассивное сопротивление. Слишком поздно международное сообщество осознало, что такой мирный подход не окупился. Эти причины проложили путь к созданию ОАК (Освободительная Армия Косова).

На фоне таких факторов, которые могут быть приняты в качестве императивных для принятия превентивных мер и включения Косово в Дейтонский мир, подписавшие и посредники соглашения решили не упоминать Косово в мирном урегулировании по следующим причинам. Во-первых, участники переговоров в Дейтоне рассматривали войну в Боснии как чрезвычайный случай, который должен быть немедленно разрешен, и это предусматривало устранение всех других тем. Кроме того, ни США, ни ЕС не поднимали косовский вопрос для включения в переговоры<sup>443</sup>, и, учитывая ожидаемый ответ С. Милошевича на этот вопрос, все участники остались в стороне, когда речь зашла о Косово.

Во-вторых, как правильно утверждает П. Рассел, участники переговоров признали, что сотрудничество С. Милошевича было необходимо для достижения прочного мирного соглашения. В соответствии с таким подходом широко распространенное мнение заключалось в том, что, если бы

---

<sup>442</sup> Russell P. The Exclusion of Kosovo from the Dayton Negotiations // *Journal of Genocide Research*. Vol. 11. № 4. December 2009. P. 486.

<sup>443</sup> Ibidem. P. 494. Передавая анекдот Холбрука, Рассел пишет, что, когда С. Милошевич и Холбрук прогуливались на базе Райт-Паттерсон, группа албанцев собралась снаружи, поддерживая дело Косово. Когда Холбрук предложил Милошевичу поговорить с членами группы, Милошевич отказался и заявил, что ими манипулируют иностранные державы и что Косово является внутренним вопросом. С. 496.

вопрос о Косово был открыт в качестве еще одной темы для обсуждения, это могло означать вероятность того, что С. Милошевич выйдет из переговорного процесса<sup>444</sup>.

В-третьих, было известно, что С. Милошевич был сосредоточен на Косово и использовал его в качестве внутривосточной темы, чтобы получить прочную базу сторонников. Это означало, что любой умеренный шаг по косовскому вопросу может сработать против него, вызвав резкую критику не только со стороны ультранационалистов, но и со стороны сербской общины<sup>445</sup>.

В-четвертых, П. Рассел утверждает, что было распространено мнение, особенно после резни в Сребренице, что С. Милошевич не сможет остаться у власти после войны и будет заменен новым лидером ввиду усиления внутренней политической оппозиции в Сербии. Посредники в Дейтоне считали, что проблема Косово будет решена новым руководством без участия Запада<sup>446</sup>.

В совокупности эти причины объясняют, почему Косово не было упомянуто в формулировке Дейтонского мира 1995 г. С этого момента косовские албанцы поняли, что начатое ими пассивное сопротивление не работает и что, вопреки ожиданиям западных лидеров, Милошевич продолжает наращивать свою власть в Косово. Второй эпизод войны в Югославии был не за горами, особенно учитывая спорадические случаи насилия, совершенные в отношении албанцев в Косово. По мере того, как внимание сербов все больше сосредоточивалось на Косово, международное внимание все больше сосредоточивалось на нем.

Действия ОАК расширились в 1997 г. в результате событий, развернувшихся в Албании, которые привели к передаче оружия и военных материалов из Албании в Косово. Возможно, к тому времени обе стороны поняли, что регион движется к очередному конфликту, в то время как

---

<sup>444</sup> Ibidem. P. 496.

<sup>445</sup> Ibidem.

<sup>446</sup> Ibidem.



международная реакция на этнический раскол сформировалась<sup>447</sup>. В отличие войны в Боснии, реакция Запада не заставила себя долго ждать. Проблема указывала на множество общих черт с войной в Боснии: тот же лидер, тот же ультранационалистический дискурс, те же проекты и методы. С. Милошевич использовал Косово в качестве плацдарма еще в конце 1980-х гг., и, очевидно, пришло время для Запада убедить С. Милошевича в том, что Косово больше не является такой платформой.

В это время Россия приняла сторону Сербии не только в устных заявлениях, но и на деле, еще до того, как конфликт перерос в полномасштабную войну. В декабре 1997 г. она подписала с Белградом соглашение о военной помощи, которое предполагало поставку истребителей, танков, вертолетов и ракет, а также резолюцию ООН о введении эмбарго на поставки оружия, которая была принята несколько месяцев спустя<sup>448</sup>.

К ноябрю 1998 г. С. Милошевич направил сербские войска в Косово, нарушив свои предыдущие обязательства. За этим последовала резня в Рачаке в середине января 1999 г., после чего переговоры в Рамбуйе о политическом решении постепенно были заменены переговорами о перспективах военного решения, учитывая уроки, извлеченные в Боснии. Совет Безопасности ООН и Контактная группа, в которую входила Россия, резко осудили массовое убийство в Рачаке. С позиции России, переговоры были последним шансом Югославии сохранить Косово как неотъемлемую часть своей территории и не допустить НАТО в Косово, а также на Балканы. Именно поэтому Россия хотела, чтобы переговоры увенчались успехом<sup>449</sup>.

Момент, который дал ясный намек на дальнейшие шаги С. Милошевича в отношении Косово, наступил, когда он отклонил мирное предложение в Рамбуйе, по которому наблюдатели ОБСЕ были призваны

---

<sup>447</sup> Волков В.К. «Новый мировой порядок» и Балканский кризис 1990-х гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2.

<sup>448</sup> Там же; Резолюция СБ ООН № 1160.

<sup>449</sup> Заявление представителя МИД РФ (2 марта 1998 г.) // Дипломатический вестник. М., 1998. № 4. С. 56.

покинуть Косово. Хотя Россия была представлена в Рамбуйе, она утверждала, что ей не разрешили ознакомиться с окончательными условиями соглашения до их представления<sup>450</sup>. Действительно, эта российская точка зрения сохранялась на протяжении всей кампании НАТО в Косово в различных контекстах с неизменной интенсивностью. Отказ С. Милошевича спровоцировал операцию «Союзные силы» 24 марта, которая продлилась до 10 июня<sup>451</sup>. Это натовское нападение напомнило кубинский и берлинский кризисы между Россией и США (и НАТО) во время Холодной войны<sup>452</sup>. Стороны приняли меры против возможности новой холодной войны. В целях стабилизации ситуации В.С. Черномырдин, М. Ахтисаари, С. Тэлботт и правительство Югославии провели встречу<sup>453</sup>. В ходе переговоров Черномырдин и Ахтисаари передали Милошевичу ультиматум НАТО и потребовали принятия решения в сербском парламенте.<sup>454</sup> Вторая часть войны в Югославии, проходившая в Косово, превратила локальный конфликт в региональный и международный.

Сроки проведения операции НАТО каким-то образом совпали с некоторыми крупными событиями, которые вызвали сомнения в России. Как отмечает Д. Аверре, во-первых, это началось примерно в то же время, когда НАТО осуществило новую волну расширения, приняв в свой состав Чехию, Польшу и Венгрию. Во-вторых, это совпало с празднованием 50-летия НАТО. В-третьих, она столкнулась с принятием новой стратегической концепции НАТО<sup>455</sup>. В сочетании с этим операция «Союзные силы» имела более широкие последствия для российской безопасности, которые не несли России ничего хорошего в нескольких контекстах.

---

<sup>450</sup> Косово: международные аспекты кризис / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой; Центр Карнеги. М., 1999. С. 230; Wedgwood R. NATO's Campaign in Yugoslavia // *American Society of International Law*. Vol. 93. № 4. October 1999. P. 831.

<sup>451</sup> Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 342.

<sup>452</sup> Arbatova N.A. European Security after the Kosovo Crises: The Role of Russia // *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 1. № 2. May 2001. P. 64–65.

<sup>453</sup> Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО 1999 ... С. 169.

<sup>454</sup> Клинтон Б. Моя жизнь ... С. 962; Резолюция СБ ООН. S/RES/1244 (1999)

<sup>455</sup> Averde D. From Pristina to Tskhinvali: The Legacy of Operation Allied Force in Russia's Relations with West // *International Affairs*. Vol. 85. № 3. 2009. P. 576.

Начальная фаза операции НАТО была основана на запуске крылатых ракет с американских кораблей в Адриатическом море и стратегических бомбардировщиков Б-52<sup>456</sup>, которые были направлены на ослабление югославской противовоздушной обороны, а затем с использованием авиации для нападения на сербские танки и места дислокации войск, которые рассматривались как угроза для косовских албанцев<sup>457</sup>. В конце марта 2000 г. НАТО расширила свою цель, включив в нее не только сербские радары, военные объекты и средства связи, но и некоторые районы в Белграде. Тем временем переговоры между НАТО и Югославией продолжались<sup>458</sup>.

С самого начала и до конца 78-дневной войны российская позиция была определена: попытка не допустить НАТО на Балканы, называя акт НАТО прямой агрессией; осуждение нападения без резолюции ООН; упор на принципы международного права и концепции легитимности, подчеркивая Устав ООН, Хельсинкские принципы 1975 г., основополагающий акт Россия-НАТО; и обвинение НАТО в убийстве сербов без разбора<sup>459</sup>. Хотя Россия горячо выступала против события, как будет показано ниже, влияние ее оппозиции оказалось ограниченным. Несмотря на то что просьбы России не остались незамеченными США и НАТО, они не вызвали значительной реакции.

Помимо дипломатических усилий, ответные военные действия России были многогранными. Россия почти сразу разорвала связи с Западом и, в частности, с НАТО, приостановив участие в Учредительном акте и в программе «Партнерство во имя мира», прекратив переговоры о создании военной миссии НАТО в Москве и даже попросив представителя НАТО в

---

<sup>456</sup> Боинг Б-52 «Стратофортресс» (англ. Boeing B-52 Stratofortress «Стратосферная крепость») — американский стратегический бомбардировщик фирмы Боинг, стоящий на вооружении ВВС США с 1955 г.

<sup>457</sup> Johnson R.J. Russian Responses to Crisis Management in the Balkans – How NATO's Past Actions May Shape Russia's Future Involvement // *Democratizatsiya: The Journal of Post-Democratization*. Vol. 9. № 2. 2002. P. 294.

<sup>458</sup> Ibidem.

<sup>459</sup> Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 350; Arbatova N.A. *European Security after the Kosovo Crises: The Role of Russia*. P. 65.

Москве покинуть Россию<sup>460</sup>. Россия заявила, что военное вмешательство против сербов без принятия оборонительных мер может иметь тяжелые гуманитарные последствия. Кроме того, Россия отозвала своего военного представителя в НАТО (российские войска, проходящие военную подготовку в различных государствах-членах НАТО, также были отозваны), но сохранила своего посла в Брюсселе<sup>461</sup>. Кроме того, Россия приостановила учебные мероприятия с Норвегией и военные меры укрепления доверия с Норвегией. С другой стороны, Россия перевела корабль Черноморского флота в Адриатическое море с целью сбора разведанных, за чем последовали попытки воздушных инспекций, а также инспекций подразделений НАТО в Македонии и Албании, но они были пресечены правительствами этих государств.

В соответствии с этой позицией Россия предприняла некоторые шаги по пересмотру ключевых основ своей политики военной безопасности, таких как: «...увеличение военных расходов, сосредоточение внимания на современных военных технологиях, подчеркивание роли ядерного оружия как противовеса обычному превосходству НАТО, изменение подхода к развертыванию ядерного оружия, пересмотр односторонних обязательств в отношении тактического ядерного оружия, а также других соглашений о контроле над вооружениями, исходя из предположения, что Россия сталкивается с серьезными военными угрозами с западного стратегического направления, содействие военному альянсу на базе СНГ и так далее»<sup>462</sup>.

В совокупности эти меры подразумевали неизбежный пересмотр Концепции национальной безопасности, за которым должна была

---

<sup>460</sup> Заявление представителя МИД РФ (29 января 1999 г.) // Дипломатический вестник. М., 1999. № 2. С. 53; Antonenko O. Russia, NATO and European Security after Kosovo // Survival. Vol. 41. № 4. Winter 1999–2000. P. 131.

<sup>461</sup> Заявление Президента РФ Б.Н. Ельцина (24 марта 1999 г.) // Дипломатический вестник. М., 1999. № 4. С. 10; Nichol J. Kosovo Conflict: Russian Responses and Implications for the United States // Frank Columbus (ed.). Russia in Transition. Vol.1. New York. Nova Science Publishers. 2003. P. 56–57.

<sup>462</sup> Заявление представителя МИД РФ (13 апреля 1999 г.) // Дипломатический вестник. М., 1999. № 5. С. 29; Baranovsky V. The Kosovo Factor in Russia's Foreign Policy // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. Vol. 35. № 2. 2000. P. 123.

последовать новая военная доктрина. В отличие от Концепции национальной безопасности 1997 г., в Концепции 2000 г. говорилось о возможности открытой агрессии против России, о том, что степень военных угроз возросла, что операции НАТО за пределами зоны без какого-либо разрешения Совета Безопасности ООН имеют дестабилизирующий потенциал и что новые военные базы НАТО могут быть созданы в непосредственной близости от России<sup>463</sup>. Новая военная доктрина, опубликованная в апреле 2000 г., была менее вызывающей несмотря на приход к власти Владимира Путина в России. Наиболее важно то, что в ней говорилось, что прямая военная конфронтация против России постепенно перешла в мирный политический контекст, отражая общую формулировку предыдущей военной доктрины и поэтому описывалась как оборонительная доктрина переходного периода<sup>464</sup>.

Ответные военные меры не исключали военных учений. Военные учения «Запад-99», которые можно было бы рассматривать как ответ на кампанию НАТО в Косово, проводились в то время, когда шла война. Особенность этих учений заключалась в том, что через 10 лет Россия вернулась к своей риторике о том, что она может использовать ядерное оружие в целях сдерживания. Согласно сценарию учений, Россия устроила ядерную атаку с использованием крылатых ракет большой дальности, поразив Западную Европу и США<sup>465</sup>. Послание было ясным: НАТО создало прецедент, и Россия может последовать его примеру.

Любой, кто участвует в процессе выработки политики в НАТО и США, возможно, мог бы в определенной степени предвидеть такие военные ответы России. Тем не менее, можно утверждать, что русский «марш в Приштину» застал всех врасплох, особенно учитывая тот факт, что Россия была

---

<sup>463</sup> Bakshi J. Russia's National Security Concepts and Military Doctrines: Continuity and Change // *Strategic Analysis*. Vol. 24. № 7. 2000. P. 1280.

<sup>464</sup> Ibidem. P. 1282; Fatic A. A Strategy Based on Doubt: Russia Courts Southeast Europe // *Contemporary Security Policy*. Vol. 31. № 3. 2010. P. 451.

<sup>465</sup> Baranovsky V. The Kosovo Factor in Russias Foreign Policy. P. 124; Felgenhauer P. Russia Still Sees West as Its Primary Enemy // *Eurasia Daily Monitor*. Vol. 4. № 110. 6 June 2007.

убежденным сторонником политического решения вопроса в Рамбуйе. Как и почему тогда Россия пошла на такой смелый и не очень четко рассчитанный шаг? Ответ на этот вопрос, очевидно, многогранен, и некоторые аспекты этого шага еще предстоит раскрыть.

Когда соглашение с С. Милошевичем было завершено и Военно-техническое соглашение было подписано СДК (Силы для Косово / англ. *Kosovo Force*) и Югославскими Вооруженными силами, начались шаги по созданию военной структуры для развертывания в Косово. Российский генерал Л.Г. Ивашов четко изложил российскую точку зрения, заявив, что Россия хотела бы иметь свой собственный сектор в Косово, но получила отрицательный ответ от американского генерала Роберта Х. Фоглесонга<sup>466</sup>. Это был критический момент, который имел последствия. Под командованием генерал-лейтенанта Виктора Заварзина российский батальон численностью около 2000 военнослужащих, располагающий 50 военными машинами, из состава SFOR, дислоцированных в Биелине (Босния), покинул Боснию 10 июня, предположительно в сотрудничестве с сербами, и вошел в Косово раньше войск НАТО<sup>467</sup>. Наиболее очевидное объяснение этого шага: Россия хотела показать, что это будет частью будущих военных договоренностей в Косово<sup>468</sup>. Была и другая интерпретация: это был шаг, спланированный военными в России, и министерство иностранных дел и сам президент изначально не располагали информацией. Стало известно, что Минобороны действовало без согласования с МИД, которое позже назвало этот шаг «ошибкой»<sup>469</sup>. Однако, согласно заявлениям генерала Л.Г. Ивашова, сделанным вскоре после захвата российскими войсками аэропорта Слатина,

---

<sup>466</sup> Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербкой. С. 192.

<sup>467</sup> Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 611; Brudenell A.M. Russia's Role in the Kosovo Conflict of 1999 // RUIS. Vol. 153. № 1. February 2008. P. 30–31.

<sup>468</sup> Smith M.A. A bumpy Road to an Unknown Destination? NATO–Russia Relations. 1991–2002. Rick Fawn (ed). *Realignments in Russian Foreign Policy*. London, Portland. Frank Cass. 2003. P. 70.

<sup>469</sup> Cross S. Russia and NATO toward the Twenty-First Century: Conflicts and Peacekeeping in Bosnia-Herzegovina and Kosovo // *The Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 15. № 2. 2002. P. 20–22.

Б.Н. Ельцин одобрил перемещение российских войск, решение было принято на брифинге министров обороны и иностранных дел<sup>470</sup>.

Вопрос о том, какой субъект имел доступ к какому объему информации о «марше в Приштину», требует более подробного разъяснения. Однако хорошо известно, что президент Финляндии Мартти Ахтисаари, Специальный посланник ООН в Косово, был убежден, что русские на самом деле хотели вторгнуться в северное Косово и установить там свой контроль, что такой шаг не мог быть осуществлен под влиянием момента, а был спланирован заранее, и что он был результатом консенсуса между сербами, российскими военными и российской разведкой<sup>471</sup>. Действительно, Збигнев Бжезинский, бывший советник по национальной безопасности президента США, также утверждал, что сербская и российская стороны пришли к соглашению, согласно которому сербы должны выйти из Косово, а русские войти в северную часть и разделить ее<sup>472</sup>.

Впоследствии офицеры НАТО были проинформированы о российском присутствии в Приштине, и был отдан приказ заблокировать пути в Приштине с целью воспрепятствовать получению российскими войсками дальнейшей помощи или материальных средств. Официальные лица НАТО не хотели дальнейшей эскалации конфликта, поэтому они действовали хладнокровно, чтобы сдержать русских<sup>473</sup>. Если этот русский марш был так быстро проведен с конечной целью создания отдельной российской зоны рядом с американской, французской, итальянской, немецкой и британской зонами, то он завершился, когда НАТО обратилось к болгарскому,

---

<sup>470</sup> Указ Президента Российской Федерации от 5 мая 2003 г. № 400. «Об отзыве континента Вооруженных Сил Российской Федерации в Боснии и Герцеговине». Кросс утверждает, что Б.Н. Ельцин, возможно, одобрил марш, чтобы добавить аспект военной победы к дипломатическим/политическим усилиям, предпринятым его посланником Черномырдиным, чтобы казаться напористым по отношению к НАТО, чтобы изменить имидж дома во время процесса импичмента (что он слишком много сотрудничал с Западом из-за Косово).

<sup>471</sup> Brudenell A.M. *Russia's Role in the Kosovo Conflict of 1999*. P. 31.

<sup>472</sup> Ibid.

<sup>473</sup> Cross S. *Russia and NATO toward the Twenty-First Century: Conflicts and Peacekeeping in Bosnia-Herzegovina and Kosovo*. P. 24.

румынскому и венгерскому правительствам с просьбой не разрешать российским самолетам доставлять материалы для российских войск, на что три правительства ответили положительно. Таким образом, конец эпизода с маршем показал, что косовский вопрос будет решен путем переговоров, а не путем применения силы<sup>474</sup>. Военные силы России включали группы добровольцев, которые, как сообщается, были призваны Либерально-демократической партией В.В. Жириновского, хотя их прибытие в Косово не было подтверждено. Тем временем сообщалось, что в Косово также была направлена группа наемников, спонсируемых Общероссийским движением «Духовное наследие». Как российские, так и югославские СМИ время от времени освещали подобные новости, в том числе ряд людей из мусульманских общин России, которые участвовали в волонтерской деятельности по оказанию помощи косовским албанцам<sup>475</sup>. Таким образом, в ответ на российские военные маневры НАТО дало России понять, что операция, начатая в Косово, сама по себе является операцией НАТО, и предполагаемые зоны СДК будут организованы на основе такой позиции. Это подразумевало, что государства, не входящие в НАТО, которые ранее участвовали в переговорном процессе, не будут размещаться в отдельных зонах. Таким образом, вновь возникло ощущение маргинализации России.

Военные действия России вызвали политическую реакцию, которую можно охарактеризовать как сдержанную, что было связано с рядом проблем. Прежде всего, жесткая позиция может лишить Россию перспективы финансово-экономического сотрудничества с Западом и его институтами, в частности с МВФ<sup>476</sup>. Не менее важными были опасения России по поводу изоляции от всего процесса, если Москва «сожжет мосты». Россия полагала, что должна поддерживать отношения с Западом, несмотря на глубокие

---

<sup>474</sup> Ibidem. P. 25.

<sup>475</sup> Nichol J. Kosovo Conflict: Russian Responses and Implication for the United States. P. 57.

<sup>476</sup> Smith M.A. A Bumpy Road to an Unknown Destination? NATO–Russia Relations, 1991–2002. P. 68.



противоречия по вопросу Косово<sup>477</sup>. Аналогичным образом, расчет затрат и выгод подразумевал, что разрыв отношений не принесет большой пользы России, поскольку она не в силах предотвратить вмешательство НАТО<sup>478</sup>.

Поскольку реакция России была ограничена таким комплексом факторов, она главным образом сделала упор на то, что Запад пытался маргинализировать и даже исключить ее. Но сделать это крайне трудно, т.к. Россия представлена почти на всех международных площадках. Россия занимала постоянное место в Совете Безопасности ООН с конца Второй мировой войны; она была включена в «Большую семерку» (позже «Большую восьмерку»), которая состоит из государств со значительным уровнем экономической эффективности и рыночной мощью; она юридически установила отношения с НАТО через Учредительный акт; российско-американские контакты времен Холодной войны сохранились; и ей оказали помощь в рамках нескольких соглашений, подписанных с западными финансовыми институтами, такими как МВФ и Всемирный банк, не говоря уже о других в Германии, Великобритании и США<sup>479</sup>.

Первоначальные и наиболее критические замечания появились, когда Россия приостановила участие в Совместном Постоянном «Совете Россия–НАТО», приняв вопиющий антинаатовский дискурс, который был основан на тех же самых линиях и на том, что Примаков отменил рейс в США для переговоров по Косово. Это было подкреплено последовательным аргументом о том, что НАТО совершила геноцид против сербов в Югославии<sup>480</sup>. В случае с Косово на Западе уже сформировалось общественное мнение. Ни для кого не стало неожиданностью, что после хорошо спланированной сербской физической и психологической кампании

---

<sup>477</sup> Ibid. P. 68.

<sup>478</sup> Ibid.

<sup>479</sup> Odom W.E. Russia's Several Seats at the Table // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). Vol. 74. № 4. October 1998. P. 815.

<sup>480</sup> Документ ООН. -S/PV. 3988; Adomeit H. Inside or Outside? Russia's Policies towards NATO. Elena Wilson Rowe and Stive Torjesen (eds.). The Multilateral Dimension in Russian Foreign Policy. London and New York. Routledge. 2009. P. 102.

в Боснии погибли тысячи людей. Однако, что интересно, вспышка геноцида не встретила ответа со стороны США или НАТО в целом. Что касается средств массовой информации в России, не говоря уже о толковании того, что представляет собой геноцид, большая часть СМИ даже не касалась этой темы.

Не менее важным и связанным с вышеупомянутым ответом было постоянный акцент России на том, что кампания НАТО была незаконной, поскольку не была санкционирована Совбезом ООН. Россия обосновала свое требование статьей 42 главы 7 Устава ООН, которая предусматривает, что любая угроза силой или ее применение, не санкционированные Советом Безопасности, считаются незаконными и агрессивными<sup>481</sup>. Кроме того, Россия была категорически против аргументов, что прежние резолюции Совета Безопасности ООН по Югославии были нарушены С. Милошевичем<sup>482</sup>. Заявление Б.Н. Ельцина в день начала операции «Союзные силы» показало, как Россия осмыслила весь конфликт (как незаконную операцию/неприкрытую агрессию), дало указание на большее охлаждение отношений между Россией, НАТО и США, а также на его убежденность в том, что был создан опасный прецедент с точки зрения диктата применения силы<sup>483</sup>.

По мере продолжения операции «Союзные силы» в апреле 1999 г. Германия и РФ внесли на рассмотрение возможные предложения по мирному урегулированию, причем первые подчеркивали важность участия России в

---

<sup>481</sup> Заявление представителя МИД РФ (29 января 1999 г.) // Дипломатический вестник. М., 1999. № 2. С. 53; Johnson R.J. Russian Responses to Crises Management in the Balkans – How NATO's Past Actions May Shape Russia's Future Involvement. P. 295.

<sup>482</sup> Гуськова Е.Ю. Последствия международных санкций для Югославии // Страны Центральной и Восточной Европы на пороге XXI века. М., 1999. С. 122; Averde D. From Pristina to Tskhinvali: The Legacy of operation Allied Force in Russia's Relations with West. P. 577.

<sup>483</sup> Совместная пресс-конференция министра иностранных дел И.С. Иванова и начальника Генштаба ВС РФ, первого заместителя министра обороны, генерала армии А.В. Квашнина (24 марта 1999 г.) // Дипломатический вестник. М., № 4. С. 17; Johnson R.J. Russian Responses to Crisis Management in the Balkans – How NATO's Past Actions May Shape Russia's Future Involvement. P. 295.

этом процессе<sup>484</sup>. Мирные предложения были приняты на встрече «Большой восьмерки» в мае 1999 г. с некоторыми изменениями, в которых, в частности, говорилось: многонациональное присутствие, которое будет размещено в Косово, должно быть гражданским и военным; это должно быть одобрено ООН; будущая временная администрация Косово должна быть определена Советом Безопасности ООН; ОАК должна быть разоружена<sup>485</sup>. Хотя русские не хотели оставаться в стороне от процесса принятия решений и их осуществления, преобладающий подход членов «Большой восьмерки», в которую входили все основные участники мирного урегулирования, состоял в том, чтобы не допустить Россию в НАТО и не рассматривать ее как равную (с точки зрения права голоса) среди членов НАТО, как в последующем процессе создания зоны командования СДК.

С другой стороны, та роль, которую сыграл бывший премьер-министр России Виктор Черномырдин, назначенный специальным посланником в Косово (вместо Примакова), и известный неопытностью в иностранных делах<sup>486</sup> по сравнению с Примаковым, привела, по крайней мере, к трем последствиям. Во-первых, выбор Б.Н. Ельцина в пользу Черномырдина дал косвенный сигнал Западу, что он склонен держать каналы переговоров открытыми и хочет казаться умеренным, хотя российское недовольство операцией «Союзные силы» была очевидна. Во-вторых, критические фракции в России не удержались от того, чтобы охарактеризовать его роль как «постсоветскую», подразумевая, что эта роль соответствовала «малозаметной и декларативной» роли России во время войны в Боснии<sup>487</sup>. Бывший премьер-министр и новый специальный посланник Черномырдин не обладал большим обаянием в глазах сторонников активных действий в

---

<sup>484</sup> Документ ООН. -S/PV. 3988; Smith M.A. A Bumpy Road to an Unknown Destination? NATO–Russia Relations. 1991–2002. P. 69.

<sup>485</sup> Послание Президента РФ (7 апреля 1999 г.) // Дипломатический вестник. М., 1999. № 5. С. 4.

<sup>486</sup> Tsygankov A.P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. Boulder, New York. Rowman and Littlefield Publisher. 2006. P. 105.

<sup>487</sup> Arbatova A.N. European Security after the Kosovo Crises: The Role of Russia. P. 68.

России, что также олицетворяло их общую реакцию против Б.Н. Ельцина. В-третьих, Черномырдин выполнял примирительную посредническую функцию, с западной точки зрения, он принимал участие в переговорном процессе, делая все, что было в его силах. Кроме того, критики, обвинявшие его в том, что он не выдвинул никакой конкретной формулы или каких-либо предварительных условий, видимо, упустили случаи, когда он иногда открыто высказывал просербскую линию России. Его замечание: «...Мы предупредили их (трибунал). Мы просили их не делать этого», касается обвинительного заключения в отношении С. Милошевича и четырех других высокопоставленных югославских должностных лиц в конце мая 1999 г., возможно, лучше всего отражает просербскую линию, поскольку он высказал мнение, что обвинительное заключение в отношении С. Милошевича и других причастных к этому лиц осложнит общие мирные усилия<sup>488</sup>.

Возможная замена Е.М. Примакова умеренным В.С. Черномырдиным на посту спецпредставителя была объявлена еще в 1997 г., когда стало ясно, что Е.М. Примаков и бывший госсекретарь США М. Олбрайт имели почти диаметрально противоположные взгляды на Косово. Когда Е.М. Примаков описал Косово как часть Сербии, Олбрайт предпочла описать его как часть Югославии. Е.М. Примаков утверждал, что признание Косово может спровоцировать изменение балканской карты, сравнил этот вопрос с Санджаком, Македонией, Черногорией, Албанией, где, по его мнению, общины мусульманского большинства могут последовать косовскому примеру<sup>489</sup>. Е.М. Примаков предсказал опасность, когда утверждал, что план, направленный на ликвидацию Республики Сербской в недавно созданной Боснии и Герцеговине, также не сулит ничего хорошего. В соответствии с этим Примаков рассматривал такие планы как служащие будущим планам объединения Республики Сербской с Мусульманско-хорватской Федерацией

---

<sup>488</sup> Chernomyrdin Persists in Quests for Kosovo Peace // CNN. 28 May 1999. URL: <http://edition.cnn.com/WORLD/europe/9905/28/kosovo.02/>

<sup>489</sup> Primakov Y. Rusyasiz Dunya. Trans. Aijan Esenkanova. Istanbul. Timas. 2010. P. 162–163.

и пресечения любых возможных попыток Республики Сербской провозгласить независимость в будущем<sup>490</sup>.

Хотя взгляды Е.М. Примакова на Косово характеризовали политические линии консервативных фракций в России, это также ясно показывает, что он не рассматривал этот вопрос в отрыве от других районов бывшей Югославии, где проживало значительное число мусульман. Его прямая защита сербской точки зрения, противодействие кампании НАТО и отказ от дейтонского переговорного процесса, основанного на установлении крайнего срока и предъявлении ультиматума Белграду, показали его энергичность, но также сделали перспективы примирения еще более туманными.

### **3.3. Дискуссии и оценки итогов косовских событий в российском внешнеполитическом дискурсе**

Военные и политические ответные меры России были отражением ее внутренних и международных проблем к 2000 г., и эти проблемы были в равной степени актуальными. Примечательно, что Россия была обеспокоена будущим отношений между Россией и НАТО, и поэтому перспективы сохранения интереса к партнерству с НАТО были открыто поставлены под сомнение<sup>491</sup>. Россия уже была обеспокоена риторикой расширения НАТО и его новой стратегической доктриной, хотя ее отношения с Североатлантическим альянсом сохранялись.

Тем не менее, когда началась операция «Союзные силы», Москва выразила сомнения в оборонительном характере НАТО, а также указала на международные нормы, которым она должна была соответствовать. Россия рассматривала операцию НАТО в Косово как незаконную, утверждая, что она была проведена без каких-либо санкций ООН. Для России дискурс о «новом НАТО» к 2000 г., который подразумевал, что НАТО будет скорее

---

<sup>490</sup> Ibid. P.163.

<sup>491</sup> Antonenko O. Russia, NATO and European Security after Kosoco. P. 125.

политическим альянсом, чем военным, оказался пустым<sup>492</sup>. Это восприятие привело к тому, что русские рассматривали войну в первую очередь как агрессию НАТО, направленную на расширение западной зоны влияния в Европе после Холодной войны, а не как сербскую агрессию, которая была спланирована из Белграда, или «жестокое обращение президента Сербии С. Милошевича с косовскими албанцами»<sup>493</sup>. Операция НАТО также ставила цель добиться общего подхода со стороны общественности и лиц, принимающих решения, к тому, что НАТО недружелюбно относится к России и готова игнорировать российские интересы<sup>494</sup>. Кроме того, фракции, которые демонстрировали праславянские настроения, также рассматривали кампанию НАТО как оскорбление для всех славянских народов<sup>495</sup>. Россия была убеждена, что, если НАТО продолжит доминировать в процессе принятия стратегических решений в Европе, Россия в итоге будет исключена из общего процесса, и тот факт, что у нее нет никакого стремления стать членом НАТО, означает, что она не только может быть сторонним наблюдателем, но и что ее интересы будут поставлены под угрозу<sup>496</sup>.

Опасения России были связаны и с другим фактором: если НАТО может вмешиваться в различные конфликты на территориях, которые не входят в его сферу ответственности, то она могла бы вмешаться и во внутренние проблемные области России. Без сомнения, была проведена аналогия между Косово и Чечней. Хотя и Россия, и официальные лица США/НАТО утверждали, что Косово не создаст прецедента для других конфликтных точек в других частях мира, опасения России по поводу

---

<sup>492</sup> Forsberg T. Russia's Relationship with NATO: A Qualitative Change or Old Wine in New Bottles? // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 21. № 3. September 2005. P. 337.

<sup>493</sup> Заявление представителя МИД РФ (13 апреля 1999 г.) // *Дипломатический вестник*. М., 1999. № 5. С. 29; Frye A. The New NATO and Relations with Russia // *Journal of Strategic Studies*. Vol. 23. № 3. 2000. P. 96.

<sup>494</sup> *Ibidem*. P. 96–97.

<sup>495</sup> Forsberg T. Russia's Relationship with NATO: A Qualitative Change or Old Wine in New Bottles? P. 337.

<sup>496</sup> Antonenko O. Russia, NATO and European Security after Kosovo. P. 125.

возможного вмешательства НАТО во внутренние дела России, по-видимому, сохранялись.

С точки зрения как сроков, так и общей риторики, контртеррористические войны против сепаратистов были восприняты как ответ на то, что НАТО сделала в Косово. Начавшись всего через месяц после окончания операции «Союзные силы», российское наступление на Чечню во многом напоминало операцию «Союзные силы». Сходные компоненты были теми, которые Россия резко критиковала во время операции «Союзные силы»: это включало использование тяжелых воздушных бомбардировок, трансляцию брифингов о количестве полетов, утверждения о том, что чеченцы провели этническую чистку в отношении русских, проживающих в Чечне, и нанесение ударов по важным объектам инфраструктуры<sup>497</sup>. С точки зрения России, действия НАТО в Косово представляли собой нарушение международного права, поскольку они не были санкционированы Советом Безопасности ООН; однако действия России в Чечне рассматривались как просто вмешательство России в конфликт на ее собственной территории с установленной целью противодействия сепаратистским силам<sup>498</sup>. Чеченская кампания России проводилась на основе Закона о борьбе с терроризмом, который допускал применение силы в случаях, связанных с террористическими актами. Однако наступление России в Чечне подверглось резкой критике на том основании, что указанный закон «[подразумевал] конкретные операции против конкретных случаев терроризма, которые четко определены. Это, конечно, не рассчитано на длительную, крупномасштабную военную кампанию с использованием авиации, что приведет к огромным потерям среди федеральных войск и еще большим потерям среди местного населения»<sup>499</sup>.

---

<sup>497</sup> Ibid. P. 132.

<sup>498</sup> Cross S. Russia and NATO toward the Twenty-First Century: Conflicts and Peacekeeping in Bosnia-Herzegovina and Kosovo. P. 44.

<sup>499</sup> Arbatov A. The Transformation of Russia's Military Doctrine ... P. 30.

Тем не менее, многие противоречия, которые эти два вмешательства создали между Россией и США/НАТО, в конечном счете дали тем же двум сторонам то, чего изначально хотели достичь. США/НАТО преуспели в операции «Союзные силы», которая проложила путь к независимости Косово, провозглашенном в одностороннем порядке в 2008 г. Точно так же Россия восстановила контроль над Чечней после того, как Рамзан Кадыров стал президентом. Иными словами, пресловутый девиз «война за мир», используемый США/НАТО во время кампании НАТО применялся не только в Косово, но и, несмотря на критику России, в Чечне. Российские действия в Чечне происходили в то время, когда Россия участвовала в СДК. Военное сотрудничество в Косово и критика Запада в отношении Чечни происходили одновременно. Тем временем Россия, лишенная отдельной зоны командования в Косово, попыталась приспособиться к новому управлению НАТО/ООН в Косово.

Были отмечены два основных момента расхождения в отношении российского участия в СДК: командование и контроль, а также вопрос о том, будет ли у России собственная зона командования, хотя она и не является членом НАТО<sup>500</sup>. В целом мотивы участия России в СДК были более или менее идентичны ее мотивам участия в миротворческих силах в Боснии<sup>501</sup>. Однако основной мотив участия в СДК был основан на получении внутренней поддержки со стороны военных группировок, а также на то, чтобы не разрывать и без того ослабленные связи с Западом, учитывая тогдашнюю зависимость России от западной финансовой помощи<sup>502</sup>.

НАТО выступал против отдельной зоны российского командования по двум причинам. Во-первых, если бы русским была предоставлена командная зона, то албанцам, которые хотели вернуться в Косово и переселиться, можно было бы предложить не возвращаться, поскольку они не хотели жить в

---

<sup>500</sup> Youngs T., Bowers P. Kosovo: KFOR and Reconstruction // House of Commons Library. Research Paper 99/66. 18 June 1999. P. 11.

<sup>501</sup> Cross S. Russia and NATO toward the Twenty-First Century: Conflicts and Peacekeeping in Bosnia-Herzegovina and Kosovo. P. 27.

<sup>502</sup> Youngs T., Bowers P. Kosovo: KFOR and Reconstruction. P. 12.



районах, контролируемых Россией. Во-вторых, выделение отдельной зоны командования русским может способствовать будущему разделу провинции, поскольку их зона может стать центром скопления сербов. Еще одной проблемой была возможность трений между СДК и российскими силами. Были опасения, что российские войска могут занять относительно более жесткую линию в ходе демилитаризации ОАК<sup>503</sup>.

В этом контексте Россия участвовала силами примерно 3000–3600 человек в структуре составом 40000 человек, дислоцированной в СДК, которая была развернута на востоке под руководством США, на севере под руководством Франции и на юге под руководством Германии. Россия и НАТО совместно управляли аэродромной операцией в аэропорту Приштины в соответствии с Хельсинкским соглашением, которое предусматривало компромисс между двумя странами:

1) принять Прилагаемые Согласованные принципы в качестве основы для участия России в международных миротворческих силах (СДК) в полном соответствии с резолюцией № 1244 СБ ООН;

2) предусмотреть участие одного-двух российских батальонов, действующих в Косовской Каменице в секторе США, в соответствии с прилагаемой моделью командования и управления. Российский офицер будет выполнять функции представителя при командующем вооруженными силами России;

3) кроме того, США будут рекомендовать НАТО согласиться с тем, чтобы российские войска также участвовали в силах СДК, развернутых в немецком и французском секторах, в соответствии с моделью командования и управления, в частности, чтобы Россия предоставила от одного до двух батальонов для участия в силах СДК в немецком секторе, чтобы действовать в районе близ Малишево, и один батальон силам СДК во французском секторе, чтобы действовать в районе близ Лауса, оба района, как показано на прилагаемой карте. Немецкая компания и французская компания также будут

---

<sup>503</sup> Ibidem.

работать в районах Малишево и Лауса соответственно. Российские офицеры будут служить представителями российских войск при командирах секторов в немецком и французском секторах соответственно.

## Заключение

После окончания Холодной войны и распада СССР отсутствие явного лидера в бывшем восточном блоке и на Балканах, а также политические изменения в Югославии и России, открыли путь для проникновения в этот регион мировых и региональных держав. Соединенные Штаты предприняли меры, чтобы помешать РФ восстановить свое влияние под предлогом контроля восточных границ Европы. Осуществляя стратегию контроля над Балканами, США опирались на евроатлантический альянс, который показал свою эффективность во время Холодной войны, и тем самым продемонстрировали всему миру силу политического и военного сотрудничества между США и ЕС.

После распада Югославии на ее землях вспыхнули этнические и религиозные конфликты, ЕС в попытках потушить эти конфликты показал свою неэффективность. В результате была разработана новая стратегия поведения США на Балканах. Соединенные Штаты за 20 лет сумели поставить Балканы под свое политическое влияние, успешно воспользовавшись поддержкой Европы и политическими и экономическими проблемами РФ. «Мягкая сила» (привлекательность экономического сотрудничества) ЕС в балканских странах и военные преимущества, предоставляемые НАТО, также сыграли важную роль в успехе этой стратегии.

Борьба на Балканах и за контроль над Балканами повлияла на американско-российские отношения. Она вернула в общественный дискурс образы из российского прошлого, которое включало в себя как действия в регионе, так и особые связи с «членами славянской семьи». Кроме того, они возродили американское чувство ответственности, которое исчезло после события в Юго-Восточной Азии, но возродилось в годы после войны в Персидском заливе. Новые лидеры с обеих сторон предприняли целенаправленные усилия, чтобы использовать крах европейской и

евразийской коммунистических систем таким образом, чтобы это принесло пользу их странам. Кроме того, войны в Боснии и Косово разожгли конфликт между надеждой России сохранить свой статус как супердержавы и лидерством Америки.

Эффективность действий США в регионе обеспечивалась силами блока НАТО. В связи с этим вмешательство в дела Боснии и Косово и военное взаимодействие со странами бывшего восточного блока в рамках стратегии расширения НАТО также можно рассматривать как попытку расширения европейской политики безопасности. Другими словами, участие США в боснийском и косовском кризисах обеспечивалось исключительно по инициативе Вашингтона, которая логично вытекала из новой международной системы, которая начала формироваться после окончания Холодной войны, а не только ввиду «гуманитарной политики». Несмотря на то что боснийский кризис возник в 1992 г., а вмешательство США в кризис произошло только в 1995 г., сам факт их наблюдения за войной на Балканах, с целью принятия решения о дальнейших действиях, показывает политический аспект будущего вмешательства, а не «гуманитарный». Кроме того, во время косовского кризиса, в отличие от боснийского, необходимо было немедленно принимать решение о прямом военном вмешательстве с целью давления на администрацию Белграда, которая рассматривалась как потенциальный элемент нестабильности в контексте этих стратегических интересов.

Главной целью балканской политики США является включение стран региона в альянс НАТО и обеспечение их интеграции в соответствующую военно-политическую структуру. Американская администрация предприняла шаги в этом направлении после боснийского кризиса, в первую очередь — поощряя ЕС к вмешательству в эти кризисы. Установление политической стабильности в регионе также имеет большое значение с точки зрения европейской безопасности. Исторический опыт показывает, что нестабильность на Балканах может угрожать безопасности и миру в Европе.

Поэтому стратегическая цель — предотвращение кризисов, которые могут потребовать вмешательства НАТО.

Соображения России были сосредоточены на восстановлении более сильных позиций Российской Федерации в глобальном балансе сил. Многие были потеряны в результате двойного краха коммунистического правления и советской власти в 1991 г., и ситуация в России в 1990-е гг. не очень хорошо соответствовала восходящей линии российского прогресса со времен Екатерины Великой. У президента Ельцина больше не было «содружества наций», с которым можно было бы торговаться, а иногда и принуждать. Ему нужно было установить некоторые связи с бывшими советскими республиками через СНГ, и он совершал поездки в западные столицы и налаживал новые связи с западными державами, чтобы укрепить позиции России в регионе и мире.

Теории также могут пролить свет на динамизм российско-американских отношений в 1990-е гг. Обе державы пытались развить новую модель многомерных связей в нескольких направлениях. «Внешняя сфера» системы Холодной войны резко изменилась, в результате чего изменились и входные данные в процессы принятия решений. С американской стороны, недавно активизировавшийся НАТО предоставил идеи о том, какая тактика была возможна для горячих точек. Таким образом, итоговые результаты несли на себе совершенно иной отпечаток, чем решения времен Холодной войны. И Россия, и Америка долго ждали, прежде чем сделать твердые заявления, и обеим необходимо было учитывать давление далеко за пределами своих собственных границ. Все эти реалии циркулировали через «петлю обратной связи» в будущих процессах принятия решений. Действия, которые США предприняли в целях «балканской безопасности», плавно переросли в их вливания военной мощи в Афганистан в 2001 г. и в Ирак в 2003 г. Для России сопротивление американским инициативам на Балканах во время расширения Альянса на бывшие коммунистические страны

предвосхитило ее прямую оппозицию западным устремлениям во время войны в Грузии в 2008 г. и войны на Украине в 2014–2015 гг.

Этот период также был одним из критических моментов, поскольку обе страны выходили из ограничений и относительной пассивности предыдущих десятилетий. Вашингтон в значительной степени сбросил те ограничения, которые война в Юго-Восточной Азии наложила на его способность отправлять войска за границу или руководить западным военным альянсом. Россия оказалась на перепутье с точки зрения собственной самооценки и способности влиять на разворачивающиеся кризисы в отдельных регионах. В 1981 г. Брежнев смог приказать польским военным сломать хребет движения сопротивления «Солидарность». Только десять лет спустя власть России над Польшей была сломлена, и Россия начала новый поход с новыми партнерами, такими как Китай, и новыми надеждами восстановить величие российского прошлого.

Каждая из этих моделей и теорий может пролить свет на некоторые из особенности российско-американских отношений в 1990-х гг. В критические моменты в их собственных политических ситуациях существовала естественная тенденция для обеих групп лидеров возвращаться к воссозданию предсказуемого баланса сил. В конце концов, сферы их деятельности могут быть ограничены необходимостью торговаться друг с другом и с региональными партнерами. Точно так же возникающий и изменяющийся баланс сил мог бы стать основой для создания более предсказуемых региональных систем, которые могли бы заменить те, которые были разработаны во время Холодной войны. Многополярность была бы явной отличительной чертой этих новых систем. Исходя из этой идеи, необходимо подчеркнуть общий результат развития концептуализации отношения к Балканам как в США, так и в России:

- 1) Для Соединенных Штатов Балканы теперь являются важной и необходимой географией в новой внешнеполитической картине Европы, нарисованной американцами после кризисов. Балканы,

которые игнорировались, особенно в период после Тито, являются теперь не просто европейской проблемой, а глобальной.

2) для России – единственный для эпохи Ельцина регион, в котором можно было продемонстрировать всему миру (не только сербам), что Россия имеет свой взгляд на развитие этого европейского региона, может показать хоть что-то в военной сфере, кроме «ядерного щита» для собственной защиты, который никто не видел и никому на Балканах это не было интересно.

*Каковы же тогда могут быть будущие «красные линии» для России на Балканах?*

Прежде всего, можно утверждать, что есть все основания ожидать продолжения российско-сербского альянса, будь то по традиционным (чувство исторической близости) или прагматическим (например, энергетическое сотрудничество) причинам. На фронте ЕС не следует ожидать, что двусторонние отношения будут предвзятыми, даже если Сербия станет полноправным членом ЕС, потому что компоненты установленных отношений, похоже, сохраняются. В худшем случае, даже если отношения сохранятся из-за последствий предполагаемого членства Сербии в ЕС, это, возможно, не продлится слишком долго.

Во-вторых, можно ожидать, что подход России к Косово будет соответствовать позиции Сербии в том виде, в каком он существует в настоящее время. На самом деле косовский вопрос по-прежнему остается самой серьезной проблемой разделения не только между региональными субъектами, но и между Россией и Западом. Несмотря на то, что в последнее время между бывшими конфликтующими сторонами установилась определенная атмосфера диалога, о каких-либо значимых результатах пока рано говорить. Самым неожиданным событием на этот счет было бы признание Сербией Косово, в то время как российский подход остается неизменным.

В-третьих, Россия, вероятно, будет использовать все возможные средства для оказания своего влияния в области энергетики в регионе. Это, вероятно, будет иметь место с развитием или без развития Западом конкурирующих энергетических проектов, в основном по двум причинам. Регион беден энергией, что делает его сферой интересов для России. Тем не менее, способы, которыми Россия, как можно ожидать, проведет свои «красные линии» в области развития энергетики в регионе перед лицом политики энергетической интеграции ЕС, до сих пор остаются весьма спорными. Как Россия и ЕС будут разыгрывать свои карты, еще предстоит увидеть.

В-четвертых, несмотря на то что Россия всегда была активным участником процесса на Балканах, она не предпринимала никаких попыток, например, создать особую региональную платформу после 1990 г. (как это было в прошлом). Ее выбором в этом отношении было СНГ. Гипотетически такая попытка, особенно в то время, когда самый острый косовский вопрос относительно утих, возможно, приведет к ненужному охлаждению отношений с Западом, не говоря уже об уровне нежелания региональных государств.

Наконец, можно предположить, что балканская политика России, скорее всего, останется такой, какая она есть, если на Балканах не возникнут новые обстоятельства. Отсутствие каких-либо так называемых «замороженных» территориальных конфликтов в регионе, в которые была бы вовлечена Россия, делает перспективы усиления роли России маловероятными.

В конечном счете, Россия, вероятно, будет иметь значение для Балкан, как это было в прошлом, с предполагаемыми «красными линиями», определяющими ее модели поведения по отношению к региону. Учитывая, что Запад не является для России недифференцированным единым политическим образованием (которое ранее охватывало США и ЕС) после возросшего интереса ЕС к Балканам после войны в Косово, балканская



политика России должна будет учитывать «балканские стратегии» ЕС при разработке и реализации своей собственной политики. Это неизбежно потребует поиска путей для того, чтобы рассматриваться как субъект со значительной привлекательностью, который не оставляет региональные государства в рамках подхода вроде «либо Россия, либо ЕС».

## Список сокращений и условных обозначений

БиГ – Босния и Герцеговина

ВАК – Высшая аттестационная комиссия

ВБ – Всемирный банк

ВВС – Военно-воздушные силы - военно-морские силы

ВПК – Военно-промышленный комплекс

Генсекретарь – Генеральный секретарь

Госдепартамент – Государственный департамент

Госсекретарь – Государственный секретарь

ДОС – Демократическая оппозиция Сербии

Евросоюз – Европейский союз

ЕС – см. Евросоюз

ИФОР – международные силы безопасности, развернутые в БиГ согласно Дейтонским соглашениям

КиМ – Косово и Метохия

КПС – Косовские полицейские силы

КФОР (KFOR) – международные силы безопасности, развернутые в Косове согласно Резолюции СБ ООН № 1244

МВП – Международное военное присутствие

МВФ – Международный Валютный Фонд

МООНВАК – Миссия Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово

МТБЮ – Международный трибунал по бывшей Югославии

НАТО – Организация Североатлантического договора

НКО – Некоммерческая организация

НПО – Неправительственная организация

ОАК – Освободительная армия Косова

ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ООН – Организация Объединенных Наций

РАН – Российская Академия Наук

РС – Республика Сербская

РФ – Российская Федерация

СБ – Совет Безопасности

СВМС – Совет по выполнению Мирного соглашения

СВС – Силы по выполнению Соглашения (см. ИФОР)

СДК – Силы для Косово (см. КФОР)

СПД – Сербская демократическая партия

СЕС – Военная миссия ЕС в БиГ

СиЧ – Сербия и Черногория

СМИ – Средства массовой информации

Совбез – см. СБ

СООНО – Силы Организации Объединенных Наций по охране

СПЕС – Специальный представитель Европейского союза

Спецпосланник – Специальный посланник

Спецпредставитель – Специальный представитель

СПС – Силы по стабилизации под руководством НАТО по кризисному регулированию в БиГ по Дейтонским соглашениям с 1996 г.

СРЮ – Союзная Республика Югославия

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СФОР (SFOR) – см. СПС

СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия

США – Соединенные Штаты Америки

УВКБ – Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев

УВП – Управление Высокого Представителя

УНМИК – см. МООНВАК

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ЦРУ – Центральное разведывательное управление

ИСО – Международное гражданское управление (International Civilian Office)

IRI – Международный республиканский институт (International Republican Institute)

KFOR – (Kosovo Force) см. СДК

NED – Национальный фонд поддержки демократии (National Endowment for Democracy)

OSI – Институт «Открытое общество» (Open Society Institute)

PDK – Демократическая партия Косова

USAID – Агентство США по международному развитию (United States Agency for International Development)

WMD – Weapons of Mass Destruction

## Библиография

### Источники

#### *Источники, опубликованные на иностранных языках:*

1. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. – Washington D.C. – 1994, 1995, 1996. – URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/>
2. A National Security Strategy for a New Century. – Washington D.C. – 1997, 1998, 1999. – URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/>
3. Agreed Points on Russian Participation in KFOR (Helsinki Agreement). – URL: <http://www.nato.int/kfor/docu/docs/pdf/helsinki.pdf>
4. Archive for the US Department of State. – 1997–2001. – URL: [https://1997-2001.state.gov/?\\_gl=1\\*nzn3sl\\*\\_gcl\\_au\\*MTQ1MzQ3MTI0LjE3MDIxNDM1NTk](https://1997-2001.state.gov/?_gl=1*nzn3sl*_gcl_au*MTQ1MzQ3MTI0LjE3MDIxNDM1NTk).
5. Baker J. US Foreign Policy Priorities and FY 1991 Budget Request: Prepared Statement before the Senate Foreign Relations Committee, Washington D.C. Feb. 1 // DSD. – V.1. – № 1. – 1990. Sep. 3.
6. Baker J. Helping the New Independent States: Sanctions on Serbia-Montenegro: Secretary's Official Speech. May 24. 1992. – Vol. 3. – № 22: Tutwiler V. US Ambassador Recalled from Yugoslavia: State Department Spokesman's Official Statement. 16 May 1992. – Vol. 3. – № 20.
7. Christopher B. New Steps toward Conflict Resolution in the Former Yugoslavia State Secretary's Official Opening Statement, Feb 10, 1993. – Vol. 4. – № 7.
8. Clinton B. Bosnia and Croatia: The Challenge of Peace and Reconstruction: U.S. President's Official Opening Statement. 1994. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-the-state-the-union-12>

9. Clinton B. Clinton W.J. Presidents News Conference // Public Papers of the Presidents of the United States. 19 March 1999.
10. Clinton B. US Expresses Outrage Over Marketplace Shelling: US President's Official Statement, Feb 5, 1994. – Vol. 5. – № 7.
11. EU Bulletin 7/8. 1991.
12. European Community: Declaration on Yugoslavia and on the Guidelines on the Recognition of New States. Dec 16, 1991.
13. George H.W. Bush. State of the Union Address (January 28, 1992) – URL: <http://millercenter.org/president/speeches/detail/5531>
14. Governor Clinton. Remarks to the Los Angeles World Affairs Council. August 13, 1992.
15. Government Publishing Office Access. A Service of the U.S. Government Printing Office. Public Papers of the Presidents of the United States. – URL: [https://www.govinfo.gov/app/collection/ppp/president-42\\_Clinton,%20William%20J.](https://www.govinfo.gov/app/collection/ppp/president-42_Clinton,%20William%20J.)
16. Holbrook R. U.S. Department of State Dispatch. 20 March 1995. 6/12.
17. Human Rights in Kosovo: As Seen, As Told // An Analysis of the Human Rights Findings of the OSCE Kosovo Verification Mission October 1998 to June 1999. – Vol. I. – October 1998–June 1999. – URL: <http://www.osce.org/files/documents/d/d/17772.pdf>
18. James Steinberg. Director of Policy Planning, Policy and Principles: The Clinton Administration's Approach', Address to the Foreign Policy Association. – New York City. – January 24, 1996. – Department of State Dispatch. – Vol. 7. – Issue 6. – February 5, 1996.
19. Inflation and the Foreign Debt. URL: <http://reference.allrefer.com/country-guide-study/yugoslavia/yugoslavia121.html>
20. Independent International Commission on Kosovo. The Kosovo Report, – URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/F62789D9FCC56FB3C1256C1700303E3B-thekosovoreport.htm>

21. Legislations on Foreign Relations through 1997. US Senate. – Washington D.C. – April 1998.
22. National Archives and Records Administration (NARA). Congressional Records. The Historical Records of Congress. – URL: <http://www.archives.gov/legislative/>
23. National Security Strategy of the U.S. – Washington D.C.: The White House, – 1990, 1991, 1993.
24. NATO's role in Kosovo. – URL: [http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics\\_48818.htm](http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_48818.htm)
25. Raevsky A., Vorob'ev I.N. Russian Approaches to Peacekeeping Operations. United Nations Institute for Disarmament and Research. Research Paper № 28. – New York and Geneva: United Nations. – 1994.
26. Relating to authorization of multinational action in Bosnia-Herzegovina under Article 42 of the United States Charter. 102nd Congress, 2nd session. – S. RES. 300. August 11, 1992.
27. Remarks Announcing Airstrikes Against Serbian Targets in the Federal Republic of Yugoslavia (Serbia and Montenegro). – 24 March 1999. – P. 449. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-announcing-airstrikes-against-serbian-targets-the-federal-republic-yugoslavia>
28. President Bush Makes the Case for War on Iraq. Major Problems in American Foreign Relation. Vol. 2 since 1914. Edited by Dennis Merrill and Thomas G. Paterson. – New York: Houghton Mifflin Company. – 2005.
29. President Clinton. America must continue to Bear the Responsibility of World Leadership // Remarks at the Freedom House. – Washington D.C. – October 6, 1995.
30. Secretary Larry Eagleburger. Charting the Course: US Foreign Policy in a Time of Transition // Address before the Council on Foreign Relations. – Washington D.C. – January 7, 1993. – Department of State Dispatch. – Vol. 4. – Issue 2. – January 11, 1993.

31. Secretary Christopher. Leadership in the Next American Century. Address before the John F Kennedy School of Government. – Harvard University. Cambridge. Massachusetts. – January 18. 1996. – Department of State Dispatch. – Vol. 7. – Issue 4. – January 22, 1996.
32. Public Papers of Administration of B. Clinton. – 22 April. 1994.
33. S/RES/713: 1991. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/282470>
34. S/RES/743: 1992. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/137965>
35. S/RES/816: 1993. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/164634>
36. S/RES/819: 1993. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/164939>
37. S/1997/126. URL: [https://ap.ohchr.org/documents/alldocs.aspx?doc\\_id=3982](https://ap.ohchr.org/documents/alldocs.aspx?doc_id=3982)
38. S/RES/1160: 1998. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/252117>
39. S/RES/1244 1999. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/274488>
40. -S/PV. 3988. – URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/kos-spv3988.php>
41. S/2007/168. 26. – URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/kosovo-s2007-168.php>
42. Strategic assessment 1995. U.S. security challenges in transition. – Washington Institute for National Strategic Studies. – 1995.
43. Summary of the Dayton Peace Agreement on Bosnia-Herzegovina // US Department of State. – 30 November 1995. – URL: <https://www.britannica.com/event/Dayton-Accords>
44. The Contact Group Letter dated 11 March 1998 Deputy Permanent Representative of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the United Nations Addressed to the president of the Security Council. – URL: <https://www.un.org/en>
45. The Rambouillet text – Appendix B // The Guardian. – Wed, 28 April 1999. – URL: <https://www.theguardian.com/world/1999/apr/28/balkans12>
46. The Secret History of Dayton. US. Diplomacy and Bosnia Peace Process 1995 // National Security Archive Electronic Briefing Book № 177. ред.



- Derek Chollet и Bennett Freeman. – Washington, 1997. – URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB171/>
47. To Remove the United States arms embargo of the Government of Bosnia and Herzegovina 103rd Congress, 2nd Session. S. Bill 2042. April 11. 1994.
48. U.S. Department of State Bulletin, 1989.
49. U.S. Department of State Dispatch, 1990, 1992, 1997.
50. U.S. Officials Expect Kosovo Independence, CNN.com. 24 September 1999. – URL: <http://edition.cnn.com/WORLD/europe/9909/24/kosovo.us/>
51. United Nations General Assembly. Official Records. Fifty-third Session. 63rd Plenary Meeting. A/53/PV.63. 19 November. 1998.
52. United Nations Security Council Resolution 757. – URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/United\\_Nations\\_Security\\_Council\\_Resolution\\_757](https://en.wikipedia.org/wiki/United_Nations_Security_Council_Resolution_757)
53. «Yugoslavia Transformed» 18 октября 1990. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/1990-10-01.pdf>

***Источники, опубликованные на русском языке:***

54. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке / Н.В. Васильева, В.А. Гаврилов, В.А. Миркиски. – М., 2005. - 432 с.
55. Брифинг 1 июня 1993 г. (проводил С.В. Ястржембский) // Дипломатический вестник. – М., – 1993. – № 13–14.
56. Брифинг 5 февраля 1993 г. (проводил С.В. Ястржембский) // Дипломатический вестник. – М., – 1993. – № 5–6.
57. Брифинг 28 апреля 1992 г. (проводил С.В. Ястржембский) // Дипломатический вестник. – М., – 1992.
58. Брифинг 8 августа 1995 г. (проводил М.В. Демурич) // Дипломатический вестник. – М., – 1995. – № 8.

59. Брусникин А.Н. О зарубежной гуманитарной и финансовой помощи // Дипломатический вестник. – М., – 1992. – № 2–3 (31 января–15 февраля 1992 г.).
60. Введение Санкции в СРЮ. Резолюция 757 // Международные организации и кризис на Балканах. – Т. 1–2.
61. Ведомости ФС РФ; Собрание законодательства РФ.
62. Визит А.В. Козырева в республики бывшей СФРЮ (18–20 и 24–27 мая) // Дипломатический вестник. – М., – № 12. – 30 июня.
63. Выступление А.В. Козырева // Дипломатический вестник. – М., – 1992. – № 13–14.
64. Выступление А.В. Козырева на совещании послов РФ в СНГ, 6 июля 1995 г. // Дипломатический вестник. – М., – 1995. – № 8.
65. Выступление министра иностранных дел А.В. Козырева на заседании Совета СБСЕ в Праге (30 января 1992 г.) // Внешняя политика России. Сборник документов 1990–1992. – М., – 1996.
66. Выступление Президента РФ Б.Н. Ельцина на специальном торжественном заседании ГА по случаю 50-летия ООН // Дипломатический вестник. – М., – 1995. – № 11.
67. Выступление Е.М. Примакова на встрече с коллективом МГИМО // Дипломатический вестник. – М., – 1996. – № 7.
68. Примаков Е.М. Выступление на Юбилейных чтениях, посвященных 200-летию канцлера А.М. Горчакова // Международная жизнь. – М., – 1998. – № 5.
69. Государственный визит Президента РФ Б.Н. Ельцина в США 16–18 июля 1992 г. Сборник документов. – М.: Международные отношения. – 1992.
70. Дейтонское соглашение // Международные организации и кризис на Балканах. – Т. 3.
71. «Декларация о критериях признания новых государств в Восточной Европе и СССР» // Югославия в огне .... – С. 192; «Декларация

- Югославии» // Югославия в огне: документы, факты. Комментарии (1990–1992). – Т. 1. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., – 1992.
72. «Декларация США–ЕС о признании югославских республик» // Югославия в огне: документы, факты, комментарии (1990–1992). – Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. – М.: Экспертинформ, 1992.
73. Декларация о Гос-суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9038679>
74. Декларации СБСЕ по Югославии // Югославия в огне: документы, факты. Комментарии (1990–1992). – Т. 1. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 1992.
75. Договор о правопреемстве в отношении государственного долга и активов Союза ССР от 4 декабря 1991 г. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901777444>
76. Доклад подкомиссии в соответствии с резолюцией. Положение в области прав человека в Косове // Документы ООН. E/CN.4/Sub.2/1996/L.4. 14 августа 1996 г.
77. Заседания Генеральной Ассамблеи по случаю 50-й годовщины ООН (22 октября 1995 г. ) // Внешняя политика России. Сборник документов 1995. – М., 2000.
78. Заявление Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина по вопросам сокращения и ограничения вооружений (29.01.1992 г.) // Дипломатический вестник. – М., – № 4–5. – 29 февраля–15 марта 1992 г.
79. Заявление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации о расширении НАТО на Восток, 25 октября 1995 г.// Дипломатический вестник. – М., – 1995. – № 12.
80. Заявления МИД России, 31 августа, 5 сентября, 12 сентября 1995 г. // Дипломатический вестник. – М., – 1995. – № 10.
81. Заявление представителя МИД РФ (12 ноября 1994 г.) // Дипломатический вестник. – М., – 1994. – № 17.

82. Заявление Советского правительства (2 августа 1991 г.) // Югославский кризис и Россия. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 1993.
83. Заявление МИД СССР (26 июня 1991 г.) // Югославский кризис и Россия. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 1993.
84. Заявление представителя МИД РФ (2 марта 1998 г.) // Дипломатический вестник. – М., – 1998. – № 4.
85. Заявление представителя МИД РФ (29 января 1999 г.) // Дипломатический вестник. – М., – 1999. – № 2.
86. Заявление Президента РФ Б.Н. Ельцина (24 марта 1999 г.) // Дипломатический вестник. – М., – 1999. – № 4.
87. Заявление представителя МИД РФ (13 апреля 1999 г.) // Дипломатический вестник. – М., – 1999. – № 5.
88. Заявление МИД РФ (21 апреля 1999 г.) // Дипломатический вестник. – М., – 1999. – № 5.
89. Из интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, опубликованного в газете «Время новостей» 18 мая 2004 г. под заголовком «Мы не хотим, чтобы американцы потерпели поражение в Ираке». – URL: [https://www.mid.ru/ru/foreign\\_policy/rso/1592035/?TSPD\\_101\\_R0=08765fb817ab20005ea69154e934c731d503827cbbf86600c4ec3a80e2fd128e5ede0ffb3447c7350800b3c9aa143000b892215b6522f5879f947220e3d419c70fb194c5fe2b4d94e9d912a1576d456ac8557658680d5eec337f7542f01921](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1592035/?TSPD_101_R0=08765fb817ab20005ea69154e934c731d503827cbbf86600c4ec3a80e2fd128e5ede0ffb3447c7350800b3c9aa143000b892215b6522f5879f947220e3d419c70fb194c5fe2b4d94e9d912a1576d456ac8557658680d5eec337f7542f01921)
90. Из заявления Президента США о признании бывших югославских республик // Югославия в огне: документы, факты. Комментарии (1990–1992). – Т. 1. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 1992.
91. Из заявления Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (9 марта 1993 г.) // Югославский кризис и Россия. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 1993.
92. Из Конституции Республики Хорватии (1990) / Словения. Путь к самостоятельности. Документы / Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 2001.

93. Из Конституции Республики Хорватии (1990) / Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 1992.
94. Из модели конфедеративного устройства Югославии, предложенной Словенией и Хорватией (1990 г.) / Словения. Путь к самостоятельности. Документы / Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 2001.
95. Из Послания Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина Федеральному собранию от 16 февраля 1995 г. // Дипломатический вестник. – М., –1995. – № 3.
96. Из декларации о суверенитете. Словения (2 июля 1990 г.) // Югославия в огне. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 1992.
97. К реализации Дейтонских соглашений // Дипломатический вестник. – М., – 1996. – № 1.
98. Конституция Федеративной Народной Республики Югославии. – М., 1947.
99. Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 г./ Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4-х томах / Ред.-сост. Т.А. Шаклеина. – Т. IV. Документы. – М.: МГИМО(У) МИД России. Российская ассоциация международных исследований. АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2002.
100. Кэмп-Дэвидская декларация Президента Буша-старшего и Президента Б.Н. Ельцина о новых отношениях // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4-х т. / Сост. Т.А. Шаклеина. – Т. IV. – М. 2002.
101. Майская декларация, 8 мая 1989 г. / Словения. Путь к самостоятельности. Документы / Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 2001.
102. Мировое сообщество и интернационализация Югославского кризиса // Югославия в огне: документы, факты. Комментарии (1990–1992). – Т. 1. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 1992.

103. Послание Президента РФ (7 апреля 1999 г.) // Дипломатический вестник. – М., – 1999. – № 5.
104. Постановление ГД (1 декабря 1994 г.) // Ведомости Федерального Собрания РФ. – М., – 1994. – № 15.
105. Пресс-конференция Президента РФ Б.Н. Ельцина по завершении заседания Совета Безопасности ООН на высшем уровне (1 февраля 1992 г.) // Внешняя политика России. Сборник документов 1990–1992. – М., 1996.
106. Пресс-конференция специального представителя президента РФ В.И. Чуркина (19 апреля 1993 г.) // Дипломатический вестник. – М., 1992. – № 9–10.
107. Письмо постоянного представителя Югославии при ООН от 26 ноября 1991 г. на имя Председателя Совета Безопасности // Документ ООН. - S/23240.
108. Письмо временного поверенного в делах, постоянного представителя в Югославии при Организации Объединенных Наций от 17 марта 1999 г. на имя Председателя Совета Безопасности / Документы ООН S/1999/292.
109. Письмо от 16 мая 1993 г. на имя Председателя Совета Безопасности // Меж-организации и кризис на Балканах: документы. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – Т. 2. – М., 2000.
110. Примаков Е.М. Выступление в общей дискуссии на 52-й сессии ГА ООН (23 сентября 1997 г., Нью-Йорк) // Дипломатический вестник. – М., – 1997. – № 10.
111. Резолюция 752 (1992) от 15 мая 1992 г. / Документ ООН. -S/RES/752
112. Резолюция 1160 (1998), принятая Советом Безопасности ООН на 3868-м заседании, 31 марта 1998 г.
113. Резолюция Скупщины Республики Косова (22 сентября 1991 г.) пер. И.В. Ануфриевой / Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. – Т.1. (1878–1997 гг.). – М., – 2006.

114. Резолюция 943 (23 сентября 1994 г.) // Меж-организации и кризис на Балканах. Документы. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – Т. 1. – М., 2000.
115. Резолюция СБ ООН № 1160. – URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1998>
116. Смирнов П.С. Российская Федерация: внешние долги и активы / Дипломатический вестник. – М., – 1996. – № 11.
117. Совместная пресс-конференция Президентов России и США (3 января 1993 г.) // Внешняя политика России. Сборник документов 1993. – Кн. 1. – М., 2000.
118. Совместная пресс-конференция Министра иностранных дел А.В. Козырева и Государственного секретаря США У. Кристофера (22 октября 1993 г.) // Внешняя политика России. Сборник документов 1993. – Кн. 2. – М., 2000.
119. Совместная российско-польская декларация (25 августа 2001 г.) // Внешняя политика России. Сборник документов 1993. – Кн. 2. – М., 2000.
120. Совместная пресс-конференция Министра иностранных дел И.С. Иванова и Начальника Генштаба ВС РФ, первого заместителя министра обороны, генерала армии А.В. Квашнина (24 марта 1999 г.) // Дипломатический вестник. – М., – № 4.
121. Указ Президента Российской Федерации от 5 мая 2003 г. № 400.
122. Хорватия (25 июня 1991 г.) // Югославия в огне. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. – М.: Экспертинформ, 1992. - 372 с.
123. Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. – М., 1993.

***Мемуары:***

124. Ельцин Б.Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. - 426 с.
125. Иванов И.С. Внешняя политика России и мир. – М., 2000. - 350 с.
126. Козырев А.В. Стратегия партнерства // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–2002). – Т. 1. – М.: РОССПЭН, 2002.
127. Козырев А.В. Преображение или кафкианская метаморфоза // Независимая газета. – М., 1992. 20 августа.
128. Олбрайт М. Госпожа Госсекретарь: Мемуары. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. - 687 с.
129. Примаков Е.М. Годы в большой политике. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. - 448 с.
130. Черномырдин В.С. Вызов. – М.: Московский писатель, 2005. - 613 с.
131. Albright M. The Mighty and the Almighty: Reflections on America, God, and World Affairs. – New York, 2007. - 368 p.
132. Baker J. Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace. 1989–1992. – New York, 2002 / 1995. - 687 p.
133. Clinton B. My life. – New York, 2004. - 957 p.
134. Holbrooke R. To End a War. – New York, 1998. - 464 p.

***Электронные ресурсы******Сайты организаций:***

136. Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru>
137. Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>



138. Президент РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru>
139. IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors / International Monetary Fund (IMF). – Режим доступа: <https://www.imf.org/en/About/executive-board/members-quotas>
140. National Endowment for Democracy (NED). – Режим доступа: <https://www.ned.org>
141. The Council of Europe. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/portal>
142. The European Union. – Режим доступа: [https://european-union.europa.eu/index\\_en](https://european-union.europa.eu/index_en)
143. U.S. Agency for International Development (USAID). – Режим доступа: <https://www.usaid.gov>
144. U.S. Department of State (архивный сайт). – Режим доступа: <https://www.state.gov>
145. United Nations Interim Administration Mission in Kosovo. – Режим доступа: <https://peacekeeping.un.org/en/mission/unmik>

***Сайты информационных агентств:***

146. Вести.RU. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru>
147. РИА Новости: Сетевое издание. – Режим доступа: <https://ria.ru>
148. Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru>
149. ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru>
150. REGNUM. – Режим доступа: <https://regnum.ru>
151. BBC. – Режим доступа: <https://www.bbc.co.uk/news>

## Литература

152. Абрамов А.В. Подходы к урегулированию этнополитических и этноконфессиональных конфликтов на постъюгославском пространстве: дисс. ... к.п.н.: 23.00.02 / А.В. Абрамов. – М., 2006. - 180 с.
153. Адамишин А.Л. Югославская прелюдия // Россия в глобальной политике. 2013. 31 августа. – URL: <https://globalaffairs.ru/number/Yugoslavskaya-prelyudiya-19203>
154. Бажанов Е.П. Эволюция российской внешней политики (1991–1999). // Дипломатический ежегодник. – М., 1996.
155. Балканы: между прошлым и будущим / Редкол.: Язькова А.А. и др. – М., 1995. - 222 с.
156. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах XX веке / Н.В. Васильева, В.А. Гаврилов, В.А. Миркишин. – М., 2005. - 432 с.
157. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций / Э.Я. Баталов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. - 376 с.
158. Батюк В.И. Режимы в российско-американских отношениях // Политические процессы в современном мире: Стратегические измерения. – Вестник РУДН. – сер. Политология. – № 3. - С. 52–56.
159. Батюк В.И. Первые пять лет российско-американских отношений // США: экономика, политика, идеология. – № 4. – 1997. - С. 47–60.
160. Батюк В.И. Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «Холодной войны» / РАН. Ин-т США и Канады. – М.: Прометей, 2008. - 212 с.
161. Батюк В.И. НАТО и Российская Федерация: Эволюция взаимоотношений // Вестник МГУ. – Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2020. – № 1. - С. 3–31.

162. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998. - 254 с.
163. Бобров А.К. Концептуальные основы внешней политики России: Монография / А.К. Бобров. – М.: Аспект Пресс, 2021. 222 с.
164. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М.: НОФМО, 2002. 377 с.
165. Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы...2007. – № 1. Январь–апрель. - С. 54–69.
166. Бордачев Т.В. Теория международных отношений в XXI веке: учебник / Т.В. Бордачев, Е.С. Зиновьева, А. Б.Лихачева. – М.: Международные отношения, 2015. - 232 с.
167. Васильева Н.В., Гаврилов В.А. Балканский тупик? – М.: Гей итэрум, 2000. - 476 с.
168. Виноградов В.Н. Об исторических корнях «горячих точек» на Балканах // Новая и новейшая история. – 1993. – № 4. - С. 3–12.
169. Внешняя политика России. 1991–2016: коллективная монография/ Шаклеина Т.А., Панов А.Н., Булатов А.С. и др.; ред. А.В. Торкунова. – М.: МГИМО, 2017. - 538 с.
170. Внешняя политика США: принципы формирования и закономерности реализации: в 2-х т. / под ред. Колобова О.А. – Нижний Новгород, 2008. - 467 с.
171. Внешняя политика и безопасность современной России (1991–2002). Хрестоматия в 1 т. / Редкол.: Арбатов Г.А. и др., сост. Т.А. Шаклеина. – М., 2002. – URL: <https://mgimo.ru/files/17873/17873.pdf>
172. Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998). Хрестоматия в 2 т. – Т. 1. – Кн. 1 / Сост. Т.А. Шаклеина. – М.: МОНФ, 1999. - С. 193–203.
173. Волков В.К. Дейтонское соглашение в действии: надежды и сомнения // Обозреватель. – № 5–6. – М., 1997.

174. Волков В.К. «Новый мировой порядок» и Балканский кризис 90-х годов // Новая и новейшая история. – М. – 2002. – № 2. – URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VOLKOV.HTM>
175. Волков В.К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. – М. – 1994. – № 4. - С. 3–32.
176. Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. – М.: Индрик, 2000. - 367 с.
177. Волков В.К. Гибнанский Л.Я. Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией // Вопросы истории. – М. – 1988. – № 7. - С. 3–22.
178. Вукоманович Д. Косовский кризис: управление этническим конфликтом (1981–1999) // Сербия о себе. – М.: Европа. – 2005. - С. 161–200.
179. Голдгейр, Дж., Макфол, М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». – М.: Международные отношения, 2009. - 519 с.
180. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1987. - 271 с.
181. Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М.: Индрик, 2013. - 310 с.
182. Гуськова Е.Ю. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. – М.: Индрик, 2006. Т. 1: 1878–1997 гг.; 2007. Т. 2: 1998–1999 гг.; 2008. Т. 3. 2000–2005 гг.; 2011. Т. 4: 2006–2010 гг. – 312 с.; 384 с.; 376 с.; 512 с.
183. Гуськова Е.Ю. Андрей Козырев – очень нужная Западу фигура // Свободная мысль. –М. – 2021. – № 6. - С. 161–174.
184. Гуськова Е.Ю. Балканский кризис и безопасность России // Российское аналитическое обозрение. – 1996. – № 3.
185. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). – М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. - 720 с.

186. Гуськова Е.Ю. Международные столкновения, война в Хорватии, Боснии и Герцеговине / Югославия в огне: документы, факты, комментарии (1990–1992) / Отв. редактор Е.Ю. Гуськова. – М.: Экспертинформ, 1992. - 372 с.
187. Гуськова Е.Ю. Последствия международных санкций для Югославии // Страны Центральной и Восточной Европы на пороге XXI века. – М., 1999. - С. 108–124.
188. Гуськова Е.Ю. Противостояние Думы и МИД России по Югославии (1994 г.) // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – М. – 2022. – № 2. - С. 107–116.
189. Гуськова Е.Ю. Урегулирование на Балканах: От Бриони до Дейтона (мирные планы 1991–1995). – М.: ИНИОН, 1998. - 68 с.
190. Гуськова Е.Ю. Югославия: необъявленная война. – М.: Владимир Даль, 2020. - 512 с.
191. Гуськова Е.Ю., Карасев А.В. Балканская трагедия: 90-е годы XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе. – М., 1994. - С. 292–315.
192. Дворкин В.З. Краткие комментарии к прекращению действий программы Нанна–Лугара// Московский центр Карнеги. 2015. 6 февраля. – URL: <https://carnegie.ru/2015/02/06/ru-pub58994>
193. Дворкин В.З. Ядерное сдерживание: взгляд в будущее // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3. – № 4.
194. Казанцев Ю.И. Международные отношения и внешняя политика России. – Ростов-на-Дону, Новосибирск. 2002. - 350 с.
195. Караганов С.А. Кто правит миром? Готова ли Россия к международным отношениям в условиях глобализации // Московские новости. – 2001. – № 6.
196. Керестеджиянц Т.В. Югославская трагедия // Международная жизнь. 2008. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/materialЭЁ/1301>
197. Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. Верченко Владислав Николаевич. – М.: АСТ, 2021. - 896 с.

198. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. - 486 с.
199. Козырев А.В. Преображение. – М.: Международные отношения, 1994. 1995. - 333 с.
200. Козырев А.В. Демократическая внешняя политика и ее приоритеты // Югославский кризис и Россия. Под ред. Е.Ю. Гуськовой. – М., 1993.
201. Коновалов А.А. Как Россия и США «потеряли» друг друга // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 7. - С. 3–14.
202. Косовский конфликт в балканском политическом контексте: международные аспекты кризиса / Под ред. Тренина Д. и Степановой Е.М., 1999.
203. Колот Б. Векторы политики США на Балканах в 1990-х гг. // Вестник МГУ. – Сер. 8: История. – 2020. – № 6. - С. 102–115.
204. Колот Б. Турецко-российские отношения на Балканах после Холодной войны: Общий интерес или конкуренция? // Человеческий капитал. – 2021. – № 2 (146). - С. 22–31.
205. Колот Б. Балканская политика Турции и США в рамках кризисов в Боснии и Косово // Клио. – № 10 (166). – 2020. - С. 44–52.
206. Колот Б. Изменение балканской политики Турции в период правления Партии Справедливости и Развития: Эффект А. Давутоглу // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 2. - С. 1–11.
207. Кортунув С.В. Контроль за вооружениями и интересы России. – М.: Московский общественный научный фонд, 1997. - 214 с.
208. Косов Ю. Мировая политика и международные отношения. Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров / Ю.П. Косов. – СПб.: Питер, 2012. - 384 с.
209. Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Тренина Д. и Степановой Е. – М.: Центр Карнеги, 1999. - 308 с.

210. Кулматов К.Н. Актуальные проблемы российской внешней политики. – М.: Научная книга, 1999.
211. Лавров С.В. Политический тяжеловес // Наш Примаков / ИМЭМО РАН. Под ред. Н.И. Ивановой. – М.: Магистр, 2016. - С. 33–44.
212. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии // 2 изд. – М.: Аспект Пресс, 1999. - 270 с.
213. Мазур Л.Н. Методы исторического исследования. – Екатеринбург. 2010. - 606 с.
214. Манькин А.С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Введение в теорию международных отношений. Учебное пособие / Отв.ред. А.С. Манькин. – М.: МГУ, 2001. - С. 11–41.
215. Манькин А.С., Степанова Е. Формирование новой системы международных отношений и югославский кризис // На рубеже веков / МГУ им. Ломоносова, Белградский ун-т. 1997. - С. 55–63.
216. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. Т. 1. – М.: Государство, 2015. - 743 с.
217. Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1–2, 3. М.: Индрик, 2000. - 496 с.; 288 с. – URL: [https://inslav.ru/images/stories/pdf/2000\\_Mezhdunarodnye\\_organizacii\\_i\\_krizis\\_na\\_Balkanax\\_1-2.pdf](https://inslav.ru/images/stories/pdf/2000_Mezhdunarodnye_organizacii_i_krizis_na_Balkanax_1-2.pdf),  
[https://inslav.ru/images/stories/pdf/2000\\_Mezhdunarodnye\\_organizacii\\_i\\_krizis\\_na\\_Balkanax\\_3.pdf](https://inslav.ru/images/stories/pdf/2000_Mezhdunarodnye_organizacii_i_krizis_na_Balkanax_3.pdf)
218. Неймарк М.А. Эволюция внешнеполитической стратегии России. – М.: Проспект, 2020. - 319 с.
219. Никитин А.И. Вмешательство в конфликты с применением военной силы // Мир и согласие. – 2004. – № 19. - С. 24–27.
220. Никитин А.И. Миротворческие операции: концепции и практика / А. И. Никитин; Моск. обществ. науч. фонд; Центр полит. и междунар. исследований. – М., 2000. - 188 с.

221. Никифоров К.В. Боснийский кризис и позиция России: 1992–1995: дисс. ... д.и.н. / Никифоров К.В. – М., 2000. - 324 с.
222. Никифоров К. В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). – М.: Институт славяноведения РАН, 1999. - 262 с.
223. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США / В.О. Печатнов, А.С. Манькин. – М.: Международные отношения, 2012. - 672 с.
224. Примаков Е.М. Годы в большой политике. – М.: Совершенно секретно. 1999. - 448 с.
225. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: Проблемы, перспективы // Международная жизнь. – М. – 1996. – № 10. - С. 3–13.
226. Примаков Е.М. Постиндустриальная эпоха: вызов российским политикам // Мировая экономика и международные отношения. – М. – 2001. – № 3. - С. 45–53.
227. Примаков Е.М. Россия в мировой политике // Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. – М., 1998. - 403 с.
228. Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США: Итоги первого срока администрации Буша / Под ред. Т.А. Шаклеиной. – М.: ИСКРАН, 2005. - 229.
229. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. – М.: Кругъ, 2011. - 559 с.
230. Романенко С.А. Югославия: История возникновения. Кризис, Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX в. – М.: МОНФ, 2000. - 495 с.
231. Романенко С.А., Улунян А.А. Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла // Pro et Contra. – 2001. – Т. 6. – № 4.



232. Романенко С.А. Югославский Рубикон // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 1. - С. 138–163.
233. Россия и США после «холодной войны» / Отв. ред. В.А. Кременюк. – М., 1999. - 141 с.
234. Румянцева М.Ф. Теория истории. – М.: Рос. АН. Ин-т США и Канады, 2002. - 316 с.
235. Самуйлов С.М. США, НАТО, Россия и боснийский кризис // США: экономика, политика, идеология. – М. – 1995. – № 7. - С. 16–31.
236. Сетов Р. А. Современный миропорядок и государственные интересы России. – М.: Три квадрата, 2010. - 386 с.
237. Смирнов П. «Марс теснит Венеру». Перестройка союзнических приоритетов США // Международная жизнь. – М. – 2003. – № 6. - С. 53–68.
238. Степанова Е. Политика США в отношении косовского конфликта // Косово: международные аспекты кризиса. – М., 1999. - С. 158–211.
239. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. - 575 с.
240. Тэлботт С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. – М.: Городец, 2003. - 507 с.
241. Тягуненко Л.В. Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века. Природа югославского кризиса // Новая новейшая история. – М. – 2001. – № 3.
242. Уткин А.И. Американская империя. – М.: Эксмо Алгоритм, 2003. - 734 с.
243. Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. – М.: Логос, 2000. - 270 с.
244. Фененко А.В. Балканский кризис и российские внешнеполитические приоритеты // Pro et Contra. – 2001. Осень. - С. 59–73.
245. Хобсбаум Э. После победы в войне. Соединенные Штаты: все шире и шире. Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. – 2003. – № 1/36. - С. 97–104.

246. Хозин Г.С. Глобализация международных отношений: объективная тенденция или стратегия США. США ЭПИ 1. 2000. - 6 с.
247. Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебник для вузов / П.А. Цыганков [и др.]; под редакцией П.А. Цыганкова. – М.: Юрайт, 2023. - 317 с.
248. Шаклеина Т.А. Дискуссии в США по внешней политике // США, Канада: экономика, политика, идеология. – 1999. –№ 12. –URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/85d/85d321784bb2c8b73edb5747fda2eeae.pdf>
249. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссия в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). – М.: Институт США и Канады РАН, 2002. - 443 с.
250. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике [Электронный ресурс] / Шаклеина Т.А. – М.: Аспект Пресс, 2017. - 336 с. -ISBN 978-5-7567-0888-2- Режим доступа: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785756708882.html>
251. Шмелев Б.А. Россия и югославский кризис // Балканы: между прошлым и будущим / Под ред. Язьковой А.А. и др. – М., 1995.
252. Энгельгардт Г.Н. Республика Сербская по Дейтонским соглашениям // Славяноведение. – М. – 1997. – № 3. - С. 63–75.
253. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Под ред. Никифорова К.В. – М.: Индрик, 2011. - 888 с. URL: [https://inslav.ru/images/stories/pdf/2011\\_Jugoslavija\\_v\\_XX\\_veke.pdf](https://inslav.ru/images/stories/pdf/2011_Jugoslavija_v_XX_veke.pdf)
254. Ямбаев М. Вооруженный конфликт 2001 г. в Македонии и развитие политической ситуации в стране и регионе // Славяноведение. – М. – 2005. – № 3. - С. 106–111.
255. Adomeit H. Inside or Outside? Russia's Policies towards NATO. Elena Wilson Rowe and Stive Torjesen (eds.). The Multilateral Dimension in Russian Foreign Policy. – London and New York: Routledge, 2009. - P. 97–120.

256. Anderson S. EU, NATO and CSCE Responses to the Yugoslav Crisis: Testing Europe's New Security Architecture // *European Security*. – Vol. 4. – Issue 2. – 1995. - P. 328–353.
257. Antonenko O. Russia, NATO and European Security after Kosovo // *Survival*. – Vol. 41. – № 4. – Winter 1999–2000. - P. 124–144.
258. Antonenko O. Russia and the Deadlock over Kosovo // *Survival*. – Vol. 49. – № 3. – Autumn 2007. - P. 91–106.
259. Arbatov A. The Transformation of Russia's Military Doctrine in the aftermath of Kosovo and Chechnya // *Russia between East and West: Russian Foreign Policy on the Threshold of the Twenty-First Century*. Gabriel Gorodetsky (ed). – London: Frank Cass, 2003. - P. 27–31.
260. Arbatov A. Russia's Foreign Policy Alternatives // *International Security*. – Vol. 18. – № 2. – Autumn 1993. - P. 5–43.
261. Arbatova N.A. European Security after the Kosovo Crises: The Role of Russia // *Southeast European and Black Sea Studies*. – Vol. 1. – № 2. – May 2001. - P. 64–78.
262. Atiyas N.B. Mediating Regional Conflicts and Negotiating Flexibility: Peace Efforts in Bosnia-Herzegovina // *Annals of American Academy of Political and Social Science* – Vol. 542. Flexibility in International Negotiation and Mediation – November. 1995. - P. 185–211.
263. Averre D. From Pristina to Tskhinvali: The Legacy of Operation Allied Force in Russia's Relations with West // *International Affairs*. – Vol. 85. – № 3. – 2009. - P. 575–591.
264. Baev P.K. Russian Perceptions of States Failure and Russia's Involvement with Fragile States // *Canadian Foreign Policy Journal*. – 2006. – № 2. - P. 167–179.
265. Baker III J.A. with DeFrank T.M. *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace 1989–1992*. – New York. 1995. - 687 p.

266. Bakshi J. Russia's National Security Concepts and Military Doctrines: Continuity and Change // *Strategic Analysis*. – Vol. 24. – № 7. – 2000. - P. 1267–1284.
267. Bando Doug. US Policy toward Kosovo: Sowing the Wind in the Balkans, Reaping the Whirlwind in the Caucasus // *Mediterranean Quarterly*. 2009. - P. 15–20.
268. Banks W.C., Straussman J.D. A New Imperial Presidency? Insights from U.S. Involvement in Bosnia // *Political Science Quarterly*. 1999. 114/2. -P. 195–217.
269. Baranovsky V. The Kosovo Factor in Russia's Foreign Policy // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. – 2000. – Vol. 35. – № 2. - P. 113–130.
270. Baum M.A. How Public Opinion Constrains the Use of Force: The Case of Operation Restore Hope // *Presidential Studies Quarterly*. 2004. 34/2. - P. 187–226.
271. Bennett C. Yugoslav bloody collapse. Causes, Course and Consequences. – New York, University Press Washington Square, 1996. - 296 p.
272. Bert W. Reluctant Superpower: United States's Policy in Bosnia 1991–95. – Palgrave Macmillan, 1997. - 321 p.
273. Blank S., Johnsen W., Tilford E.H. U.S. Policy in the Balkans: A Hobson's Choice // *Strategic Studies Institute*. U.S. Army War College. DIANE Publishing, 1995. - P. 22–30.
274. Bogdani M., Loughlin J. Albania and the European Union: The Tumultuous Journey Towards Integration, I.B. Tauris. – New York. 2007. - 108 p.
275. Bora T. Yugoslavya: Milliyetçiliğin Provokasyonu. Birikim yayınları, – İstanbul. 1991. - 256 s.
276. Booth Ken. Kosovo Tragedy: The Human Rights Dimensions, Routledge. – New York. 2001. - 398 p.
277. Bowen W. and Dunn D. American Security Policy in the 1990s: Beyond Containment. Aldershot: London, Dartmouth Publishing. 1996. - 202 p.

278. Bowker M. The Wars in Yugoslavia: Russia and the International Community // *Europe–Asia Studies*. 1998. 50/7. - P. 1245–1261.
279. Bowker M. Russian Policy Toward Central and Eastern Europe. Peter Shearman (ed). *Russian Foreign Policy Since 1990*. Boulder: Westview Press. 1995. - P. 71–92.
280. Brinkley D. Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // *Foreign Policy*. – № 106. – Spring 1997. - P. 110–128.
281. Broun A. Russian Foreign Policy towards Central Europe and the Balkans // *The Foreign Policy of the Russian Federation*. Roger E. Kanet and Alexander Kozhemiakin (eds.). – New York. St. Martin's Press, Inc., 1997. - P. 49–77.
282. Brudenell A.M. Russia's Role in the Kosovo Conflict of 1999 // *RUIS*. Vol. 153. – № 1. – February 2008. - P. 30–34.
283. Brovkin V. Discourse on NATO in Russia during the Kosovo War // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* – Vol. 7. – № 4. – Fall 1999. - P. 544–560.
284. Buckley M. Russian Foreign Policy and Its Critics // *European Security*. – Vol. 11. – № 4. – 2002. - P. 29–46.
285. Bush G. Scowcroft D. *A World Transformed*. – New York. 2004. - 997 p.
286. Calic M. *German Perspectives // International Perspectives on the Yugoslav Conflict*. Palgrave Macmillan. – London. 1996. - P. 52–75.
287. Carr E.H. *Nationalism: A Report by A Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs*. Oxford University Press for the RIIA. – London. 1939. - 346 p.
288. Chossudovsky M. *The Globalization of Poverty and the New World Order*. – Global Research. 2003. - 376 p.
289. Christopher W. America's leadership, America's opportunity // *Foreign Policy*. 98. 1995.

290. Christopher W. New Steps Toward Conflict Resolution in the Former Yugoslavia // U.S. Department of State Dispatch. – Feb. 15. – 1993. – Vol. 4. - P. 87–88.
291. Crabb C., Cowdrey A. The Doctrines of American Foreign Policy: Their Meaning, Role and Future. Louisiana State University Press, 1982. - 446 p.
292. Çiftçi K. Soğuk Savaş Sonrasında ABD: ‘Rıza’ya Dayalı ‘Hegemonya’dan ‘İmparatorluk’ Düzenine // ZKÜ Sosyal Bilimler Dergisi. – 2009. – Vol. 5. – № 10. - S. 203–219.
293. Cohen E. Kosovo and the New American Way War // War Over Kosove: Politics and Strategy in Global /Edited by A. Bacevich, E. Cohen. – Columbia University Press. 2001. - H. 38–62.
294. Cohen E. Embattled Democracy: Post Communist Croatia in Transition. Politics, Power, And the Struggle for Democracy in South-East Europe. – Cambridge University Press, 1997. - P. 69–121.
295. Coll A.R. America as the grand facilitator // Foreign Policy. 87. 1992. - P. 47–65
296. Compert D. The United States and Yugoslavia's Wars // The World and Yugoslavia's Wars / Edited by R. Ullman. Council on Foreign Relations Press. 1996. - P. 122–144.
297. Cox M. US Foreign Policy after the Cold War: Superpower Without a Mission? – London. Royal Institution of International Affairs, 1995. - 148 p.
298. Cross S. Russia and NATO toward the Twenty-First Century: Conflicts and Peacekeeping in Bosnia-Herzegovina and Kosovo // The Journal of Slavic Military Studies. – 2002. – Vol. 15. – № 2. - P. 1–58.
299. D’Anieri P. Russian Foreign Policy: Continuity, Revolution and the Search for Status. Ryan K. Beasley et al. (eds.). Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior. – Washington: CQ Press, 2002. - P. 95–120.
300. Daalder I. Getting to Dayton: The Making of America’s Bosnian Policy. – Brookings Institution Press, 2000. - 189 p.

301. Daalder I., O'Hanlon M. *Winning Ugly: NATO's War to Save Kosovo*. – Brookings Institution Press, 2000. - 359 p.
302. Dempsey G. *Washington's Kosovo Policy: Consequences and Contradictions // Policy Analysis*. – 1998. – № 321. – URL: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa321b.pdf>
303. Diamond L. *Promoting Democracy // Foreign Policy*. – № 87. – Summer 1992. - P. 25–46.
304. Dizdarevic F. *La Bosnie-Herzégovine: Situation e Perspectives // Politique Etrangère*. – № 1. – 1994. - P. 171–177.
305. Dumbrell J. *Was There a Clinton Doctrine? President Clinton's Foreign Policy Reconsidered // Diplomacy & Statecraft*. – Vol. 13. – № 2. – June 2002. - P. 43–56.
306. Dunn K. *Historical representations // Qualitative Methods in International Relations. A pluralist Guide / Ed. by Klotz A., Prakash D.* – New York. 2009. - P. 78–92.
307. Emiroğlu H. *Soğuk Savaş Sonrası Kosova Sorunu*. Orient Yayınları. – Ankara. 2006. - 544 s.
308. Eribo F. *Russian Newspaper Coverage of Somalia and The Former Yugoslavia // A journal of Opinion*. – Vol. 22. – № 1. – Winter–Spring 1994. - P. 30–34.
309. Evans G. *The Vision Thing: In Search of the Clinton Doctrine // The World Today*. – Vol. 53. – № 8. – August/September 1997. - P. 213–216.
310. Fatic A. *A Strategy Based on Doubt: Russia Courts Southeast Europe // Contemporary Security Policy*. – Vol. 31. – № 3. – 2010. - P. 441–464.
311. Forsberg T. *Russia's Relationship with NATO: A Qualitative Change or Old Wine in New Bottles? // Journal of Communist Studies and Transition Politics*. – Vol. 21. – № 3. – September 2005. - P. 332–353.
312. Fried D. *Kosovo: The Balkans' Moment of Truth? // The DISAM Journal* – Vol. 30. – № 2. - P. 102–107.

313. Fromkin D. Kosovo Crossing: American Ideals Meet Reality on the Balkan Battlefields. Touchstone Books. – New York. 2002. - 224 p.
314. Frye A. The New NATO and Relations with Russia // Journal of Strategic Studies. – Vol. 23. – № 3. – 2000. - P. 92–110.
315. Fukuyama F. The End of History // The National Interest. – Issue 16. – Summer 1989. - P. 3–18.
316. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. Penguin. – New York. 2020. - 464 p.
317. Gallagher T. The Balkans After the Cold War: From Tyranny to Tragedy. Routledge. – London. 2003. - 264 p.
318. Gallagher T. Outcast Europe: The Balkans, 1789–1989. From the Ottomans to Milosevic. – New York. 2001. - 336 p.
319. Gibbs D. First Do No Harm: Humanitarian Intervention and the Destruction of Yugoslavia. – Vanderbilt University Press. 2009. - 327 p. – URL: <https://www.nato.int/docu/update/2003/07-july/e0702a.htm>
320. Glenda S. Trieste: Ethnicity and the Cold War, 1945–1954 // Journal of Contemporary History. – 29 (2). – 1994. - P. 285–303.
321. Glenny M. The Balkans: Nationalism, War & the Great Powers. 1804–1999. Penguin Books. Illustrated edition. – Toronto. 2012. - 800 p.
322. Glenny M. The Rebirth of History: Eastern Europe In the Age Of Democracy. Penguin. – New York. 1993. - 288 p.
323. Gorbachev M. Russia Never Wanted a War// New York Times. – 20 August 2008. – URL: <https://www.nytimes.com/2008/08/20/opinion/20gorbachev.html>
324. Guskova Y. The Role of Russia // America's Intervention in the Balkans, A Collection of Papers Presented at The Lord Byron Foundation's Third Annual Conference Devoted to U.S. Policy in Southeast Europe Held in Chicago in March 1997. The Lord Byron Foundation for Balkan Studies. 1997. - P. 44–49.



325. Haass R. Fatal Distraction: Bill Clinton's Foreign Policy // Foreign Policy. – № 108. – Fall 1997. - P. 112–123.
326. Haass R. The Squandered Presidency // Foreign Affairs. – Vol. 79. – № 3. – May/June 2000. - P. 136–141.
327. Hammond P., Nizamova L., Savelieva I. Consensus and Conflict in the Russian Press. Philip Hammon and Edward S. Herman (eds.), Degraded Capability: The Media and the Kosovo Crisis. – London: Pluto Press, 2000. - P. 177–184.
328. Henriksen D. NATO's Gamble: Combining Diplomacy and Airpower in The Kosovo Crisis: 1998–1999. – Naval Institute Press. Annapolis. 2007. - 304 p.
329. Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. – Cambridge University Press. Second ed. 1992. - 212 p.
330. Hunter R. Starting at Zero: U.S. Foreign Policy for the 1990s. – URL: [http://mitp-content-server.mit.edu:18180/books/content/sectbyfn?collid=books\\_pres\\_0&id=6953&fn=9780262680745\\_sch\\_0001.pdf](http://mitp-content-server.mit.edu:18180/books/content/sectbyfn?collid=books_pres_0&id=6953&fn=9780262680745_sch_0001.pdf)
331. Huntington S. The Clash of Civilizations and Remaking of World Order. – New York. 1991. - 353 p.
332. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs – 1993. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>
333. Huskey E. Presidential Power in Russia. Armonk. – New York. 1999. - 250 p.
334. Hutchings R.L. American Diplomacy and the End of the Cold War: An Insider's Account of US Policy in Europe. 19821992. – Washington D.C. The Woodrow Wilson Center Press, 1997. - 488 p.
335. Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. – Princeton University Press. Princeton and Oxford. 2001. - 320 p.

336. Izetbegovic A. The Islamic Declaration: A Programme of the Islamization of Muslims and Muslim Peoples (Republished Version). Sarajevo. 1990. – URL: <http://www.angelfire.com/dc/mbooks/Alija-IzetbegovicIslamic-Declaration-1990-Azam-dot-com.pdf>
337. Jelavich Ch. The Establishment of the Balkan National States: 1804–1920. – University of Washington Press. 1986. - 374 p.
338. Jentleson B.W. Who, Why, What and How: Debates over Post-Cold War Military Intervention. Eagle Adrift: American Foreign Policy at the End of the Century. Ed. by Robert J.Lieber. – New York: Longman, 1997. - 320 p.
339. Johnson R.J. Russian Responses to Crisis Management in the Balkans – How NATO’s Past Actions May Shape Russia’s Future Involvement // Democratizatsiya: The Journal of Post-Democratization. – Vol. 9. – № 2. 2002. - P. 292–309.
340. Johnstone D. Ahmakların Seferi: Yugoslavya, NATO ve Batının Aldatmacaları. (Çev. Emre Ergüven ve Ergin Bulut). – İstanbul. 2004. - 376 s.
341. Judah T. Kosovo: War and Revenge. Yale university Press. New Haven and London. 2000. - 416 p.
342. Kaplan R.D. The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post-Cold War. UK. Vintage Books. 2001. - 193 p.
343. Kaufman J. NATO and the Former Yugoslavia: Crisis, Conflict and the Atlantic Alliance. Rowman & Littlefield Publishers. 2002. - 256 p.
344. Kennan G. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. – Vol. 25. – № 4. – July 1947. - P. 566–582.
345. Kenar N. Bir Dönemin Perde Arkası Yugoslavya: Yugoslavya Sorununun Ulusal ve Uluslararası Boyutu, – Ankara. Palme Yayıncılık. 2005. - 642 s.
346. Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. – New York: Random House. 1987. - 704 p.

347. Kislyakov A. Russia to Overhaul Its Nuclear Missile Shield // Russia Beyond the Headlines. – Nov 2012. – URL: [https://www.rbth.com/articles/2012/11/01/russia\\_to\\_overhaul\\_its\\_nuclear\\_missile\\_shield\\_19657.html](https://www.rbth.com/articles/2012/11/01/russia_to_overhaul_its_nuclear_missile_shield_19657.html)
348. Klimenko Z.V. Russian Public Opinion and the Yugoslav Crisis – Parallels Between the Beginning and the End of the Twentieth Century // Russian Politics and Law. – Vol. 40. – № 4. – July–August 2002. - P. 30–43.
349. Kohen S. American Policy and Russia's Future; Illusion and Realities // The Nation. – Vol. 256/13. – 1993. - P. 54–98.
350. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. – Vol. 70/1. – 1990. - P. 23–33.
351. Krauthammer Ch. Unilateralism: The Unipolar Moment Revisited. American Foreign Policy: The Dynamics of Choice in the 21st Century. Edited by Bruce W. Jentleson. – New York. W.W. Norton and Company. 2007. - P. 5–17.
352. Kut Ş. Balkanlarda Kimlik ve Egemenlik. Bilgi Üniversitesi Yay. – İstanbul. 2005. - 260 s.
353. Lake A. Assistant to the President for National Security Affairs. The Purpose of American Power. Address to the Council on Foreign Relations. – Washington D.C. September 12. 1994. Department of State Dispatch. – Vol. 5. – Issue 38. – September 19. 1994.
354. Lake A. Confronting Backlash States // Foreign Affairs. – Vol. 73. – № 2. – March/April 1994. - P. 45–56.
355. Larrabee S.F. Long Memories and Short Fuses: Change and Instability in the Balkans // International Security. – 1991. 15/3. - P. 58–91.
356. Lampe J.R. and others. Yugoslav-American Economic Relations Since World War II. Duke University Press. 1990. - 264 p.
357. Lieber R.J. Eagle Without a Cause: Making Foreign Policy Without the Soviet Threat. Eagle Adrift: American Foreign Policy at the End of the Century. – New York: Longman, 2006. - 335 p.

358. Lukic R., Lynch A. Europe from the Balkans to the Urals, The disintegration of Yugoslavia and the Soviet Union. – New York: Oxford University Press, 1996. - 436 p.
359. Lundberg K. CIA and the Fall of the Soviet Empire: The Politics of “Getting it Right”. – URL: <https://lundbergcc.com/wp-content/uploads/2014/12/Fall-of-Sov-Union-final.pdf>
360. Macmillan M. Paris 1919: 1919 Paris Barış Konferansı ve Dünyayı Değiştiren Altı Ayın Hikayesi. Çev. Belkıs Dişbudak. ODTÜ Yayıncılık. – Ankara, 2001. - 482 s.
361. Makayrchev A. Russia in a Multipolar World: Role Identities and ‘Cognitive Maps’ // Revista CIDOB. D’afers Internationals. – № 96. – 2011. – URL: [https://www.cidob.org/en/articulos/revista\\_cidob\\_d\\_afers\\_internacionals/96/russia\\_in\\_a\\_multipolar\\_world\\_role\\_identities\\_and\\_cognitive\\_maps](https://www.cidob.org/en/articulos/revista_cidob_d_afers_internacionals/96/russia_in_a_multipolar_world_role_identities_and_cognitive_maps)
362. Malcolm N. Kosovo: A Short History. – London. New York University Press. 1998. - 544 p.
363. Mandelbaum M. America as the World’s Government: The Case for Goliath. American Foreign Policy: The Dynamics of Choice in the 21th Century. Edited by Bruce W. Jentleson. – New York: W.W. Norton and Company, 2007. - 320 p.
364. Mandelbaum M. A Perfect Failure: NATO's War against Yugoslavia // The Foreign Affairs. – September-October. 1999. – Vol. 78. 5. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/1999-09-01/perfect-failure>
365. Mandelbaum M. Foreign Policy as Social Work // Foreign Affairs. – Vol. 75. – № 1. – January/February 1996. - P. 16–33.
366. Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics. – Maryland: Rowman and Littlefield Publishers, 2009. - 372 p.
367. Maynes C.W. A Workable Clinton Doctrine // Foreign Policy. – 1994. – № 93. - P. 3–21.
368. McCornick J. American Foreign Policy and Process. United States: Wadsworth/Cengage Learning. 2010. - 630 p.

369. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. Update Edition. – New York: Norton. 2014. - 588 p.
370. Moises N. *Clinton's Foreign Policy: A Victim of Globalization* // *Foreign Policy*. – № 109. – Winter 1997/8. - P. 34–46.
371. *The Next Kosovo?* // *The Economist*. – 12 August 1999. – URL: <http://www.economist.com/node/231833>
372. Motyl A.J., Ruble R.B, Shevtsova L. *Russia's Engagement with the West: Transformation and Integration in the Twenty-First Century*. – New York. M.E. Sharpe, 2005. - 328 p.
373. Neumann I. *Discourse Analysis // Qualitative Methods in International Relations. A pluralist Guide* / Ed. by Klotz A., Prakash D. – New York. 2009. - P. 61–77.
374. Nichol J. *Kosovo Conflict: Russian Responses and Implications for the United States* // Frank Columbus (ed.). *Russia in Transition*. Vol.1. – New York. Nova Science Publishers. 2003. - P. 55–65.
375. Nielsen C.A. *Special Focus: Kosovo, The Kosovo Precedent and the Rhetorical Deployment of Former Yugoslav Analogies in the Cases of Abkhazia and South Ossetia* // *Southeast European and Black Sea Studies*. – Vol. 9. – № 1–2. – March–June 2009. - P. 171–189.
376. Nikiforov K. *Russian Foreign Policy and the Balkans in the 1990s* // *Balkanica*. – № 38. – 2007. - P. 231–241.
377. Odom W.E. *Russia's Several Seats at the Table* // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944). – Vol. 74. – № 4. – October 1998. - P. 809–822.
378. Oldberg I. *Russia's Great Power Strategy Under Putin and Medvedev* // *Occasional UI Papers*. Swedish Institute of International Affairs. – № 1. – 2010. - P. 1–23.
379. Panagiouto R.A. *The Centrality of the United Nations in Russian Foreign Policy* // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. – Vol. 27. – № 2. – 2011. - P. 195–216.

380. Papp D., Loch K.J. and Endicott J. American Foreign Policy: History, Politics and Policy. – New York: Pearson/Longman, 2005. - 560 p.
381. Paterson T.G., Clifford J.G., Maddock S.J., Kisatsky D., Hagan K.J. American Foreign Relations. Vol. 2. A History since 1985. Sixth Edition. – Boston. Houghton Mifflin Company, 2005. - 368 p.
382. Perlez J. Holbrooke Meets Milosevic on Pullback // The New York Times. – 1998. Oct 6. – URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/library/world/global/100698kosovo-us.html>
383. Poilain L., Teleki I. U.S. Policy Towards the Western Balkans // Western Balkans Policy Review. Janusz Bugajski, (ed.). CSIS. – Washington. 2010. – URL: <https://www.csis.org/analysis/western-balkans-policy-review-2010>
384. Pond E. Endgame in the Balkans regime change, European style. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2006. - 412 p.
385. Power S. A Problem from Hell: America and the Age of Genocide. Basic Books. – New York. 2002. - 690 p.
386. Primakov Y. Rusyasız Dünya. Çev. Aijan Esenkanova. – İstanbul: Timaş, 2010. - 216 s.
387. Remington T. Politics in Russia. – New York: Pearson/Longman, 2004. - 288 p.
388. Reshetnikov A. Great projects' Politics in Russia: History's Hardly Victorious End // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. – Vol. 19. – № 2. – 2011. - P. 151–175.
389. Richter S., Halbach U. A Dangerous Precedent? The Political Implications of Kosovo's Independence on Ethnic Conflicts in South-Eastern Europe // Security and Human Rights. – Vol. 20. – № 3. – September 2009. - P. 223–237.
390. Robinson P. The Role of Media and Public Opinion. Steve Smith, Amelia Hadfield and Tim Dunne (eds.). Foreign Policy, Theories, Actors and Cases. – New York: Oxford University Press, 2008. - P. 138–153.

391. Russell P. The Exclusion of Kosovo from the Dayton Negotiations // Journal of Genocide Research. – Vol. 11. – № 4. – December 2009. - P. 487–515.
392. Russett B. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. – Princeton: Princeton University Press, 1993. - 192 p.
393. Rywkin M. Russia: In Quest of Superpower Status // American Foreign Policy Interests. – Vol. 30. – № 1. – 2008. - P. 13–21.
394. Sampa F. Spykman's World, American Diplomacy Publishers. 2006. – URL:  
[http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/0406/semp/sempa\\_spykman.html](http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/0406/semp/sempa_spykman.html)
395. Serbia // In Encyclopedia Britannica. 18 August 2010. Encyclopedia Britannica Online. – URL:  
<https://www.britannica.com/news/654691/e180b7591aeeaadd8781d820c4052116>
396. Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior: Theory and Practice (Soviet and Post-Soviet Politics and Society). Ibidem Press. Stuttgart 2016. - 220 p.
397. Schwegmann C. The Contact Group and Its Impact on the European Institutional Structure (Paris: Institut d'Etudes de Sécurité-Union de l'Europe Occidentale, 2000), <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/occ016.pdf>
398. Shearman P. Russia and NATO Enlargement: The Case Against. Mike Bowker and Cameron Ross (eds.). Russia After the Cold War. Harlow. – London: Longman, 2000. - P. 299–318.
399. Shiraev E., Terrio D. Russian Decision-Making Regarding Bosnia: Indifferent Public and Feuding Elites. 2003.  
<http://www.ericshiraev.com/resources/Shiraev-Terrio.pdf>
400. Shwegman C. The Contact Group and Its Impaction the European Institutional Structure // The Institute for Security Studies Western European Union, Occasional Papers. 16. Paris. 2000. – URL:  
<http://www.iss.europa.eu/uploads/media/occ016.pdf>

401. Simic P. Russia and the Conflicts in Former Yugoslavia // Southeast European and Black Sea Studies. – Vol. 1. – № 3. – September 2001. - P. 95–114.
402. Smith R.E. Yugoslavia Faces Financial Crisis, Too // International Herald Tribune. – 4 July 1991. – URL: <https://www.nytimes.com/1991/07/04/business/worldbusiness/IHT-yugoslavia-faces-financial-crisis-too.html>
403. Smith M.A. A bumpy Road to an Unknown Destination? NATO–Russia Relations. 1991–2002. Rick Fawn (ed). Realignments in Russian Foreign Policy. – London. Portland. Frank Cass, 2003. - 19 p.
404. Snow Donald M. National Security for a New Era: Globalization and Geopolitics. – New York: Pearson/Longman, 2004. - 420 p.
405. Solana J. The Washington Summit: NATO Steps Boldly into the 21st Century // NATO Review. – Webedition. № 1. – Spring 1999. – Vol. 47. <http://www.nato.int/docu/review/1999/9901-01.htm>
406. Steinberg J. A Perfect Polemic: Blind to Reality on Kosovo // The Foreign Affairs. – November–December. 1999. – Vol. 78. – № 6. - P. 128–133.
407. Talbott S. The Russia Hand: A memoir of Presidential Diplomacy/ P. Random House Trade Paperbacks. –Reprint edition. May 13. 2003. - 512 p.
408. Tense Christmas in Kosovo // OSCE Newsletter. – December 1998. – Vol. 5. – № 12. – URL: <http://www.osce.org/secretariat/documents/14699>
409. Thomas R.G. Yugoslavia Unraveled: Sovereignty, Self-Determination, Intervention. Lexington Books. – Maryland. 2003. - 368 p.
410. Thorun C. Explaining Change in Russian Foreign Policy – The Role of Ideas in Post-Soviet Russian’s Conduct towards the West. – New York: Palgrave Macmillan, 2009. - 215 p.
411. Tomasevich J. War and Revolution in Yugoslavia (1941–1945): The Chetniks. – Stanford University Press. 1975. - 864 p.



412. Tsygankov A.P. Finding a Civilizational Idea: 'West', 'Eurasia' and 'Euro-East' in Russia's Foreign Policy // *Geopolitics*. – Vol. 12. – № 3. – 2007. – P. 375–399.
413. Tsygankov A.P. Russia's Power and Alliances in the 21st Century // *Politics*. – Vol. 30. – № 1. – 2010. – P. 43–51.
414. Tsygankov A.P. *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. Boulder. – New York: Rowman and Littlefield Publisher, 2006. – 298 p.
415. Varel A. Toplumsal Dönüşümü Bir Köprü'nün Tarihi Üzerinden Okumak: İvo Andriç ve Drina Köprüsü // *Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi*. 37/2. Aralık. 2020. – S. 406–423.
416. Voorhoeva J. Bosnia and European Security: The Interests at Stake // *The RUSI Journal*. – Vol. 141. – № 3. – 1993. – P. 1–4.
417. Walt S. *Taming American Power: The Problem of American Power. American Foreign Policy: The Dynamics of Choice in the 21st Century*. Edited by Bruce W. Jentleson. – New York: W.W. Norton and Company, 2007. – 322 p.
418. Walt S. Two Cheers for Clinton's Foreign Policy // *Foreign Affairs*. – Vol. 79. – № 2. – March/April 2000. – P. 63–79.
419. Waltz K. The New World Order // *Millennium: Journal of International Studies*. – Vol. 22. – № 2. – 1993. – P. 187–195.
420. Webber M. *The Kosovo War: A Recapitulation* // *International Affairs*. 85. 3. Blackwell Publishing Ltd/The Royal Institute of International Affairs. 2009. – P. 447–459.
421. Wedgwood R. NATO's Campaign in Yugoslavia // *American Society of International Law*. – Vol. 93. – № 4. – October 1999. – P. 828–834.
422. Woodward S. *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*. – Brookings Institution Press. 1995. – 555 p.

423. Woodward S. *Socialist Unemployment: The Political Economy of Yugoslavia, 1945–1990*. – Princeton University Press. New Jersey. 1995. - 443 p.
424. Woodward S. *Yugoslavia: Divide and Fail // The Bulletin of the Atomic Scientists*. – Nov. 1993. – Vol. 49. – № 9. - P. 24-27.
425. Woodward S. *America's Bosnia Policy: The Work Ahead // Brookings*. 10 July 1996. – URL: <https://www.brookings.edu/research/americas-bosnia-policy-the-work-ahead/>
426. Woodward S. *Humanitarian War: a New Consensus, The Politics of Humanitarian Assistance: Debates, Dilemmas, and Dissension*. <http://www.odi.org.uk/events/docs/3775.pdf>
427. Yapıcı M. *Rus Dış Politikasını Oluşturan İç Etkenler*. – Ankara. USAK. 2010. - 576 s.
428. Yermolaev M. Mazing V. *Russia's Peacekeeping Policy: The Balkan Experience*. Virginia Center for Naval Studies. 1999. – URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA366925.pdf>
429. Youngs T., Bowers P. *Kosovo: KFOR and Reconstruction // House of Commons Library. Research Paper 99/66*. 18 June 1999. - P. 8–53.
430. Zimmermann W. *Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers – America's Last Ambassador tells What Happened and Why*. – New York: Times Books, 1996. - 288 p.